

Михаил Тырин
Тень Покровителя (сборник)

«Автор»

Тырин М. Ю.

Тень Покровителя (сборник) / М. Ю. Тырин — «Автор»,

Жестокая и агрессивная инопланетная цивилизация вербует землян, зомбируя их для своих коварных целей – овладения самыми современными видами оружия и техники. Планы пришельцев из глубин Вселенной выстроены почти безупречно, механизм влияния на человеческую психику почти совершенен. Но, к счастью, не все люди подвержены страшному воздействию, а значит, Земле не быть лишь одним из сотен уничтоженных миров.

© Тырин М. Ю.

© Автор

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Последняя тайна осени	7
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Михаил Тырин

Тень Покровителя

ПРЕДИСЛОВИЕ

Казалось бы, где, как не в Калуге – самом «космическом» городе, – должен был возникнуть мощный лагерь фантастов. Город К.Э.Циолковского! Однако – увы, увы! – отец космонавтики по-прежнему остается единственной заметной калужской фигурой в мире фантастики. Пока...

Впрочем, нельзя сказать, что на калужской земле вовсе отсутствуют интересные авторы НФ. Много лет в городе космонавтики функционирует клуб любителей фантастики «Звезда КЭЦ».

Книга, которую вы держите в руках (первая калужская ласточка, пробившаяся к издателю), подтверждает, что есть в городе космонавтики авторы, достойные читательского уважения.

Михаил Тырин – человек в фантастике во всех отношениях новый. Правда, за его плечами большой читательский опыт, несколько опубликованных в периодике рассказов (один из которых – «Малые возможности» – завоевал первое место на конкурсе журнала НФ «Если») и сказочно-фантастическая повесть «Конец Властелина подземелий», изданная, правда, мизерным тиражом и моментально ставшая библиографической редкостью.

Однако раньше Михаил был известен прежде всего как автор-исполнитель собственных песен, многие из которых одно время пользовались большой популярностью в студенческой и творческой среде.

Родился Михаил Тырин в 1970 г. под знаком Весов, после школы поступил в Бауманский институт, но гуманитарный склад ума взял свое, и Михаил перевелся на филологический факультет Калужского педагогического института, который благополучно и закончил. К слову сказать, названный факультет выпестовал немало одаренных личностей, среди которых поэт, основатель модного нынче Ордена куртуазных маньеристов Виктор Пеленягрэ, автор популярных детективов (в том числе экранизированной «Аварии – дочери мента») Юрий Коротков, рок-музыкант и художник Максим Ляпунов (теперь уже – питерский), известный фотохудожник Игорь Уколов... Не без оснований надеюсь, что автор настоящей книги продолжит сей достойный список.

По окончании института Михаил несколько лет проработал в профессиональной журналистике, зарекомендовав себя как один из самых вьедливых, актуальных журналистов Калуги. Однако пути Господни неисповедимы. Необходимость кормить семью привела автора книги на работу в Калужское УВД, где он и работает – в чине старшего лейтенанта – и по сей день. Успел побывать он и в Чечне. Кстати, любопытная организация – эта калужская милиция: там – куда ни плюнь – попадешь в выпускника филфака КГПИ им. К.Э.Циолковского!

Милиция и фантастика. Если вы думаете, что эти понятия несовместимы, то крупно ошибаетесь. С ходу могу назвать несколько имен фантастов-милиционеров, уже хорошо известных читателю: Юрий Брайдер (Минск), москвич Борис Руденко (с недавних пор, правда, этот интересный автор переключился на детективы), Сергей Синякин (Волгоград)... Так что, в «тихом» омуте... фантасты водятся.

Журналистская способность подмечать главное и опыт нелегкой работы в органах хорошо заметны в творчестве М.Тырина (особенно в «Последней тайне осени»).

Повести, составившие этот сборник, представляют собой добротные образцы приключенческой фантастики. Герои произведений М.Тырина – наши современники, обычные люди,

оказавшиеся, мягко говоря, в неординарной ситуации, но никогда не теряющие чувство юмора. Новелла «Малые возможности» развивает классический сюжет НФ – «путешествие в мир малых величин». Но, казалось бы, безобидное путешествие-развлечение обернулось для героев рассказа опасной авантюрой.

Во всех отношениях самостоятельна повесть «Грехи ночного неба» – на мой взгляд, лучшая вещь сборника. Брошенный в детстве матерью Паша Семенов неожиданно для себя оказывается «завербованным» коварными пришельцами, создающими тайную армию из землян для захвата нашей планеты. Только пройдя огонь, воду и медные трубы, герой повести открывает для себя истину, и теперь ему предстоит вступить в противоборство со своими «благодетелями» из Космоса...

В повести «Последняя тайна осени» поначалу нет ничего фантастического: самый обыкновенный оперативник расследует привычное для нашего времени заказное убийство. Но очень скоро просто детектив превращается в детектив фантастический, когда оказывается, что преступник-пришелец... из будущего, способный, к тому же, создавать сопредельные пространства, в которых не действуют никакие земные законы. И нашему современнику, оперативнику Васину, предстоит не только совершить ряд путешествий во времени, но разыскать «временного» преступника в мире, где ничего нельзя предсказать, где перемешано все, где черное не отличимо от белого...

Чем привлекает творчество М.Тырина? Конечно же, это лихо закрученная сюжетная интрига – повести держат в напряжении читателя до самого конца, они захватывают. Это немало важно – увлечь читателя. Но есть и еще одна особенность, которой, к сожалению, лишены многие авторы литературы «экшн» – хорошее чувство юмора. Спектр смешного у Тырина достаточно широк для жанра: от ненавязчивой улыбки до «стеба» и даже сарказма. И все-таки главным достоинством прозы М.Тырина я считаю наличие действительно ЖИВЫХ персонажей, в которых веришь, которым сопереживаешь. Ведь это такие же мужчины и женщины, как мы с вами, просто им по воле автора пришлось столкнуться с неведомым, непривычным. Ведь мы не знаем, что готовит нам завтрашний день. Может, утром, выйдя из подъезда своего дома, и вы окажетесь втянутыми в события, которые перевернут вашу жизнь. Хотя, конечно, приключения переживать лучше на страницах книг. Уверен, несколько часов, проведенных за чтением этой книги, не покажутся вам скучными.

Добрых вам приключений!

ЕВГЕНИЙ ХАРИТОНОВ.

Москва. Декабрь 1996 г.

Последняя тайна осени

Осень только начиналась, а дорожки в парке, чашу старого фонтана и газоны уже завалили желтые листья. Васин шел через парк, слушая тайный шорох листвы под ногами и вдыхая запах, которому оставалось витать в воздухе совсем недолго. До тех пор, пока дворники не соберут опавшие листья в большие кучи и не запалят костры. Тогда будет пахнуть дымом. Дым – это тоже запах осени, но листья пахнут приятнее.

«Если бы здесь сейчас был постовой милиционер, – подумал Васин, – он подошел бы ко мне и сказал: по газонам ходить запрещено. А я бы достал удостоверение: успокойся брат, я свой, и не в этом даже дело... Сейчас все свои, потому что пришла осень, а опавшие листья нужны только для того, чтобы ходить по ним, слушать их шорох, вдыхать ароматы...»

Осень всегда была для Васина загадкой. Еще ребенком он подбирал опавшие листья, долго вертел их в руках, разглядывая, пытаясь понять, почему яркий зеленый лист так внезапно наливается желтизной. Он смотрел в небо и удивлялся – отчего солнце стало тусклым? Может, оно просто прогорело, как костер? Или мокрые дождевые тучи остудили его?

Он взрослел, читал книги, учился в школе, и тайны переставали быть тайнами. Чтобы узнать, отчего желтеют листья, нужно понять, почему они прежде были зелеными. А для этого следовало изучить обмен веществ, свойства хлорофилла и так далее, и так далее... Так умирали тайны – одна за другой.

Но осень оставалась осенью. С годами Васин понял, что осень для него становится временем перемен. Осенью он пошел в первый класс. Осенью начал учиться в институте. Потом его призвали в армию, демобилизовавшись, он устроился на работу, женился – почему-то все это происходило тоже осенью.

Может, поэтому его так волновал запах преющей листвы? Всякий раз, срывая с календаря последний лист лета, Васин начинал томиться привычным ожиданием: вот сейчас все изменится, сейчас что-то произойдет и начнется другая интересная жизнь...

Но чем старше он становился, тем меньше традиционных «осенних» событий случалось в его жизни. Последним из них был развод с женой. Он выпал на сентябрь...

Парк кончился. Васин пересек площадь и вошел в двери массивного четырехэтажного здания предвоенной постройки. До конца отпуска оставалась еще пара дней, но он не удержался от соблазна заглянуть на работу. Не удержался, хотя прекрасно знал, что ничего тут не изменилось, все по-прежнему, разве что поменяли фотографии на Доске почета или побелили потолки в кабинетах.

Так всегда бывает. Спешешь в свой город после долгих странствий, торопишься увидеть привычные, знакомые места, надеясь в глубине души, что они стали лучше... А когда приезжаешь – с разочарованием видишь, что город даже не заметил твоего отсутствия и остался точно таким же. Осень – время перемен в жизни людей, а не городов.

Сержант на входе оторвался от журнала и удивленно посмотрел на Васина.

– Привет, Саша! Ты что, из отпуска?

– Ага, – безмятежно ответил Васин.

– То-то я смотрю – загорел как...

Теперь навверх. По истертой лестнице, которую Васин мерил ногами не одну тысячу раз. Он не успел миновать и двух пролетов, как из-за угла вырулил Владик Пухов из «противоугонного» отдела.

– О! – воскликнул он. – Здорово! Ты откуда такой загорелый? Из отпуска?

– Как ты догадался?

– Работа такая.

– Понимаю... Что у вас новенького?

– Да так... Ничего. Работаем.

– Я так и знал. Ну, работайте...

На третьем этаже, где были отведены помещения и кабинеты отделу уголовного розыска, к счастью, оказалось безлюдно. Васин был не в настроении объяснять каждому встречному, почему он «такой загорелый» и отвечать всем «да, из отпуска». Он задержался на мгновение перед дверями своего кабинета, из-за которых доносился нервный визг принтера, но все-таки решил сначала показаться начальнику, а потом уж все остальное.

Михалыч был для Васина не просто начальником, а еще и старым приятелем. Когда-то они вместе учились в Академии, а затем один начал опережать другого в прыжках по должностям. Васин не переживал по этому поводу. Служебная лестница – дело скользкое, и каждый сам решает, с какой скоростью и какими методами ее преодолевать.

Дружеских отношений они не потеряли, но Михалыч постоянно просил Васина не называть его на «ты» при подчиненных и посторонних. Васин всякий раз соглашался, однако не мог пересилить себя. Его просто разбирал смех, когда он говорил «здравствуйте, Юрий Михайлович» своему старому приятелю, с которым столько было пережито и выпито. Михалыч злился, считая, что Васин этим тлетворно действует на его авторитет и субординацию в отделе.

Васин Михалыча уважал. Хотя бы за то, что тот не спросит «почему ты такой загорелый». Он – старый сыщик – сразу поймет: загореть на такой собачьей работе можно только в отпуске. Правда, на сей раз у Михалыча не было необходимости проявлять чудеса смекалки: он был начальником Васина и прекрасно помнил, что через два дня у того кончается отпуск.

– Что так рано? – спросил Михалыч, протягивая руку. – Тебе, если не ошибаюсь, еще два дня гулять.

– Да вот... Не удержался. Пошел на вокзал сестру встречать, а поезд опаздывает. Два часа убить надо – дай, думаю, зайду...

– Соскучился, значит? Как отдохнул?

– Прекрасно! У деда на огороде хорошо отдыхается.

– Я и смотрю, загар у тебя не пляжный.

– Все правильно. А у вас-то как дела?

– Помаленьку. Как обычно: ловим – сажаем, ловим – сажаем...

– А еще?

– «Квартирникам» дали две единицы за счет местного бюджета...

– А нам?

– А вас, «убойников», и так достаточно.

– Не скажи, Михалыч...

– Да ладно... Стручков перевелся в участковые – вот тебе еще новость.

– Из-за квартиры?

– Конечно. Легко ли – с двумя детьми в общежитии? – Михалыч отодвинул в сторону спичечный коробок, будто избавляясь от этой грустной темы. – Ты говоришь, сестру сегодня встречаешь? Откуда же?

– Из Берлина.

– О-о!

– Сестренка у меня не промах. Два курса иняза закончила и поехала на практику в Германию. Конкурс был двенадцать человек на место, а она вот...

– Молодец. Выпить небось привезет. Чего-нибудь вкусенького, а?

– Надеюсь, догадается.

Васин посмотрел на часы, встал.

– Пойду я, Михалыч, с ребятами повидеюсь.

Он пересек коридор толкнул дверь своего кабинета. Это был не просто кабинет. Это был штаб, где принимались самые важные решения. Это был очаг, к которому они возвращались

после самых трудных заданий и командировок. Это была таверна, где иногда они отмечали свои маленькие радости и победы. Одним словом, для каждого это был второй дом. Как и в любом доме, здесь бывало всякое – и хорошее, и не очень. Но стены их второго дома были привычны и надежны.

Сейчас в этих стенах сидел только один человек.

– Привет, Никита, – сказал Васин.

Никита оторвался от экрана компьютера, поправил очки, торопливо пригладил светлые мягкие волосы и только после этого улыбнулся всем своим пухлым лицом.

– Саша! Ты уже из отпуска?

– Почти.

Васин прошел в глубь кабинета и с неудовольствием заметил, что на его столе стоят кружки с недопитым чаем, пепельница, валяются смятые бумажки.

Впрочем, стол был не совсем его. Когда в одном крошечном кабинете «прописано» девять человек, понятие «свой стол» теряет всякий смысл.

– Ты загорел, – отметил Никита.

– Еще бы – целый месяц у деда в деревне.

– А где у тебя дед?

– В Курской области. Я почти каждый год у него – то с косой, то с мотыгой.

– И что, даже на рыбалку не выбрался?

– А я и не любитель, ты же знаешь.

Васин сел за стол, отодвинул грязные кружки, вернул на привычное место телефон.

– А ребята где?

– Сегодня спортивный день. Меня дежурить оставили.

– Еще бы... С твоей комплекцией, Никита, ты будешь вечным дежурным. Сгоняй жир, пока не поздно. Не надейся за компьютером отсидеться. Придет время и зачеты сдавать.

Никита печально улыбнулся. Он не обижался на шутки и замечания в адрес своего телосложения. «Я не ребенок и не женщина, – говорил он, – чтобы стесняться своего веса».

Васин набрал номер справочной вокзала.

– Здравствуйте, а поезд из Бреста... Как, еще на час? Извините, спасибо...

– Кого из Бреста ждешь? – поинтересовался Никита, когда Васин повесил трубку.

– Сестричку свою ненаглядную, – вздохнул Васин. – Едет из Германии через Брест. Лучше бы через Москву поехала.

– Из Германии, – удивился Никита.

Васин встал, прошелся по кабинету. Здесь ничегошеньки не изменилось. Хоть бы календари новые повесили...

– Значит, ребят я не увижу, – проговорил он. – Пойду хоть Тотошку проведаю.

– Ты когда на работу?

– Скоро, – ответил Васин уже в дверях. – Через пару дней.

Тотошкой он называл веселое и жизнерадостное существо, которое состояло в отделе на должности секретаря-стенографистки. По паспорту она была Татьяной, но опера почему-то называли ее Таткой, а вот Васин – Тотошкой.

Она была очень молодая, подвижная, голосистая – как школьница. Но с мужчинами старалась вести себя официально. Называла всех по имени-отчеству, делала серьезное и строгое лицо, неумело маскируя бесхитростную девичью улыбку. За этим было очень забавно наблюдать.

– Здравствуйте, уважаемая Татьяна Егоровна! – манерно произнес Васин. – Привет, Жора.

Последнее относилось к личному водителю Михалыча. Он постоянно торчал в канцелярии, болтал о чем-то с Тотошкой, всячески мешая ей работать. На каждого входящего он смотрел с большим неудовольствием.

Однако сейчас Жора смягчился и даже соизволил спросить у Васина:

– Ты из отпуска?

– Ой, здравствуйте, Александр Николаевич, где это вы так загорели? – радостно зашептала Тотошка, но тут же одернула себя.

– Вы, наверно, на юге были? – продолжала она, и голос ее теперь звучал на пять тонов ниже – взрослее и солиднее, как ей казалось.

– Да, милая, на юге, – улыбнулся Васин.

– Ой, а где? В Крыму?

– Нет, в этом году я отдыхал в Калифорнии.

– В Калифорнии!? – изумилась секретарша.

– Да... Искупался в море, позагорал... Пару раз ездил на тигров охотиться. В общем, ничего особенного.

– Калифорния, – зачарованно повторила Тотошка.

Жора, который до этого момента лишь возмущенно тарасил глаза, вдруг взорвался:

– Да кого ты слушаешь! – заорал он. – Врет и не покраснеет. Какая Калифорния! У него денег не хватит до ближайшего санатория доехать! Калифорния!

Васин скромно потупился.

– Знаешь, за что я тебя люблю, Жорик? – сказал он. – За безупречное чувство юмора. И за догадливость.

Васин повернулся к двери, но потом добавил.

– Кстати! Это тебе для общего развития пригодится. Запомни: в Калифорнии тигры не водятся.

Итак, день начинался превосходно! Поезд опоздал, с ребятами повидаться не удалось – не считая Никиты, да еще и Жорик со своей жадной правды...

Васин побрел по коридору, раздумывая, как употребить оставшееся до поезда время. Он бы непременно придумал что-нибудь стоящее, но вдруг столкнулся с Михалычем, вылетевшим как вихрь из своего кабинета.

– Ты еще здесь?! Слава тебе, Господи! Хорошо...

Васин насторожился, не понимая причин такой радости.

– Саша! Выручи не в службу, а в... В эту...

– Что случилось? – осторожно поинтересовался Васин.

– У тебя время есть еще?

– Есть немного.

– Выручи. Съезди на Вологодскую. Там какого-то бедолагу током в гараже убило. Съезди, проверь, посмотри.

– Кто убил? – Васин решил разыгрывать дурачка.

– Да никто не убил. Несчастный случай.

– Если так, то мы тут при чем?

– Да не знаю я... Там участковый что-то лопочет в трубку, толком ничего не ясно, но говорит, что надо проверять.

– Вот оно что...

– Не поднимать же мне опергруппу из-за каждого утопленника?

– Утопленника, – задумчиво повторил Васин.

– Съезди. На моей машине. Одним глазком погляди, а потом Жора тебя на вокзал доставит. Мне просто послать больше некого. Никита дежурит. А тебе все равно время убить надо, сам говорил.

– Понятно. Ну, раз Жора на вокзал доставит, тогда конечно
– С меня отгул, – в приступе благодарности пообещал Михалыч. Но потом поправился. – Пол-отгула.

* * *

Через двадцать минут машина остановилась в тенистом дворе старого пятиэтажного дома. Было безлюдно. Дети еще не вышли гулять, а взрослые уже ушли на работу. Лишь на скамейке у подъезда скучал в компании двух ободранных кошек пожилой участковый.

– Ну? Где покойник? – степенно поинтересовался Васин.

Участковый резко поднял голову, как будто его оторвали от глубокого печального раздумья, и непонимающе посмотрел на Васина.

– Я из управления, – поспешил уточнить тот, взмахнув красной книжечкой.

– А-а... – кивнул участковый и тяжело поднялся. – Вон там, за кустами.

Они вместе прошли мимо качелей и сломанного турника, миновали редкие полуживые заросли акации и остановились под раскидистым тополем.

– Ни черта себе! – ахнул Васин.

У их ног лежало нечто скорченное, обгорелое, наполовину голое и жалкое. То, что недавно было живым, здоровым и, возможно, веселым человеком.

Васин присел на корточки. Труп лежал на спине, спереди лохмотья дорогого костюма разошлись, обнажив обугленную грудь с черным отверстием.

– А с чего вы решили, что его убило током? – спросил Васин.

– Ну, как... – смутился участковый. – По приметам. Ожоги, разрывы одежды, характерная поза. Обугленные отверстия на спине и груди.

– Похоже на выстрел в упор, – заметил Васин. – Обычно, если стреляют в упор, одежда начинает тлеть и сгорает. Правда, без таких ожогов на теле...

– Нет, – решительно сказал участковый. – Не могла одежда тлеть. Почти всю ночь дождик шел, а он тут точно с вечера валяется. Да еще и эти... Древовидные фигуры на коже...

– Да-да, – пробормотал Васин, смутно вспоминая факультативный курс судебной медицины. Потом вдруг опомнился. – Постойте, а где гараж?

– А вот! – участковый указал в глубь двора, где темнела облупленная, изрисованная детворой «ракушка».

– Это гараж?! И вы утверждали, что его убило током в этом гараже?!

– Я и говорю, странно! – с нажимом произнес участковый. – Только я сказал не в гараже, а возле гаража.

Васин машинально поднял глаза, пытаясь определить, нет ли поблизости высоковольтных линий. Потом сообразил, что ведет себя глупо.

– Значит, вчера дождик был? – переспросил он у участкового. – Просто дождик, и все?

– Ну, да. Просто дождик. Вон, еще лужи...

– А может, гром был, молнии?

– Не-ет, – уверенно ответил участковый. – Никаких молний. Просто мелкий дождик.

Даже если бы вчера была страшная гроза, Васин не поверил бы, что этого человека убило молнией. В городе такого не бывает. Молния бьет в столбы, антенны, громоотводы. А человек слишком мал, чтобы вызвать на себя разряд.

Он осторожно ощупал лохмотья пиджака. Почти сразу нашел в складках материи что-то твердое. В уцелевшем кармане лежали документы – обгоревшие, но читаемые.

– Как интересно, – проговорил Васин, доставая красную книжечку с надписью «МВД России».

– Так он наш! – восторженно воскликнул участковый.

– Не спешите, – сказал Васин и извлек еще одну книжечку. На этой красовалось гордое «Служба внешней разведки».

Следующим был паспорт. Затем – еще одно удостоверение, запаянное в пластик: «АОЗТ «Максимум». Эдуард Григорьевич Малютин. Президент». Последним Васин достал кошелек. Внутри лежали три бумажки по десять долларов, стопка российских денег и потрепанная визитная карточка, принадлежащая некому Сидорову, главному эксперту какого-то торгового агентства.

– Ого! – воскликнул за спиной Жора, которому надоело ждать в машине и захотелось принять участие в осмотре. – Что это с ним?

– Умер, – коротко пояснил Васин.

Участковый восхищенно рассматривал удостоверения, изъятые у покойника.

– Двойной агент какой-то, – заметил он. – Даже, наверно, тройной.

– А... – Васин небрежно махнул рукой. – Это липа. Девчонкам показать или кондуктору... А серьезных людей на это не возьмешь. Посмотрите лучше паспорт.

– Малютин Эдуард Григорьевич, – начал читать участковый. – Наш, в этом доме прописан. Холостой. Несудимый.

– Так! – Васин выпрямился, отряхнул руки. – Вот его гараж. А вот его подъезд. Он должен был пройти по дорожке и благополучно добраться до своей квартиры. Вопрос – почему труп лежит в пяти метрах от дорожки? Либо он вильнул в сторону, либо... Ну-ка...

Васин согнулся пополам и начал рассматривать следы на земле и дорожке.

– Все ясно, – сказал он через минуту. Затем посмотрел на часы и повернулся к водителю.

– Жора, машина открыта?

– Ага.

Васин залез в кабину, взял трубку радиотелефона, набрал номер.

– Михалыч, привет с улицы Вологодской.

– Ну? – нетерпеливо спросил Михалыч.

– На этот раз нам крупно не повезло. Буди оперативную группу. Это убийство.

– А...

– А я дождусь их и поеду на вокзал, как договаривались.

– Но...

– Михалыч, я в отпуске. Нет меня. У моей сестры два центнера чемоданов, не считая сумок, она не простит...

– Только...

– Да, да, я уже понял. Завтра выхожу на работу.

* * *

– Черт бы тебя побрал, Васин! Черт бы тебя побрал.

С этих слов Михалыч начал ежедневную утреннюю планерку. Сегодня народу было меньше, чем обычно – кроме Васина, в кабинете сидел только опер из вчерашней дежурной группы и еще эксперт. Ждали следователя из прокуратуры, но он задерживался.

– Как только ты, Васин, появляешься, сразу все портишь, – продолжал Михалыч. – Был у нас прекрасный тихий месяц. Из пятнадцати убийств четырнадцать раскрыто. Но вот возникаешь ты и из несчастного случая делаешь убийство. Причем наверняка заказное, которое, коню понятно, не будет раскрыто.

– Михалыч, – застенчиво улыбнулся Васин, – а кто послал меня с этим трупом разбираться?

– Да какая разница! Сказано тебе было – несчастный случай! Куда там! Тебе ведь больше всех надо!

Михалыч достал сигареты, прикурил.

– Ладно, – сказал он. – Шутки шутками, а пора работать. Курить будешь?

Он протянул пачку Васину. Тот с сомнением посмотрел на сигареты и вздохнул.

– Вообще-то я матери обещал, что курить в отпуске брошу...

– Ничего. Кончился твой отпуск. Можешь смело снова начинать.

Михалыч кивнул дежурному оперу.

– Рассказывай.

Опер выглядел неважно. Он отдежурил сутки, и давно уже должен был похрапывать дома в своей кровати. Но не ушел, потому что нужно было ознакомить собравшихся с материалами проверки и, если потребуется, все уточнить сразу.

Он раскрыл папку и начал перечислять самое, с его точки зрения, важное.

– Убитого звали Эдуард Григорьевич Малютин. Тридцать лет. Руководитель и владелец акционерного общества закрытого типа «Максимум». Официально держит десяток палаток на вокзале и еще сдает мелкооптовые партии турецкой косметики. Родился в Баку, по национальности русский. Близких родственников нет, живет один. По нашим учетам не проходит. Двенадцать раз привлекался к административной ответственности по линии налоговой инспекции и прочим торговым делам. Это вкратце о нем. Вопросы есть?

– Вопросы море, – ответил Васин. – С чего ты взял, например, что он руководит АОЗТ «Максимум»?

– При нем удостоверение было. И вообще...

– При нем много удостоверений было.

– Обижает, Васин. Ребята съездили, проверили. Кстати, по удостоверениям... Документы МВД и СВР изготовлены на цветном струйном принтере. От себя добавлю: сделаны настолько паршиво, что я за это даже привлечь бы постеснялся... Еще вопросы есть?

– Вопросы потом, – строго заметил Михалыч. – Что по осмотру?

– По осмотру... – опер перевернул несколько листов. – Да в общем, ничего особенного. Эксперт полностью подтверждает, что жертва поражена электрическим разрядом напряжением не менее восьмисот тысяч вольт. Сегодня труп будут вскрывать, может, появятся новые подробности. Пока успели сделать только экспресс-анализ крови, нашли полтора процента алкоголя, то есть легкая степень опьянения. Что еще... При нем обнаружены деньги, документы, ключи с пультом сигнализации. На поясе – трубка мобильного телефона. Да больше вроде ничего...

– Машину, гараж шмонали?

– Обязательно. Вот список, ничего интересного. Сами потом посмотрите.

Васин приуныл. Информации оказалось маловато. Особенно неприятно было, что убитый не проходил по милицейским учетам. Значит, работать придется в два раза больше...

– Васин, не кисни, – сказал опер. – Я еще самого интересного не рассказал. Труп был обнаружен после восьми утра пенсионеркой Мартыновой, которая вышла гулять с котом и забрела за куст. Эксперт же говорит, что смерть наступила вчера между одиннадцатью и двенадцатью вечера. Участковый сделал поквартирный обход и выяснил, что никто ничего в это время не слышал и не видел...

– Продуктивно, – не удержался Васин.

– Но зато он узнал, что с девяти вечера, и, как говорится, «до упора» во дворе крутился какой-то пацан лет двадцати. Ходил, ходил, жалом вертел – то за кусты, то на скамейку, то на качели... Никто его не знает. Соседи решили, что студент, потому что в руках у него была черная труба с ручкой – одним словом, тубус для чертежей. Все уже детей домой позвали, мужики свое домино собрали – дождь начался, а парень так и ходил.

Васин удивленно покачал головой.

– Может он и сфотографировать себя разрешил?

– Нет, фотографировать его не стали, но фоторобот ребята сейчас делают.

Михалыч фыркнул.

– Что ты, Васин, засуетился? Думаешь, профессиональный убийца стал бы два часа ходить и «светиться» при всем народе?

– А если не профессиональный?

– Ладно, обсудим.

– Самое главное я рассказал, – объявил опер и отодвинул папку на центр стола. – Все подробности, имена, адреса и протоколы – в документах. Если есть вопросы – задавайте. Только сейчас, а не когда я домой уйду. А то начнете поднимать с кровати, спрашивать, как звали кота пенсионерки Мартыновой...

Михалыч надел очки и начал просматривать бумаги, а эксперт занялся детальным рассмотрением собственных ногтей. Он еще вчера подробно изучил дело и сейчас знал все, что только можно было знать на данный момент.

– Расскажи-ка еще про того парня, – попросил Васин.

– Пожалуйста. Его хорошо запомнили, потому что посторонний во дворе – это, сам понимаешь, событие. Рост 170 – 175 сантиметров, телосложение атлетическое. Волосы темные, курчавые, кожа смуглая. На цыгана похож... Одежда – джинсы, белая футболка, летний пиджак, серый. Обувь... Да, чуть не забыл! Ребята сняли следы обуви. Под скамейкой было грязновато, и его подошвы там хорошо отпечатались. Но это все есть в деле.

– А тубус? – продолжал Васин. – Действительно просто тубус или не совсем?

– Знаешь... Там ведь в основном бабки да старики были. Откуда им знать, как тубус выглядит? Они еще говорили, что какой-то этот парень был... Ну, неопрятный, что ли. Одет хорошо, не грязный, но.. Одним словом, как цыган. Цыгана во что ни одевай – он все равно цыган.

Васин кивнул. Помаленьку начал вырисовываться план работы.

– Еще вопросы есть? – спросил опер.

– Иди, отдыхай, – разрешил Михалыч. – Не волнуйся, если что, мы тебя разбудим.

Опер обиженно засопел и вышел из кабинета.

– Ну что, хлопцы, – вздохнул начальник. – Давайте думать.

– Ты считаешь, «цыган» ни при чем? – поинтересовался Васин.

– Как я могу что-то считать, если ничего не известно? Все может быть...

– Тогда будем отрабатывать версию, что он и есть злодей. Вопрос – почему он так глупо себя «засветил»? Эксперт, хотя это было не в его компетенции, решил предположить.

– Либо он совсем дурак, либо... я не знаю.

– Вот именно, – согласился Васин. – «Не знаю». Лично я еще не встречал среди наемных убийц полных дураков. Таких, которые два часа вертятся на глазах у многих людей, да еще и следы обуви под скамейкой оставляют.

– Слово «наемный убийца» мы пока прибережем, – порекомендовал начальник. – Коммерсантов убивают не только киллеры.

– Допустим. Лично мне кажется, что он не дурак, а просто наглый. Он был уверен, что мы его не найдем. То есть или он приехал из очень дальних мест, или...

– Изменил внешность, чтобы мы искали не того человека, – осенило эксперта.

– Мысль интересная. Мы будем искать черного кучерявого, а он на самом деле, скажем, белый и пушистый... Все равно, как-то это по-дурацки.

– И все же, чем он его так уделал? – недоумевал Михалыч. – До восьмисот тысяч вольт – ничего себе! Может, все-таки молния?

– Нет, Михалыч, не может. Во-первых, вспомни, когда последний раз была гроза? Я спрашивал, никто не помнит. Во вторых, молния обычно бьет в дерево или столб...

– А если шаровая?

– А если шаровая – она бы так грохнула, что весь район бы услышал. И в-третьих, молния бьет неожиданно.

– И что?

– А то. Покойничек наш спокойно шагал от гаража к подъезду. А потом что-то увидел, свернул с дорожки и побежал.

– С чего это ты так решил? С того, что его в стороне от дорожки нашли? А если его ударом отбросило? А если зигзагами шел – сам же слышал – спирт в крови.

– Не, Михалыч, не в спирте дело. В размере шагов. На дорожке он шел нормально и – заметь – ровно. А на траве расстояние между шагами больше. Значит...

– Значит, бежал, – продолжил эксперт.

– Умница, – похвалил Васин. – Откуда ты, такой сообразительный?

– И все-таки, чем его накрыло, – настаивал Михалыч. – Слушай, Васин, а может, этим... Помнишь, мы у шамановской бригады изымали?

– Электрошок? – оживился эксперт. – Ну, нет. У этой штуки ампер маловато.

– А если его как-то переделали?

– Ну... – эксперт задумался. – Если взять пару аккумуляторов от «Камаза», намотать катушку из толстого кабеля с меня ростом и прицепить пару высоковольтных изоляторов, а потом попробовать засунуть все это в тубус... Тогда, может, и сработает.

– Умник, – сухо сказал Михалыч. – А может, это что-то секретное. Мафия сейчас новое оружие быстрее нас получает.

– Дело не в секретах, а в технологии. Чтобы сделать такой разрядник переносным, нужны сверхпроводники и сверхизоляторы. И вообще, мы зря тратим время. Удар был атмосферным. Если бы он был контактным, мы бы нашли на месте входа разряда следы металлизации. А мы их не нашли.

Михалыч несколько секунд задумчиво крутил авторучку в точилке для карандаша.

– Это все лирика, – наконец сказал он. – А надо работать. Ты, Васин, это дело заварил – ты и расхлебывай.

– Не понял! Что – один?

– Почему один? Первые пару-тройку дней, пока следы тепленькие, ребят подключим. А если повиснет дело – ковыряйся сам.

– Так... Нет, подожди, а РУОП не собирается подключиться?

– Собирается, я уже звонил. Обещали всемерную поддержку и содействие.

– Что значит содействие?! Не надо мне содействия! Пусть дадут человека – нормального опера, который умеет работать по тридцать часов в сутки, бегать целыми днями высунув язык по адресам, «крутых ребят» успокаивать... И справочки чтоб умел составлять.

– Ну-у, Васин, раскатал ты губу! Вот подъедет следователь из прокуратуры – с ним и бегай.

– А этого мне как раз не надо. У прокурорских рабочий день с девяти до восемнадцати. И обязательный перерыв на обед...

Васина оборвал телефонный звонок. Михалыч лениво поднял трубку.

– Да... Ясно... Когда?.. Хорошо...

Он достал сигарету, чиркнул спичкой.

– Слышь, Васин... Из прокуратуры звонили. Сказали, сегодня следователя, наверно, не будет. Завтра подъедет.

– Вот-вот! – злорадно кивнул Васин. – Начинается...

– Так что приступай, – продолжал Михалыч. – Прогуляйся в офис, узнай, не было ли в последнее время «наездов»... Баб его всех перепиши. Бабы обычно все знают. Да что я тебя учу, ты и сам все умеешь. Счастливо поработать!

* * *

На следующий день Васин на работу опоздал. Накануне он до дыр зачитал материалы дела, стараясь ничего не упустить, но никаких новых полезных деталей и фактов не нашел. После обеда носился по городу, наводил справки, посетил офис АО «Максимум».

Ну а к вечеру заехал к родителям и принял участие в скромном банкете, который сестра Юлька устроила по поводу своего возвращения из Европы. Там остался и на ночь.

Проснувшись, Васин с ужасом вспомнил, что находится не в своей коммуналке, где до работы двадцать минут ходьбы, а на другом конце города.

Когда он – взмыленный и всклокоченный – ворвался в управление, у начальника как раз кончилась планерка.

Михалыч посмотрел на него с неприязнью.

– Извини, Михалыч. Забыл, что отпуск мой кончился.

– Черт бы тебя побрал, Васин... Рассказывай.

Васин перевел дыхание.

– В офисе АО «Максимум» уже чемоданное настроение. Предприятие продается. Половина сотрудников уволены, остальные заканчивают дела и тоже ждут расчета. Все, что можно было растащить по домам? – растащили. Остальное валяется на полу.

– Кому продается предприятие?

– Пока неизвестно. Они там ничего не знают, все время на кого-то ссылаются. По-моему, им все до фонаря. Но этот простой вопрос я уточню сегодня или на днях.

– Еще что?

– Насчет его барышень... Она у Малютина была, как ни странно, одна. Курская Софья Андреевна, 26 лет. Живет на площади Маркса, он снимает ей там квартиру. То есть снимал. Я, конечно, к ней забежал, но не застал дома.

– С-софья, – с каким-то презрением процедил Михалыч.

– «Наездов» на него не было, – продолжал Васин. – То есть, конечно, были, но давно и несерьезные.

– Все равно надо проверять.

– Естественно. «Наезжала» на него курганская братва, и еще кое-кто по мелочам. Но тогда, как я понял, все остались довольные, обошлось без стрельбы и ругани.

– Ясно, – вздохнул Михалыч. – Рапорт написал?

Васин сунул руку в карман, но там были только помятые, свернутые вчетверо протоколы вчерашних бесед.

– Не успел еще.

– Садись, пиши.

– А может, завтра?

– А что сегодня?

– Хочу еще раз забежать к Софье, а еще закажу в информационном центре подборку несчастных случаев, связанных с электричеством.

Михалыч хмыкнул, оценивая очередную идею Васина, и сказал.

– Садись, пиши рапорт. Потом поедешь к этой бабе. А несчастными случаями ребята займутся после обеда, я распорядюсь.

– Как скажешь, Михалыч.

Писание бумаг было для Васина самой печальной стороной службы. Тем не менее он относился к этому процессу творчески и не терпел вмешательства. Он забежал к себе в кабинет, чтобы сообщить ребятам о своем появлении, затем спустился в буфет и уединился с бумагами за столиком. Более интимных мест в УВД не было. Не считая, пожалуй, туалета.

В течение получаса Васин расписывал свои вчерашние пробежки по городу, стараясь, чтобы текст занимал побольше места на бумаге.

Когда он закончил и вернулся в кабинет, все уже разбежались по делам, не считая старшего опера Сливко и, конечно, Никиты.

– Мне никто не звонил?

Сливко оторвался от справочника «Все пистолеты мира» и задумчиво пощипал усы. Потом просветлел:

– К тебе из прокуратуры заходили, – он поднес к глазам клочок бумажки и прочитал: – Гирин Иван Александрович.

Фамилия была незнакомой. Впрочем, в прокуратуре постоянно появлялись новые люди.

– Ну и где он?

– Сказал, будет внизу ждать. Говорит, не любит тесных помещений.

– Надо же... – Васин разозлился. Не хватало только ему, как мальчику, бегать за этим Гириным.

Он спустился по лестнице, выскочил из здания. Перед входом было пусто. Если не считать какого-то мускулистого стриженного урки с разляпистой татуировкой на руке, который покуривал на крыльце и, судя по всему, ждал, когда его примет следователь.

Васин забежал за угол, где среди молодых берез была сооружена курилка для шоферов и прочих сотрудников, не обремененных работой. Но и там было пусто.

Негодование Васина достигло предела. Этого Гирина, оказывается, ловить нужно.

Он вернулся ко входу и еще раз внимательно осмотрелся. Урка уже слез с крыльца и теперь степенно беседовал с какой-то рыжей институткой в ярком, не по сезону коротком платье.

«Ну и черт с тобой!» – подумал Васин, имея в виду неуловимого следователя прокуратуры.

– Браток, не меня ищешь? – спросил урка.

«Да пошел ты!..» – мысленно огрызнулся Васин, но вдруг застыл на месте. Зрение зацепилось за одну в высшей степени странную деталь. А именно – из нагрудного кармана куртки этого стриженного мордворота выглядывал краешек красной книжечки.

Не может быть...

– Как фамилия? – робко спросил Васин.

– Я из прокуратуры, – незнакомец отпустил девушку и поднялся на крыльцо. – Это ты – Васин?

– Я – Васин. – Он машинально пожал протянутую руку. – Саша...

– Иван, – улыбнулся собеседник. Улыбка у него оказалась приветливой, не под стать всему остальному.

Васин отошел на шаг и украдкой осмотрел своего нового напарника. Светлые, короткие волосы. Грубоватая, мужицкая, но правильная физиономия. Якорь-татуировка на руке. И мышцы – большие мышцы, много мышц...

«Может, документы проверить? Хотя, если его постовой в УВД пропустил, значит, документы в порядке...»

– А это кто? – поинтересовался Васин и кивнул вслед удаляющемуся яркому платью.

– Так... Прохожая.

– Прохожая... Ну, хорошо, пойдем.

Васин отвел следователя в ту самую шоферскую курилку. Там обстановка располагала к знакомству и беседе.

– Что-то я тебя раньше не видел.

– А я недавно. Я же раньше в морской пехоте служил. Вот, – Иван хлопнул тяжелой ладонью по якорю. – По сокращению ушел. Ребята надоумили переучиваться – пошел в институт.

– Какой?

– Есть в Москве одна конторка специально для отставников. За два года на заочном можно получить высшее юридическое. Я думал сначала, к вам в милицию пойду, но дядька в прокуратуру пристроил. Говорит, оклады побольше, а хлопот поменьше.

– Значит, новичок?

– Ага.

Это уже лучше. То, что у парня маловато опыта, Васина не волновало. Была бы энергия. Зато у него и амбиций не было, которыми каждый чиновник обрастает в процессе службы, как корабль ракушками.

– Меня потому и поставили на это дело, – продолжал Иван. – Прокурор говорит, ерунда какая-то. Все равно, говорит, придется закрывать за отсутствием состава преступления.

– Ну это мы еще посмотрим, – заносчиво ответил Васин, хотя душа его после этих слов взвыла. – Тебя в курс дела вводить надо?

– Не-а. Я выезжал на место и уже с вашими работал.

– Тогда поступим так. Формально ты, конечно, руководитель оперативно-следственной группы. Но фактически – новичок, сам сказал. Поэтому работаем по моему плану, согласен?

– Не возражаю.

– Сейчас у меня по плану визит к одной юной леди – подруге покойника. Поедем прямо сейчас. Я только забегу к себе за бумагами.

– Хорошо, – Иван встал, посмотрел по сторонам. – На чем поедем?

– На троллейбусе.

– А машина?

Васин обалдело посмотрел на следователя.

– Какая еще машина? Ты что, парень, с луны свалился? Или боевиков насмотрелся?

* * *

Однако на троллейбусе им ехать не пришлось. Капитан Кольцов из отдела по экономическим преступлениям случайно направлялся в ту же сторону на своей личной «Оке» и согласился подбросить.

– Ты, говорят, по убийству Малютина работаешь? – спросил он у Васина.

– Работаю. А что, есть идеи?

– Да нет, я так...

– Он по вашим делам не проходил, случайно?

– Не знаю. Надо посмотреть. Зайди после обеда...

Софья Курская жила в одноподъездной пятиэтажке из белого кирпича – относительно недавно построенной, а потому еще не так загаженной, как все окружающие дома.

– У тебя нет соображений, чем Малютина пришкварило? – спросил Васин, когда они с Иваном поднимались по лестнице.

– Вообще не представляю. Я когда служил, имел доступ к секретному вооружению, но про такое никогда не слышал.

– Так ты, наверно, тоже думаешь, что это несчастный случай – молния там, или в наручных часах замыкание?

– Я ничего не думаю, пока не соберу факты.

– Ценное качество. Хотя им злоупотреблять не стоит.

Дверь им открыли почти сразу. Софья Курская окинула гостей быстрым взглядом и спросила:

– Менты, что ли? Подождите, я пойду выключу плойку.

Иван посмотрел на Васина и скорчил при этом такую рожу, что было абсолютно ясно – девочка, мягко говоря, не в его вкусе.

Отчасти Васин разделял чувства Гирина. Софья оказалась плоской, костлявой, с бледными губами и белесыми ресницами. Короткие светлые волосенки болтались на голове, как бахрома на скатерти. Единственная яркая деталь – большие голубые глаза, которые, впрочем, как известно, у большинства блондинок с возрастом выцветают. Васин ожидал, что у миллионеров подружки красивей. Он хотел было поделиться этим соображением с Гириным, но тут Софья вернулась в комнату.

– Ну? – Она скрестила руки на груди и прислонилась к стене.

– Э-э... В прихожей будем разговаривать? – осведомился Васин, стараясь быть вежливым.

– А почему нет? – Интонация у девушки была холодной и одновременно вульгарной.

– А потому, – начал объяснять Васин, – что вот – следователь прокуратуры, и ему нужно на чем-то писать протокол.

– Ах, еще и протокол? Хорошо, идемте на кухню, все равно ведь не отстанете. Разувайтесь только...

Кухня была чистенькой и уютной. Однако здесь стояло только две табуретки. На одну сразу примостился Иван и приготовил бланк протокола. Вторую Васин постеснялся занимать в присутствии дамы.

Софья наболтала себе растворимого кофе и присела напротив Гирина, всем своим видом давая понять, что гостям она не только кофе, но даже воды с хлоркой из-под крана не предложит.

Пока Иван заполнял форму, фиксируя паспортные данные собеседницы, Васин лихорадочно соображал, на каком языке говорить с девушкой. Изображать джентльмена бессмысленно – этим можно растопить сердце разве что пожилой уездной библиотекарше, но не этой юной избалованной стервочке. К сожалению, не удалось рассмотреть интерьер ее комнаты и составить психологический портрет хозяйки по обстановке – картинам на стене, книгам в шкафу или по отсутствию оных.

Кухня же выглядела обычно. Васин решил, что и беседа должна быть обычной – холодной и официальной.

– В каких отношениях вы состояли с покойным Эдуардом Малютиным? – спросил он.

– В тесных, – ухмыльнулась Софья.

– А если подробнее?

– Вам все позы обрисовать?

Васин вздохнул.

Иван поднял на него умоляющие глаза, не понимая, как отобразить этот игривый разговорчик в официальном протоколе.

– Пиши – состояние гражданского брака, – сказал Васин и искоса взглянул на Софью. Та невозмутимо хлебала свой кофе.

– Что вам известно о роде занятий Малютина?

– Деньги он делал, больше ничего.

– А как он их делал?

– Вам не понять. Вы на твердом окладе.

– Отвечайте, пожалуйста, на вопрос. Вам известен профиль предприятия, которое возглавлял Малютин?

– Да торговал он, Господи! Как будто сами не знаете...

– Он посвящал вас в подробности своей работы?

– Все подробности он приносил в кошельке. Остальное мне не интересно.

– У него были какие-то проблемы или конфликты, связанные с работой?

– Были.

– Какие? – мягко, но настойчиво спросил Васин.

– Дебет с кредитом не сходился! Вы что, издеваетесь?! Откуда я знаю, какие у него проблемы?

– У Малютина были враги? – продолжал Васин, не обращая внимания на эмоции девушки.

– Наверно, были, – ответила Софья уже спокойнее. – Он не рассказывал, и я их не знаю. И кто его убил, тоже не знаю.

– С чего вы решили, что он убит?

– А с чего бы вы тогда ко мне пришли?

– Вы сами-то где были в тот вечер? – спросил Васин. – Вообще, расскажите про тот день.

Софья ответила ему таким жарким и ненавидящим взглядом, что, казалось, от ее глаз можно прикуривать. Несколько секунд она шевелила губами, видимо, сочиняя какой-то замысловатый ответ. Но потом остыла и буркнула:

– Не ваше дело.

– Отказываетесь отвечать?

– Просто лень вспоминать.

– Интересно... Такие дни обычно не забываются. И все-таки придется вспомнить.

Софья демонстративно отвернулась к окну. Она явно не собиралась ничего вспоминать. Васин решил пока не трогать эту тему, у него остался один мало-мальски важный вопрос. Он выудил из папки фоторобот «цыгана». Вернее, композиционный портрет, составленный на компьютере и доведенный до кондиции художником в присутствии свидетелей. Фотороботом его называли по старинке.

– Вы когда-нибудь видели этого человека?

Софья повернулась и вдруг будто прилипла взглядом к портрету. Заметив это, Васин и Гирин, что называется, «сделали стойку». Но тревога оказалась ложной.

– Страшный какой, – медленно проговорила Софья. – Глаза страшные. Нет, не знаю...

Васин усмехнулся и спрятал портрет в папку. Глаза «цыгана» испугали не только Софью, но и всех, кто видел изображение. Жильцы дома на Вологодской расходились во мнениях относительно формы носа, ушей и подбородка «цыгана», но что касается глаз – все были единодушны. Глаза были его. Твердые, как кристалл, и в то же время насмешливые, умные – и одновременно сумасшедшие. Нечеловеческие глаза.

Васин кивнул Ивану, и тот начал собирать бумаги. Уже в прихожей, прощаясь с хозяйкой, Гирин вдруг подал реплику.

– Хорошая квартирка, – заметил он, посмотрев по сторонам. – Наверно, жалко будет съезжать.

– Кому жалко? – не поняла Софья.

– Вам, барышня. Платить-то за нее теперь некому, а?

– Платить? Да желающих сколько угодно! Вы, чем меня жалеть, лучше о себе побеспокойтесь.

– А мы вас и не жалеем, – беспечно ответил Иван. – Вы ведь, по-моему, особенно и не убиваетесь из-за смерти вашего друга?

Софья с негодованием сжала кулаки, отступила и вдруг заорала:

– Не твое дело!!! Иди отсюда, раз собрался, понял?!

Крик был отвратительным. Юные дамы, подруги миллионеров так не кричат. Так кричали разве что тетки у Васина в коммуналке, когда у кого-то пропадали трусы с веревки, а потом обнаруживались в кастрюле с чьим-то супом.

– С-сучка! – процедил Иван, выходя из подъезда и закуривая. – Как думаешь, есть смысл с ней возиться?

– Думаю, есть.

– Может, из-за нее мужика и грохнули? Слушай, а ведь мы у нее так ничего и не узнали. Хотя и говорили...

– Значит, будем ходить до тех пор, пока она не поймет, что мы не отстанем. Заставим вспомнить, что она делала и где была в тот день.

– Подставил ты меня сегодня с этими протоколами.

– Почему?

– Потому что терпеть не могу писанину! В армии я со своими бойцами бегал и горя не знал. А как надо что-то писать – хоть рапорт на отпуск – не могу, веришь?

– Трудно тебе придется. Это не армия. Здесь без бумажки и шагу не сделаешь.

* * *

– Зайдем сначала к Михалычу, – предложил Васин, когда они вернулись в управление.

– Давай. Только я сначала в сортир забегу, ладно?

В ожидании Ивана Васину пришлось рассматривать на стене стенды наглядной агитации, на которые много лет назад неутомимые сотрудники отдела воспитательной работы навесили плакаты с выдержками из Конституции. Внизу чья-то дерзновенная рука приписала: «Граждане имеют право хоронить и быть захороненными».

Васин не успел прочитать и трех статей, как вдруг ему заломили руку и припечатали грудью к стене. Он даже не стал сопротивляться. Привычкой бросаться на мужиков сзади обладала только Кристина Кораблева из отделения по борьбе с карманными кражами. Это была мощная и агрессивная во всех отношениях дама лет тридцати, поставившая перед собой цель жизни – превзойти мужчин по всем показателям.

– Привет, зайчик, – весело сказала она. – Ты рад мне?

– Умираю от восторга, – кисло ответил Васин.

– Послушай, зайчик, а что за парнишка с тобой сейчас был? – Она развратно улыбнулась.

– Какой?

– Такой... – Кристина напыжилась, изображая могучую фигуру Гирина.

– А, этот... Особо опасный рецидивист Хмырев. Двенадцать убийств, сто восемь изнасилований и два случая незаконного производства аборта. Познакомить?

– Не шути со мной, зайчик, – предупредила Кристина, нежно надламывая Васину локтевой сустав.

– Шучу, конечно, – пробормотал тот, бледнея от боли. – Если честно, это мой информатор, очень секретный, поэтому ты лучше пойдешь куда-нибудь.

В эту минуту ничего не подозревавший Гирин вышел из туалета, стряхивая воду с пальцев. Кристина, отпустив Васина, хотела переключиться на него, но Васин быстро подхватил Ивана под локоток и повел прочь.

– Что это за пончик? – тихо поинтересовался Иван.

– Это наш местный Рэмбо. Женская особь, если ты не понял. Страшная женщина. Каждый вечер с железом в подвале работает, рукопашный бой изучает, бокс, ножи кидает. И на всех отрабатывает свои приемы.

– Бедняжка... Видать, ей в жизни мужской ласки не хватило, вот она из себя мужика и сделала.

– Возможно. При этом она полная дура. Когда ей даешь об этом понять, она смотрит на тебя свысока, как будто хочет сказать: да, дура, но если мы встретимся с тобой на ринге, я разорву тебя пополам.

Михалыча они застали за поливом кактусов.

– Что узнали? – сразу спросил он.

– Ничего! – гордо улыбнулся Васин. – Подробности в протоколе.

– Молодцы, – буркнул Михалыч и отставил лейку.

Он полез в стол и достал свернутую в трубочку компьютерную распечатку.

– Вот, возьми. Выборка несчастных случаев, связанных с электричеством, за последние полгода. Их не так уж и много.

Васин, не глядя, сунул бумагу в карман.

– Есть планы? – спросил Михалыч.

– Попробую узнать имя покупателя предприятия. И вообще...

– Не пробуй. Ребята сегодня, наконец, достали управляющего, и он сказал, что это коммерческая тайна. Вежливый такой, скотина, улыбается...

– Есть ведь и другие каналы.

– Ты имеешь в виду...

– Да-да.

Михалыч один знал имена всех осведомителей Васина, но только не того, на которого сам Васин сейчас возлагал надежды.

– С этим обожди. Слетайте пока на вокзал, – сказал Михалыч. – Я сегодня звонил начальнику линейного отдела милиции, он обещал рассказать что-то интересное про палатки Малютина. И сами там походите, посмотрите.

Васин кивнул и уже потянул на себя дверь, как вдруг Михалыч остановил Гирина вопросом.

– Простите, Иван... э-э...

– Александрович.

– Иван Александрович, у вас есть опыт в расследовании убийств?

– Приходилось работать. Правда, на десятых ролях...

– И каковы ваши прогнозы?

– Как обычно, – пожал плечами Гирин. – Мотивы определим, лица установим, а доказать не сможем. Особенно, если исполнитель подбирался через «диспетчера».

– Да-да... – задумчиво сказал Михалыч. – Ну, хорошо, работайте.

* * *

Начальник отделения транспортной милиции майор Титов оказался человеком прямым и конкретным. Он не стал корчить из себя бугра районного масштаба, а прямо заявил:

– О том, что Эдичку рано или поздно замочат, я догадывался.

– Интересно, – вежливо заметил Васин.

– Ничего интересного. Эдичка всегда держался особняком. У нас тут на вокзале много разных контор, и у всех джентльменское соглашение – цены держать ровные. А Эдик Малютин вроде как отдельно. У него товар всегда дешевле – и оборот, соответственно, лучше. Мы и сами сигареты только в его палатках покупали.

– И давно это противостояние?

– В том-то и дело, что давно. На него один раз «наехали», потом второй, третий... А ему все как с гуся вода. Правда, «наезды» были тихие – без стрельбы, без взрывов. Потом ему просто предложили – либо продавай свои палатки, либо меняй «прописку»...

– Откуда такие сведения? – хмуро спросил Иван.

– Ну... У меня тут тоже доверенные лица имеются, – сообщил Титов. – Неважно. Главное, что он никого не слушал и жил, как хотел. А все почему? У него была своя «крыша». И причем неслабая, как я понял. Та братва, что наш вокзал держит, для него ничего не значила.

– И что это за «крыша», известно?

Титов категорически замотал головой.

– Никто не знал. Видимо, ребята в рекламе не нуждались. Они один раз себя в деле покажут, и к ним больше вопросов нет – вот таким образом. Так я продолжаю. Пару раз его палатки анонимно жгли. И оба раза он от заявлений отказывался. Это понятно, я бы на его месте то же самое сделал. Потому что в его палатках не только выпивку можно было купить, но и девочку на вечерок зафрахтовать, и «травки» взять. Кавказские парни из местной гостиницы очень наши места за это ценят.

– И вы спокойно на это смотрели? – спросил на всякий случай Васин.

Титов обиделся.

– Вы ребята, как будто первый день в милиции, – с укором сказал он. – Ну, ловим мы парней с «травкой», двоих даже засудили. А толку-то? Это же пешки. Одну уберешь – завтра еще появятся. А что касается девочек, все они оформлены в качестве торговых инспекторов АО «Максимум». Имеют полное право сидеть в палатке рядом с продавцом хоть сутки напролет. А то, что у этого инспектора на лбу «б...» крупными буквами написано – не наше дело. Извините, частная собственность.

Я к чему это говорю, – продолжал Титов, – место у Эдика было жирное, и «прописку» менять он ни в какую не собирался. Но убытки от его упрямства терпели все. Поэтому киллера заказать тоже любой мог. А может, они вместе организовались и наняли. Короче, ищите среди наших.

– Поищем, – заключил Васин. – Можно я от вас позвоню?

Он набрал номер начальника и спросил, нет ли новостей.

– Разговор вообще-то не телефонный, – ответил Михалыч, – но так и быть, слушай. Покупателя АО «Максимум» мы установили и без твоих стукачей. Новым хозяином будет – запомни! – Мешалкин Владимир Николаевич, двадцать четыре года. Парень ничего из себя не представляет, но этого и следовало ожидать. Он, конечно, подставной. Из всего прежнего персонала он не уволил только управляющего. Тут тоже удивляться нечему. Знаешь, в какую сумму оценил управляющий предприятие? Только не упади. Три тысячи долларов. Ты понял? Учредительные документы, офис, двенадцать палаток, оборотные фонды, товар на складе – и за все это три тысячи долларов. Делай выводы.

Васин повесил трубку. Выводы были ясны. Малютина убрал тот, кто покупал через подставное лицо его предприятие. Предварительно в коллектив был внедрен свой человек – тот самый улыбочивый управляющий, который уволил всех сотрудников и оформил продажу за символическую плату. Деньги пойдут, видимо, на выкуп акций у учредителей, чтобы они разошлись довольные и не поднимали шум.

Но назвать такую информацию ценной Васин бы не решился. Все это было предсказуемо, а потому не давало никаких неожиданных козырей. Выходить на заказчика через нового хозяина бессмысленно. Не за то ему платят, чтобы он трепал языком. Так же, как управляющий. Имя они, конечно, узнают, но это будет лишь информация к размышлению. А нужны доказательства. Хорошие, надежные доказательства, которые заставят любого судью уверенно заключить – виновен!

Когда они с Иваном вышли на улицу, над вокзалом зависла тучка. Она была плотная, тяжеленькая и имела такой вид, как будто последними усилиями удерживает массы воды, в ней накопившиеся.

Иван озабоченно пробормотал что-то насчет зонтика, потом спросил:

– Палатки пойдем смотреть?

– А что мы там найдем?

– Не знаю, тебе начальник велел посмотреть.

– Я сам себе начальник. У меня есть идея получше.

Иван вдруг застыл, как вкопанный.

– Та-а-к, – недобро сказал он. – Сейчас увидишь, как я наказываю зло.

Васин повертел головой и, наконец, понял, что Гири́н уставился на возбужденную толпу на углу здания. Толпа окружала небольшой складной столик, где стриженный рябой детина гонял наперстки.

– Пошли, – сказал Гири́н. – Может, и нам повезет?

– Ты что! Подожди... – дернулся было Васин, но Иван был неумолим.

В толпе царило то странное настроение, которое можно назвать смесью жадности и идиотизма. Двое «быков», что стояли рядом с детиной, были заводилами. Один из них все время выигрывал, а другой на его примере убеждал зевак тоже попробовать – и оба были как бы ни при чем. Без очков было видно, что они работают в одной спайке, все трое выглядели одинаково – их лицами можно было иллюстрировать учебник криминалистики в разделе физиономического анализа.

Тем не менее отбоя от желающих не было. Сладкое слово «халява» действовало, как колдовство. С завидным постоянством «лохи» отстегивали свои кровные, проигрывали и отходили, с удивлением доказывая зевакам: «Я же видел, что шарик там!».

Особенно жалко было заплаканного мальчишку лет восемнадцати, сразу видно, приезжего. Он проигрался, что называется, «до железки», и предлагал наперсточнику свой свитер, надрывно убеждая того, что отыграется.

– Что ты собираешься делать? – с негодованием спросил Васин.

– Подожди... – Иван растолкал толпу и приблизился к столику. – Сколько ставить?

Рябой равнодушно принял от Гири́на деньги, перемешал стаканчики.

– Здесь! – замороженно сказал Иван и поднял средний стаканчик.

Толпа восхищенно притихла. Под стаканчиком действительно лежал шарик.

Рябой вдруг стал еще более рябым, хотел что-то сделать, потом передумал. Он только сказал:

– Стаканчики руками не бери. Я сам поднимаю.

– Еще! – попросил Иван, невинно заглядывая рябому в глаза. – Давай еще, а?

– Еще! – заорала толпа.

Рябой суетливо принял ставку, перемешал стаканчики. Гири́н не обманул надежды зевак и снова угадал. Рябой в замешательстве переглянулся со своими.

– Давай еще! – не унимался Иван.

– Все! – хрипло объявил наперсточник. – Закрываемся на обед.

– Жалко... – вздохнул Иван и небрежно сунул в карман выручку.

Тучка наконец разродилась мелким холодным дождиком, и привокзальная площадь медленно опустела. Васин выдержал напряженную паузу, потом сказал.

– Иван, я точно знаю, у этих ребят выиграть невозможно, они прячут шарик в ладони. Объясни, как ты это делаешь?

– Видишь ли... Иногда полезно иметь при себе такой же поролоновый шарик. А лучше несколько – разных цветов.

– А откуда ты все это знаешь?

– У нас в роте как-то фокусник выступал перед бойцами, он меня и научил.

Их нагнали в аллее. Те самые «быки»-заводилы. Васин сначала услышал «Э, мужики!», а обернувшись, увидел, что те вразвалочку приближаются, разминая пальцы.

– Черт! – прошипел Иван. – Ты драться умеешь?

– Я думал, ты умеешь! – обиженно заметил Васин.

– Ладно, – сказал Иван и задвинул Васина за свою мускулистую спину. Далее последовал самый обыкновенный «наезд», похожий своей гнусностью на все прочие «наезды».

– Ну че, мужик! – выпятил губки один из «быков», тот кто изображал у столика игрока-счастливчика. – Должок с тебя. Надо бы проценты взять, но, так и быть, мы добрые. Давай бабки – и свободен.

– Какие? – наивно улыбнулся Иван.

– Ну, ты че, не понял? Гони бабки!

– Вы о чем, ребята? – Гирин старательно изображал идиота.

– Мужик! – вступил в спор второй, зазывавший прохожих попытать счастья. – Мужик, ты ща здесь умрешь!

По опыту Васин знал, что на такую публику милицейское удостоверение могло подействовать с обратным эффектом. Поэтому он пока скромно отмалчивался.

– Вы меня с кем-то путаете, ребята, – продолжал кочевряжиться Иван.

– Ты достал, мужик!!! – взревел «счастливчик».

– В натуре, – добавил его товарищ и попытался схватить Гирину за шиворот. Одновременно «счастливчик» сделал шаг, чтобы отсечь Васина.

Васин любил смотреть драки по телевизору. Но в жизни все происходит совсем не так. В жизни почти не бывает красивых взмахов ногами и эффектных блоков. А только сопение, чавкающие звуки ударов и мерзкий осадок на душе.

На этот раз все оказалось почти как в кино.

Иван легко шагнул в сторону, схватил обоих «быков» за челки и небольшим усилием свел их черепные коробки в одной точке. Раздался глухой стук, и парни разлетелись в разные стороны. Гирин повторил процедуру, на этот раз более энергично. Третьего раза не потребовалось. «Быки» одновременно свалились на мокрый асфальт, хрюкая и держась за разбитые головы. Гирин кивнул Васину и они быстро пошли по аллее в сторону городского центра...

– М-да... – сказал Васин после продолжительного раздумья. – Непедагогично ты как-то с ними... Прокурорские работники так не делают.

– А мне плевать, – огрызнулся Иван. – Знаешь, что я тебе скажу? Тот убийца, которого мы ищем, и то больше уважения заслуживает, чем эта мразь. Что с ними еще делать, скажи? По попке шлепать?

– Ты и отшлепал... Кстати, этих-то можно было и доставить, – заметил Васин. – Как говорится, повод для задержания был.

– А дальше? Ну, заплатят они штраф в три минимальных оклада, а потом? Это все равно, что лечить триппер горчичниками. Хватит, не хочу больше об этом. Ты говорил про какую-то идейку...

– Да, помню.

Васин нашел свободный телефон-автомат, набрал номер.

– Здравствуйте! – раздался в трубке очаровательный женский голос. – Это автоответчик.

Говорите после сигнала...

– Степанов, кончай дурака валять, подними трубку! – крикнул Васин в микрофон.

Через несколько секунд далекий голос ответил:

– Ну?

– Что «ну»? Не узнал?

– Тебя, Васин, я всегда узнаю. Что скажешь? Только громче...

– Нужно уточнить один вопрос. По телефону можно?

– Давай. Я на днях поставил новую защиту от прослушивания. Хорошо работает, зараза, только не слышно ничего. Так что ты погромче.

– Ну, слушай. Мешалкин Владимир Николаевич, 24 года. Ни о чем не говорит?

– Пока нет.

– Он покупает АОЗТ «Максимум», хозяин которого недавно умер. За три тысячи долларов.

– За сколько?

– Три! – Васин быстро оглянулся, проверяя, нет ли поблизости людей. – Если можешь, узнай, кто над ним стоит. Это все.

Васин почувствовал, что собеседник впал в легкое замешательство.

– Э-э... Дружище, видишь ли... В следующий раз ты по телефону таких вопросов не задавай. Лучше подъезжай. Защита – хорошо, но...

– Я же спрашивал!

– Но я-то не знал, что тебя такие интимные вещи интересуют. Ну, ладно. Завтра увижусь с ребятами, поспрашиваю. А вечером – часов в десять – заезжай ко мне домой. Желательно не раньше.

– Договорились, – сказал Васин и повесил трубку.

Степанов был когда-то его соседом. И попутно добровольным осведомителем. Несколько лет назад он купил себе квартиру в новом районе, но отношений не прервал. Он оказывал услуги Васину не за деньги – те гроши, которые УВД выделяло на агентурную работу, его не интересовали. Причина была иная – во-первых, соседские отношения, а во-вторых, Васин и сам частенько выручал его в разных пустяковых вопросах – помогал без волокиты получить лицензию на газовый пистолет, зарегистрировать машину в ГАИ и тому подобное.

У Степанова была редкая профессия – нотариус. Васин не сомневался, что с такой работой трудно не вляпаться в какую-нибудь грязь, но никогда не лез к нему в душу. Связи и осведомленность Степанова были неоценимы при расследовании махинаций с недвижимостью, вымогательств квартир и машин, финансовых афер. И на этот раз Васин был уверен, что завтра вечером Степанов назовет имя человека, который заказал убийство Малютина и стал теневым хозяином его предприятия.

Он с чувством выполненного долга вышел из будки и попытался найти Гирина. Но того нигде не было.

В груди что-то оборвалось. Воображение быстро нарисовало картину, как побитые «быки» собрали стадо побольше и двинулись мстить Ивану за обиду.

Васин вернулся на аллею и быстро пошел в сторону вокзала. Как назло, он был без пистолета.

Через несколько секунд он обнаружил Гирина на уютной лужайке, образованной разросшимися кустами. Правда, не с «быками», а скорее наоборот – с «телками». Две фигуристые длинноногие девицы в импортных плащах стояли рядом с Иваном, над чем-то серебристо смеялись, держа в наманикюренных пальцах длинные сигареты с золотыми фильтрами.

– А вот и Саша, – сказал Иван. – Он заместитель командира нашего спецназа. Познакомься, Шурик – это Ира, это Катя.

– Очень приятно, – промямлил Васин, чувствуя себя полным дураком. Он считал, что миновал тот возраст, когда не стыдно цепляться к девушкам на улице.

– Значит, договорились, – продолжал Иван. – Завтра мы на пять месяцев улетаем в командировку на Карибские острова, а сегодня вы скрасите наш последний мирный вечер. Обещаю шампанское, креветки и спокойную музыку. Адрес я вам дал.

Васин помолчал, оценивая обстановку, потом сказал:

– Пойдем, Иван. Я только что договорился со знакомым венерологом, он обещал посмотреть нас бесплатно.

Барышни вдруг поскучнели и переглянулись. Одна из них затоптала окурки и взяла подругу под локоток.

– До свиданья, – кисло проговорил Иван.

– Ага, – ответили девушки и скрылись.

– Ну что ты за человек, – процедил Гирин после пяти минут огорченного молчания. – Ты что, кроме работы ничего не знаешь? Это же патология! Или ты убежденный семьянин?

– Я разведен.

– Тем более! Такие хорошие были у нас самочки, и как раз две... А ты взял и все испортил. Не понимаю...

Васин мог бы с пафосом заявить, что нужно расследовать убийство, а не гоняться за «гетерами», что он серьезный человек, а не пляжный качок, и вообще... Но девчонки были красивые, и, возможно, не стоило портить Ивану вечер...

– Извини, – неожиданно для себя сказал Васин. – Просто не могу я так. Идиотом себя чувствую.

– Почему?!

– Потому что... Взрослый вроде человек, и неловко мне к бабам на улице приставать. Ну, ты понимаешь.

– Понимаю, – кивнул Иван. – Не грусти, я тебя научу. Это ведь не трудно. Смотри, вон еще идут. Их, правда, трое, но это не беда, доверься мне. Давай?

– Давай, но в другой раз, – окончательно смутился Васин. – Я сегодня не готов.

– Как хочешь. Но как только закончим дело – я от тебя не отстану. Так и знай, не дам тебе сгнить на этой проклятой работе. Какие планы на сегодня?

– Пожалуй, никаких. Пора посидеть над рапортами. Я для своего начальства буду писать – ты для своего.

Иван с досадой крякнул.

– Ох, не люблю бумажки!

– А зарплату получать любишь? Деньги – они ведь тоже на бумажках печатаются.

* * *

Составление бумаг заняло у Васина ни много, ни мало – около полутора часов. Во всем был виноват мающийся от безделья Никита. У Никиты была скверная привычка – перечитывать старые газеты, а самые интересные места декламировать вслух, мешая всем сосредоточиться. Так случилось и на этот раз.

Васин хотел было уйти в буфет, но он почему-то закрылся раньше времени. Пришлось писать, непрерывно отмахиваясь от навязчивого Никиты, который всякий раз говорил «все, молчу», а через пять минут шуршания газетой вновь начинал отвлекать от мыслей своей дурацкой декламацией.

Потом пришел Сливко. Он сразу же принялся шумно доказывать, что милицию пора переводить на короткоствольные автоматы под пистолетный патрон, потому что те не дают рикошета в закрытых помещениях. С автоматов разговор перешел на ножи, потом почему-то на удобрения, потом....

Васину захотелось вскочить, рывкнуть и потребовать хотя бы пять минут покоя, но все вдруг ушли сами собой. В наступившей тишине ему хватило пятнадцати минут, чтобы закончить рапорт.

Отложив ручку в сторону, Васин потянулся, сладко зевнул и вдруг услышал бумажный шорох в кармане куртки.

Ему захотелось больно стукнуть себе по лбу. Он совсем забыл, что в кармане ждет своей очереди выборка информационного центра по несчастным случаям, связанным с электричеством.

Васин торопливо разложил бумагу на столе, впился глазами в таблицу.

«Лукьянов В.П. 1953 г.р., электрик ГП «Металлист». Погиб 16.05 в результате э/травмы, полученной при попытке самостоятельно починить электрощит в поселке Клен...»

Не то. Дальше...

«Самков А.Г., 1945 г.р., водитель автобазы «Сельхозмонтаж». Погиб 1.07 в результате неосторожного обращения с электроудочкой.»

Снова не то...

«Гудков И.Э. 1967 г.р., частный предприниматель...»

Васин заерзал на стуле от возбуждения.

«Гудков И.Э. 1967 г.р., частный предприниматель. Погиб 19.06 в результате падения в н/состоянии на оголенный э/провод на берегу водохранилища Алешинское...»

Значит, оголенный провод? Надо будет проверить. Дальше...

«Мамедов Р.Т. Директор ТОО «Терек». Погиб 20.08. в подвале здания «ЛАДА-АВТО-СЕРВИС» в результате замыкания электродрели...»

Есть!

Васин откинулся на спинку стула, хватаясь за сигарету. Ему незнаком был человек по фамилии Мамедов, но что такое «ЛАДА-АВТОСЕРВИС», он знал. Буквально перед отпуском он участвовал в плановом комплексном рейде, и одним из объектов проверки был тот самый автосервис. Он отчетливо помнил, что в подвальной мастерской было сыро, и инспектор из Управления пожарной охраны тщательно проверял вольтаж всех электролиний. Мамедова не могло убить электродрелью, поскольку весь ручной электроинструмент в мастерской работал от напряжения тридцать шесть вольт, которым не убьешь и крысу!

Васин снова взял список в руки и просмотрел графу «Характер повреждений». Так и есть: «Обширные зоны обугливания в районе груди, разрывы мышечной ткани, смещения суставов...» Руки бы оторвать тому, кто делал осмотр! Надо же, «зоны обугливания» от электродрели!

Тут некстати вернулся Никита.

– Ты знаешь, я только что прочитал, что у фригидных женщин бывает повышенная...

– Подожди! – оборвал его Васин. – Не сбивай с мысли...

Однако никаких особых мыслей у Васина пока и не было.

– Никита, – сказал он, – тебе знакома фамилия Мамедов?

– А кто это?

– Директор ТОО «Терек».

– Не знаю, – пожал плечами Никита. – Позвони нашим «колбасникам» или в налоговую полицию, у меня там есть ребята знакомые...

– Нет, с налоговой мы пока обождем, – проговорил Васин. – А вот насчет «колбасников» мысль правильная.

Память немедленно подсказала, что обратиться лучше к Кольцову – тому самому капитану из отдела по экономическим преступлениям, который подвозил их с Гириным на площадь Маркса.

Васин придвинул телефон, набрал номер.

– Здорово, капитан Кольцов, майор Васин тебя разбудил.

– Привет, майор Васин...

– Скажи, фамилия Мамедов о чем тебе говорит?

– Какой? Я троих Мамедовых знаю.

– Хозяин предприятия «Терек».

– А-а! – обрадовался Кольцов. – Рафик Мамедов. Этого знаю. Только он не хозяин. Он уже покойник.

– А что с ним? – спросил на всякий случай Васин.

– Он то ли в пожаре сгорел, то ли током убило. Но я его хорошо помню. Мы когда рейды проводили, всегда его навещали и обязательно что-нибудь интересное находили.

– Что у него было за предприятие?

– Он держал автосервис на Ворошилова, и еще у него было кафе «Терек». Ты наверняка видел – это на вокзале, прямо за сквером. Там раньше пельменная была...

– На вокзале?!

– Ага. Но оно теперь продано.

– Кому? – заволновался Васин. – Скажи, кому?

– Сейчас, – в трубке зашуршали бумаги. – А зачем тебе?

– Надо! Очень надо!

– Понимаю. А, вот нашел. Записывай: Коваль Максим Леонидович, семьдесят третьего года рождения.

– Ты о нем что-нибудь знаешь?

– Мало. Почти ничего. Мы туда редко ходим, там с новым хозяином порядка побольше стало. Знаю только, что купил он эту забегаловку по смешной цене. И еще одна интересная деталь: прибыль у него хорошая, а вот живет он скромненько. Ездит на подержанной «Тойоте», снимает хреновенькую квартирку где-то на окраине. Видимо, часть прибыли кому-то отстегивает.

– Конечно. «Крыше» и отстегивает.

– Не-ет. «Крыша» много брать не будет, иначе ее просто снесут. Видать, это не простая «крыша».

– Значит, на дядю работает.

– Может, и так. Только вот кто этот дядя? Больше ничего добавить не могу. Рад, если сумел тебе помочь.

Васин отодвинул телефон и возбужденно потер ладони. История с АОЗТ «Максимум» повторялась в точности.

Через пять минут он уже сидел в кабинете Михалыча и докладывал последние новости.

– И что ты ожидал от меня услышать? – спросил начальник.

– Я ожидал услышать: «Молодец, Васин, получай медаль «За сообразительность»!

– Не угадал, Васин. Какая, к черту, сообразительность? Что нам это дает, кроме новых неприятностей? Так, информация для размышления, не более того.

– Как это «не более того»? – возмутился Васин. – Завтра вечером я узнаю имя человека, который заказал убийство. Мы сразу можем брать его в оборот: наставим «жучков» в квартире, «семерку» подключим...

– Какие «жучки»? – устало вздохнул Михалыч. – Никто не даст санкцию на «жучки». Ну а «семерка»... Не знаю, что это может дать.

– Хорошо, – сказал Васин. – Договоримся так: завтра я узнаю имя и передаю его дежурному. И пусть сразу ночные службы начинают его крутить. Время дорого.

– Давай... – неохотно согласился Михалыч. – Не знаю, что у тебя выйдет, но... Пробуй. Одно условие. Пока не разберешься с Малютиным – никаких шагов в сторону. Никаких Рафи-ков Мамедовых.

* * *

Утро следующего дня началось с беготни по лестницам. Сначала Васину позвонили из дежурной части и напомнили, что он, выйдя из отпуска, не получил табельное оружие. Пришлось бежать, получать.

Потом позвонили из финансового отдела и сообщили, что он не отчитался за двухдневную командировку, в которую ездил еще до отпуска. Потом позвонили из отдела кадров – потребовали сдать отпускное удостоверение и проездные документы.

Когда телефон зазвонил в четвертый раз, Васину захотелось расстрелять его из табельного оружия или обложить отпускными удостоверениями, проездными документами и поджечь.

Но это был всего лишь Гирин. Он спросил, нет ли срочных дел. Потом сказал, что должен решить у себя парочку вопросов и поэтому придет после обеда.

– Только не забудь, что сегодня на вечер у нас назначено свидание, – напомнил Васин.

– С женщинами? – живо поинтересовался Гирин.

– С мужчинами, – буркнул Васин и бросил трубку.

Интересно, подумал он, какие вопросы собирается там решать Иван. Не иначе, женские.

Итак, сегодня вечером Васин пойдет к Степанову и узнает имя заказчика убийства Эдуарда Малютина. На сегодня это главное. Есть и другие дела – например, восстановить обстоятельства смерти Рафика Мамедова. И убедиться, что место происшествия даже толком не осматривали. Как участковый записал, что несчастный случай, – так и решили.

Но эти дела были менее важными и заниматься ими не хотелось.

Васин решил, что в ближайший часок он может расслабиться и потешить себя бездельем. Например, послушать рассуждения Сливко о боевых характеристиках разного типа оружия.

– Да я же сам из него стрелял! – надрывался Сливко. – Глушитель идеальный. Слышно только, как затвор лязгает и пуля уходит!

– Не понимаю я, – упрямылся его вечный собеседник Никита. – Как можно выстрел сделать бесшумным? Ну, заглушить – это ладно. Но совсем убрать звук... Это же страшный грохот, его не спрячешь.

– Да я тебе точно говорю! Представь: девять-а-девятьюсто один – короткоствольный автомат с глушителем. Калибр – девять миллиметров. Одна пуля шестнадцать грамм весит. И ничего – ни звука, ни отдачи. Просто – щелк, фьють – и все!

Никита недоверчиво покачал головой.

– А про стреляющий нож ты слышал? – не унимался Сливко. – «НРС» – нож разведчика стреляющий. У него один патрон в рукоятку вставляется – так пуля вылетает вообще без звука.

– Нож тоже с глушителем? – лениво поинтересовался Васин.

– Нет, просто патрон специальный. Там химическая реакция происходит с газовыделением. Никакого огня, дыма...

– Ну, это ты точно сбредал, – обрадовался Никита. – Если б такие патроны были, под них бы все оружие делали. Чтобы с глушителем не мучиться.

– А его и делают. Ты пистолет «ПСС» видал? Такой, плоский и широкий. Он как раз под химические патроны. Причем у него пули со срезанной макушкой – как у «нагана». Из него даже если в руку попадешь – человек умирает от болевого шока...

– Смотрю я на тебя, Сливко, – сказал Васин, – и думаю: если ты такой специалист, почему на последних стрельбах только пять из тридцати выбил?

Сливко как-то сразу утих и обмяк.

– Палец болел, – сухо пояснил он. – И вообще, я из пистолета не очень... Мне бы автомат. Или лучше карабин...

– И штык примкнуть, – добавил Васин. – И врукопашную – на мишень. Вот тогда бы ты всем доказал.

– Ну тебя к черту, Васин, – обиделся Сливко.

Дверь приоткрылась, и в кабинет робко заглянул пожилой майор с мучительно знакомым лицом.

– Вам кого?! – рявкнул Сливко.

– Мне Васина.

Васин наконец вспомнил. Это был тот самый участковый, с которым они осматривали труп Малютина.

– Можно вас на минутку? – нерешительно спросил майор.

Они вышли в коридор, уединились возле засыпанного табачным пеплом подоконника.

– Свидетеля я еще одного нашел, – сказал участковый.

– Так. И что он сказал?

– Он видел покойника в тот самый вечер. С женщиной.

– Это все?

– Вообще-то не все. Я подумал, что вы сами с ним поговорить захотите.

– Вы правильно подумали. Очень хотим.

– Он сейчас дома. Если есть возможность, поедemте со мной. Я на мотоцикле.

Васин заскочил в кабинет, взял бланки протоколов, и они вышли на улицу. На другой стороне площади Васин сразу заметил Ивана, который ждал надлежащего сигнала светофора.

«Обломался, – ехидно подумал Васин. – Видать, девка оказалась не любительницей утренних разминок».

– Ну, что? – спросил он, когда Иван приблизился. – Мадам сегодня не принимает?

– Не... – беззаботно ответил Гирип. – К ней чего-то мать приперлась.

И вдруг он сделал круглые глаза.

– А ты откуда знаешь?

К счастью, мотоцикл был с коляской и места хватило всем. Доехали с ветерком. Двор того самого дома на Вологодской стал светлее – последняя листва слетела с веток и открыла путь солнечным лучам. Гараж-»ракушка» стоял на прежнем месте, на замке белел размокший листок с печатью. Рядом двое чумазых мальчишек белой эмалью перекрашивали полудохлого кота в тигра. Все было спокойно и мирно, двор будто забыл о страшном и загадочном событии, произошедшем совсем недавно.

Свидетель, которого нашел участковый, оказался похож на ученого или композитора – высокий, косматый, с породистым лошадиным лицом. Впрочем, почти так оно и было – человек этот преподавал историю в музыкальном училище.

– Теперь ты протокол пиши, а я буду разговаривать, – шепнул Иван.

Васин в ответ только пожал плечами.

– Расскажите, Семен Модестович, все, что вы мне рассказывали, – попросил участковый.

Семен Модестович сделал растерянное лицо и развел руками.

– Не знаю... Может, оно вам и неинтересно...

– Нам все интересно, – успокоил его Иван. – Рассказывайте.

– Я в тот день задержался в библиотеке и возвращался домой поздно – часов в одиннадцать, а то и позже...

– Минутку. В какой библиотеке?

– В центральной городской, имени Достоевского. Она сейчас работает допоздна для студентов-вечерников – у них сессия.

– Так, – продолжал Гирип, – и что вы там делали?

– Где? – изумился Семен Модестович.

– В библиотеке. Имени Достоевского.

– Иван! – укоризненно сказал Васин и покачал головой.

Гирип смущенно кашлянул.

– Ладно, продолжайте.

– К нам от троллейбусной остановки идти метров триста вдоль улицы. Я смотрю – остановилась машина Эдика Малютина. Я-то его по-соседски знаю, и машину его тоже сразу узнал. Вдруг из машины вылезает девушка и направляется в обратную сторону. Я, помню, удивился – если он ее к себе домой вез, то почему они не доехали? Почему прямо возле дома она вылезла и пешком обратно пошла? Думал, поссорились...

– А может, она живет рядом? – не удержался Васин. – Он ее подвез, да и поехал себе дальше.

– Нет, ну что вы! Там, где она вышла, никаких домов нет, ближайший – наш. Там только длинный забор кондитерской фабрики. А девушка, как я понял, отправилась на троллейбус – перешла дорогу и... Вот собственно и все.

– Не все, – возразил Иван. – Вы раньше эту девушку видели? Опишите ее.

Лицо Семена Модестовича стало озадаченным.

– Ну... Девушка... Такая... Росту среднего. Волосы вроде светлые. Раньше я ее не видел.

– Такая костлявая, белая и блеклая? – попробовал помочь ему Иван.

– Не-ет, – Семен Модестович энергично покачал головой. – Милая девушка. Стройная и симпатичная.

– М-да? – Иван в замешательстве посмотрел на Васина, почему-то покраснел и полез в бумажник. – Эта?

Фотография была маленькой, черно-белой, с завалированными уголками – такие клеят в загранпаспорта. С карточки глядели бесстыжие глаза Софьи Курской.

«Где он ее взял? – задумался Васин. – Может, успел вступить в более тесный контакт? Хотя вряд ли, Софья ему не понравилась. Значит, просто спер со стола или холодильника во время нашего визита».

– Да, это она, – кивнул Семен Модестович, – по-моему, она.

Иван еще несколько минут пытал собеседника, пробуя выяснить, не выглядела ли Софья огорченной, не ругались ли они в тот момент с Малютиным, тепло ли они простились. Никакой ясности он не получил. Софья доехала с Эдиком почти до самого его дома, а затем вылезла из машины, сказала «пока» и упорхнула. Как будто знала, что во дворе ждет смерть.

Разговаривать больше было не о чем. Васин попросил учителя расписаться в протоколе, затем они попрощались с участковым и пошли в управление.

– Ну, что, возьмем эту киску за жабры? – спросил Гири.

– Возьмем. Только не сейчас.

– А когда? По-моему, нужно скорее, пока...

– Пока что? Пока у нас ничего нет? Если мы сейчас заявимся к ней и спросим, почему она обломала приятелю такой хороший вечер, она в лучшем случае пошлет нас подальше. Или придумает, что у нее прямо в машине начались месячные и пришлось прервать свидание.

– И что ты предлагаешь?

– Если она действительно что-то скрыла, нужно накопить факты. Одного этого случая мало. Нужно выяснить все – встречи, знакомства, звонки. Мы должны обложить ее, как медведя, и тогда никуда она от нас не денется.

– Ты уверен, что у нас будет еще что-то против нее? Сегодня нам просто повезло.

– Зря сомневаешься. Сегодня мы получили свидетельство, которое переводит ее в число подозреваемых. Теперь мы можем применять все средства. Не откладывая, беремся за нее и раскручиваем по полной программе.

– Как скажешь, – пожал плечами Гири.

– Сегодня у нас есть еще одно важное дело. Я мог бы сходить и без тебя, но боюсь, придется ночью крупно поработать. В 21.00 жду тебя возле Управления.

* * *

Разговаривать с нотариусом Васин пошел один. Дружба дружбой, а «светить» осведомителя он не мог даже перед напарником. Иван остался в соседнем дворе под детским грибочком – начался дождик, а зонта никто не захватил.

– Сиди до упора, – предупредил Васин. – Я могу задержаться, все равно жди.

Степанов открыл ему дверь и кивнул, приглашая заходить. В квартире витал запах «травки», из комнаты доносилась приглушенная музыка и женское «хи-хи».

– Извини, поговорим на кухне, – сказал Степанов. – У меня сегодня люди...

– Понимаю. Если ты не выгнал меня сразу, значит, информация есть, так?

Степанов уселся на табуретку, закурил и насмешливо посмотрел на Васина.

– Если не секрет, – сказал он, выпустив облако дыма, – по какому делу тебе сдался этот Мешалкин?

– Для тебя не секрет. По делу об убийстве Эдуарда Малютина, президента АОЗТ «Максимум».

Степанов задумчиво кивнул.

– Что ж... Ты, может, и близок к истине.

– Это я и сам знаю. Дальше что?

– Дальше? Позавчера один из наших – Леха Сеницын, ты его не знаешь – оформил завещание, по которому «Максимум» в случае смерти Мешалкина переходит в собственность Петра Николаевича Глинского.

– Так, – кивнул Васин, – но этот Петр Николаевич, видимо, «первое колено». А их должно быть больше.

– Нет, это не «колено». Это и есть последняя инстанция. Глинский слишком крупная птица, чтобы быть «коленом».

– В таком случае, это очень неосторожно. Если кто-то пристрелит Мешалкина, все шишки посыплются на Глинского. А он, как я понимаю, любитель быть за кулисами.

– Глупо с твоей стороны обвинять Глинского в неосторожности. Этот человек всегда знает, что делает. Он все на сто шагов вперед просчитывает.

– Ну, ладно, это его дело. Расскажи, что он за человек.

– Пожалуйста. Очень обаятельный, обходительный и образованный человек. Душа любой компании. За полчаса может сделать себя твоим лучшим другом. При этом очень жадный, но осторожный. Профессиональный доставала с кучей связей. Удачно начал крутить дела: когда все стало можно, он первым догадался гонять «Жигули» прямо с завода сюда на продажу. Это сделало его очень богатым.

– С каких же денег он организовал дело?

– Думаю, с народных. Он ведь раньше служил управляющим делами в горисполкоме – считай, главным завхозом города. Ушел со скандалом – не исключено, что крупно проворовался. Я про него много знаю, Леха Сеницын про его дела целый час жужжал.

– Так расскажи и мне про его дела, – предложил Васин.

Лучше бы он этого не предлагал. Степанов вдруг насторожился, прищурил глаза.

– Ну уж нет, – проговорил он. – Больше ничего рассказывать не буду. Потому что такого уговора у нас не было. Скажу только одно: он вам не по зубам. Даже не пробуй.

– Да что ты! – попытался раззадорить его Васин.

– Не веришь? А вот скажи: раскопали ваши менты хоть один случай «мягкого» рэкета? Не раскопали! Кишка у вас тонка, чтоб такие дела крутить. Вы бритоголовых берете только при передаче денег, а других методов и не знаете. А если нет передачи денег? Если торгашу счет присылают – десяток тысяч долларов за какую-нибудь «информационную поддержку». И торгаш эти деньги, как миленький, безналом переводит. А если не переводит – ему квартиру сожгут и жену трахнут. А вы не подкопаетесь, потому что вот официальный счет, вот законное платежное поручение. Разве нет?

– При чем тут это?

– А при том, что Глинский дела похитрее «мягкого» рэкета крутит. И ты можешь хоть сто раз проверять его магазины, которые он держит для прикрытия, ничего не найдешь и ни к чему не подкопаешься.

– Ты хочешь сказать, что мне лучше закрыть дело?

– Смотри сам. Ты ведь опер...

– Ну, хорошо. Этот твой Сеницын не упоминал фамилию Коваль?

– Упоминал. Та же самая история. «Терек» тоже наследует Глинский. И автосервис – тоже он. И давай на этом закончим. Меня девчонки заждались.

Перед тем, как уйти, Васин все-таки не удержался.

– Еще один важный вопрос, – сказал он. – У вас никто не поговаривает, чем был убит Малютин? Уж больно способ интересный.

Степанов возмущенно сверкнул глазами.

– Вообще-то такие вопросы задавать вредно для здоровья, – тихо сказал он. – Я тебе одно могу сказать: это очень большая тайна. Такая большая, что, кроме Глинского, никто ее, наверно, не знает.

* * *

Гирин, как договаривались, ждал Васина под грибком. Он был грустный и озябший.

– Ну? – спросил он.

– Нормально. Фамилия заказчика убийства – Глинский. С этой минуты начинаем его раскручивать. Пошли.

Иван легко поднялся, подставил руку под капли. Дождик уже почти выдохся. Они быстро зашагали вдоль газонов двора, и вдруг от стены отделились три угрюмые фигуры. На мгновение уличный фонарь высветил их лица.

– Черт! – сказал Иван, резко остановившись.

– Что?

– Ты драться умеешь?

– Ты уже спрашивал.

Трое неизвестных не спеша приблизились и встали на безопасном расстоянии. Васин видел, как возбужденно блестят их глаза.

– Ну что, Толстый, дождался? – спросил один из них, имея в виду, видимо, Гирину.

– Откуда вы тут взялись? – изумился Иван. – Вы что, следили за мной?

– А это уже не твое дело. Тебе говорили, не суйся. Говорили?

Васин похолодел. Он отлично понимал, откуда они тут взялись. Видимо, защита от прослушивания на телефоне Степанова оказалась ненадежной, а они открытым текстом договорились о месте и времени встречи. Теперь Васина беспокоила даже не собственная безопасность, а то, что «засвечен» Степанов. Если так – ему уже не жить.

– Выйди на дорогу, – шепнул Иван, – может, поймаешь патрульную машину. Они тебя не тронут.

– У меня пистолет с собой, – тихо ответил Васин.

– С ума сошел?! Не вздумай!

– Чего вы там шепчетесь? – троица начала лениво, но уверенно наступать, заставляя Васина и Гирину делать маленькие, трусливые шажки назад. – Тебя, Толстый, если нормального языка не понимаешь, будем долбить.

– А может, не надо? – попытался возразить Гирин.

– Надо обязательно. Ты слишком шустрый. Далек нос суешь.

Васин почувствовал нелепую обиду. Собственно, почему все стрелки сошлись на Гирине? Он что, по делу Малютина основной?

– Иди, говорю! – напомнил Иван.

Васин хотел мягко возразить, но один из троих вдруг крикнул:

– А ты иди, мужик! Не лезь. У нас тут свои дела.

«Ничего себе! Как это – свои? – мысленно вскричал Васин. – Я – сыщик, веду дело об убийстве, а меня уверяют, что я тут ни при чем!»

Гирин мягко отстранил Васина за свою широкую спину. Отсюда было трудно наблюдать за происходящим, и Васин прозевал момент, когда началось основное действие. Все как-то неожиданно пришли в движение, замелькали руки, зашаркали об асфальт подошвы, отражаясь эхом от стен домов.

Васин сунулся наугад и тут же почувствовал, как что-то твердое врезалось ему в скулу. Удар пришелся вскользь, и Васин устоял. Он вновь полез вперед, даже успел достать кого-то ногой, но опять что-то с треском ударило о его лицо, а затем под ногами начала путаться оградка палисадника, он не удержался и рухнул в кусты. Отсюда хорошо были слышны резкие чавкающие звуки, означающие соприкосновения кулаков с челюстями, каблуков с ребрами...

Васин запутался в какой-то бечевке, а когда выбрался, с удивлением обнаружил, что на тротуаре стоит один Иван, потирая костяшки пальцев.

– Все в порядке, – сказал он. – Можно идти.

– Куда идти? А эти где?

– Эти? Ушли.

– Как ушли? Куда ушли?!

– Наверно, раны зализывать. И разговоры говорить. На тему «Если б не моя нога, мы б ему навешали».

– Так надо их хватать! Ты запомнил приметы?

– Зачем приметы? Я их и так всех знаю.

– Знаешь? – проговорил окончательно сбитый с толку Васин.

– Конечно. А что ты так разволновался?

– Ничего себе! Мы расследуем убийство, нам пытаются мешать, натравляют боевиков, а ты их, оказывается, знаешь!

– Какое убийство? – устало проговорил Гирин. – При чем тут убийство? Просто есть одна баба...

– Баба?! – вскричал Васин. – Так это все из-за бабы?

– Я же говорил, это мои дела. А ты что, думал, мафия? От мафии мы так легко бы не отделались.

– Черт! – процедил Васин. – Я только начал с тобой работать, а мы уже вляпались в две истории. Что же дальше будет?

Они вышли на улицу, где горели фонари и прогуливалась молодежь.

– Ну-ка, стой, – сказал вдруг Иван. – Слушай, ну ты хорош! Вся рожа в крови, и рубашка.

Ох, говорил я тебе, не лезь.

Васин посмотрел сначала на рубашку, потом на Гирина.

– Да ты и сам-то... Завтра фингал будет, и футболка порвана.

– Как?! – Иван схватился за лицо. – Что, сильно побито?

– Не особо сильно, но все-таки...

– Черт! Значит, и меня задела, сволочи! Как же так?

– Плохо, значит, уворачивался.

– Плохо или не плохо, а три противника – многовато, – проворчал Гирин. – Не мог же я их калечить. Ты, кстати, где живешь?

– В центре, возле Сбербанка.

– Далековато, – покачал головой Иван. – В таком виде через весь город тащиться – неинтеллигентно как-то...

– А ты где?

– Еще дальше. Щебзавод знаешь?

– Ого! Почти за городом.

– Вот именно. Может, на такси? У тебя деньги есть?

– Хватит до конца квартала – не дальше. Слушай, а пошли к моим родителям. Тут недалеко.

– Недалеко – это сколько?

– Если напрямую, через рощу – полчаса быстрой ходьбы.

– Места хоть безлюдные?

– Я же говорю – через рощу.

– Пойдем, – махнул рукой Гири́н. – Только позвони сначала, а то испугаются...

Очень скоро они оказались в абсолютной темноте. Толстые сосны сомкнулись за их спинами, отрезав от огня жилого массива. И только тропинка призрачной серой полоской выделялась из вечернего осеннего мрака. Было жутковато.

– А как тебя на Щербазавод занесло? Это же «сто первый километр».

– Квартиру дали в новом доме. Министерство обороны выделило после сокращения. Повезло, можно сказать.

– Что ж, не могли поближе к центру поселить?

– А мне все равно. Поближе к центру поселились те, у кого звезд на плечах побольше и рука поволосатее. А что, там нормально. Автобус ходит до двенадцати ночи. Обычно больше тридцати минут на остановке не ждешь.

– Ты, наверно, этим и пользуешься. Приглашаешь девушку в гости, а потом ей говоришь: извини, дорогая, автобус больше не ходит, а на такси денег нет. И приходится ей на ночь оставаться.

– Нет, оставить девушку на ночь – не проблема. Проблема – выгнать ее утром.

– Если уж говорить о девушках... – начал было Васин, и вдруг встал, пораженный нехорошей мыслью. – Ну-ка стой!

– Что?! – испугался Иван.

– Насчет девушек... У моих родителей... Короче, там живет моя двадцатилетняя сестра. Я тебя по-хорошему предупреждаю – начнешь крутить ей мозги... Ну, ты понял?

Гири́н в замешательстве посмотрел на Васина.

– Да ладно тебе! – с обидой проговорил он. – Сестра друга – это святое. Ты думаешь, я за каждой юбкой тащусь?

– Тащишься или нет, а я тебя предупредил. Пошли.

Иван несколько минут шел молча, переживая, потом не выдержал.

– А красивая сестра?

– На любителя. Стервочка она. Мы с детства с ней спорим и деремся по каждому поводу.

– А ты стрелять не пробовал? Или травить...

– Стой! – вновь воскликнул Васин.

Иван вздрогнул и уже приготовился извиняться, пытаясь сообразить, что он не так сказал. Но на этот раз дело было в другом.

В стороне от тропинки раздался шорох и треск веток. Через несколько секунд там блеснул огонек.

– Что там опять? – прошипел Васин.

– Простите! – донесся до них очень вежливый старческий голос. Луч фонаря резанул по глазам.

– Уберите свет! – заорал Васин.

– Извините...

Из кустов показался невысокий дедушка в резиновых сапогах и выцветшей штормовке.

– Извините, – в очередной раз сказал он и посветил себе на ладонь. – Вы, случайно, не знаете, что это за гриб?

– Что? – Васина почему-то трясло. – Какой еще гриб?

– Ну-ка... – Иван подошел поближе, склонился над стариком. – Похоже на шампиньон.

– Вот и я говорю, – невозмутимо продолжал дед. – Похоже на шампиньон, но они ведь уже отошли? А он как раз под забором рос.

– Выбросил бы ты его, отец, – дружески посоветовал Гири́н.

– Пойду, еще посмотрю. Если других не найду – придется выбросить. Извините за беспокойство, молодые люди.

Старик развернулся и растворился в темноте. Через несколько секунд его фонарик мелькал уже далеко за деревьями.

– Черт знает что! – выругался Васин. – Какие-то грибы, забор... Дурдом! Кстати, если здесь забор, значит, это подстанция. Мы уже почти пришли.

И действительно, через пару минут за деревьями показались огни многоэтажного микро-района. Вскоре мрачная роща с грибником-полуночником сменилась привычным городским освещением и гулом машин.

Юлька открыла дверь, внимательно оглядела Васина со всех сторон и многозначительно покачала головой.

– Здравствуй, сестричка, – пробормотал Васин. – Познакомься, это Иван, мой напарник.

– Проходите, – с сомнением проговорила сестра.

– А где родители?

– Они сегодня на даче ночуют. К счастью.

Гирин смущенно топтался возле двери, стараясь не поворачиваться к Юльке левой стороной, где медленно распухал подбитый глаз.

– Юля, нам нужно умыться и привести себя в порядок, – строго сказал Васин.

– Я уже поняла. Идите в ванную. Я пока картошку разогрею.

В ванной Иван поспешно повернулся к зеркалу и осмотрел лицо.

– Ерунда, – он облегченно вздохнул. – Через день уже ничего не будет.

Потом придвинулся к Васину и тихо шепнул.

– Слушай... Ничего, что мы так ввалились? На ночь глядя... С такими рожами...

– Перестань. – Васин, усердно отмывал лицо и шею. – Ты мой гость.

– Ну, рассказывай, братик, – потребовала Юлька, когда они сели за стол, на котором уже дымился разогретый ужин, – где это ты так схлопотал?

– Да что рассказывать... Работа у нас такая.

– Да что ты говоришь! Скажи еще, с преступниками дрался.

– Человек, посягнувший на мое здоровье, – авторитетно заявил Васин, – уже преступник.

Так что ты совершенно права.

– Лучше признайся, что в пивбаре очередь не поделил.

Васин решил, что это уже лишнее. Он быстро взглянул на Ивана. Тот сидел, уперев взгляд в свою тарелку, и молчал. Чувствовалось, он очень стеснялся, хотя Юлька почти не обращала на него внимания. Лишь иногда косилась на его могучие мышцы.

– Сестричка, ну зачем ты меня перед коллегой компрометируешь?

– Да еще и коллегу с собой затащил, – не унималась Юлька.

– Никуда он меня не тащил, – подал вдруг голос Гирин, став похожим на провинившегося школьника. – Это я виноват, а он за меня заступился.

Все выглядело так необычно и трогательно, что Юлька даже придержала очередную колкость. Она лишь изумленно покачала головой.

После ужина Васин почувствовал дикую усталость. Он решительно отказался от мысли сегодня куда-то ехать и чем-то заниматься.

– Ночевать здесь остаемся, – сообщил он Гирину.

– Ты что! – Иван сделал страшные глаза. – Неудобно.

– Что-то ты сегодня подозрительно стеснительный. Иди в ванную, а я пока тебе постелю в зале на диване. И не спорь.

Иван вернулся из ванной, когда Васин вправлял подушку в наволочку. Он повесил полотенце на плечо и присел рядом на край дивана.

– Слышь... – нерешительно проговорил он. – А сестричка у тебя...

– Что? – насторожился Васин.

– С норовом. Палец в рот не клади, и все такое. Но ничего. Симпатичная. И фигурка...

– Насчет «палец в рот» и всего остального я тебя предупредил, – сухо отозвался Васин.
– Да нет, ты не думай ничего. Я так. Для меня ухаживать за сестрой друга все равно, что за другом сестры.

– Кто тебя знает.

В этот момент в комнату заглянула сама Юлька.

– Уважаемый коллега, – насмешливо обратилась она к Гирину, – надеюсь, вы не храпите?

Иван покраснел, а Васин буркнул:

– Нет. Только орет и мочится под себя.

Он сказал это совсем тихо, но Юлька услышала.

– Дурак! – и она сердито хлопнула дверью.

Перед тем, как лечь спать, Васин позвонил на работу. Он сообщил все, что узнал про Глинского, и настойчиво попросил к утру приумножить эту информацию любыми имеющимися средствами.

Затем он лег в кровать и почти сразу отключился. День был нервным и утомительным, поэтому Васину тут же приснился какой-то идиотский сон. А потом его вдруг как подбросило.

Он открыл глаза, присел на кровати. В квартире было беспокойно. Какой-то посторонний звук...

Он тихо выбрался в коридор и увидел, что в зале, где должен был спать Гирин, горит свет. Из-за дверей доносился приглушенный голос Юльки.

«Так! – со злостью подумал Васин. – Уже снюхались, голубки! А говорил – сестра друга, друг сестры...»

Он заглянул в щель. Гирин все так же скромно сидел на уголке дивана, и даже полотенце по-прежнему болталось у него на плече. Рядом расположилась Юлька, на коленях она держала семейный фотоальбом.

– ...А это мы в Анапе. Мы там всей семьей отдохали, когда мне было двенадцать лет. Я помню, на пляже на стекло наступила и ногу порезала. А он меня два километра на руках нес и успокаивал...

Кто это он?

Потом Васин понял, что речь идет о нем самом. Действительно, было такое...

– А это он присягу принимает. А здесь – на даче, все вместе. Это он в Северной Осетии, – продолжала Юлька, листая альбом. – Он туда на два месяца ездил, когда там война началась. Знаешь, как мы за него боялись! Я каждую ночь плакала и обещала себе никогда с ним больше не ругаться. У меня брат очень хороший, я его очень люблю. Он такой добрый, умный. И смелый. Помню, один раз...

Васин отошел от двери и прислонился к стене, чувствуя предательское покалывание в глазах.

«Ну вас к черту, – подумал он. – Взрослые люди, разбирайтесь сами». Он тихо вернулся в кровать и через минуту уснул.

* * *

На следующее утро Иван проснулся раньше всех и сразу побежал к зеркалу. От вчерашнего синяка, к его огромной радости, почти ничего не осталось. Легко отделался и Васин – у него только слегка распух нос. В веселом настроении они оделись, позавтракали и поехали в Управление. О вчерашнем разговоре с Юлькой Гирин не сказал ни слова.

Михалыч выглядел утомленным и злым. Васин ему так и сказал.

– А что ты хочешь! – воскликнул начальник. – Вчера до трех ночи сидел тут по твоей милости. Глинского проверял – между прочим, твою работу делал. Интересно, почему ты сам не соизволил подъехать?

– Извини, Михалыч, была маленькая накладка.
– Вижу я твою накладку. На носу она.
– Не будем вдаваться в подробности, – деликатно предложил Васин. – Что удалось выяснить?

– Да почти ничего. Глинского сейчас в городе нет, он в Москве, – Михалыч бросил Васину компьютерную распечатку. – Здесь данные по прописке, имуществу и прочая мура. В налоговых органах толковых данных на него нет. За ним только пара нарушений административного характера. И вообще, нигде ничего на него нет. Святой он.

– Я и не сомневался.

– Правда, кое в чем нам повезло... Одна из его девок оказалась нашим человеком.

– Интересно...

– Да в общем, ничего интересного. Она сказала только, что у него очень скромная квартира, никакого криминала там нет, а главное – никаких разговоров о делах. Все встречи и разговоры происходят на даче.

– На даче, – задумался Васин.

– Да. И фоторобот «цыгана» она тоже не опознала.

– Дача легальная? – поинтересовался Васин.

– Конечно, нет. Записана на какого-то... Не помню, там в распечатке есть. Адрес тоже есть: Красный Городок, улица Гагарина и так далее...

Васин встал, подошел к окну и крепко задумался. Иван участия в разговоре не принимал. Он сегодня пребывал в каком-то оцепенении – Васин подозревал, что под впечатлением от его сестры.

– Что ты там притих? – спросил начальник.

Васин развернулся и решительно посмотрел Михалычу в глаза.

– Мне нужна санкция на обыск дачи.

Михалыч даже привстал.

– Ты рехнулся? С какой стати?

– С такой, что... В конце концов, мы расследуем убийство, а не кражу трусов из раздевалки.

– И что? Назови мне хоть один реальный факт причастности Глинского к этому делу.

– К двум делам, Михалыч. Не забывай про Рафика Мамедова.

– Про Рафика пока забудь. Разберись сначала с Малютиным, а потом будешь раскручивать дальше. Ты, кстати, не ответил...

– Все факты сам знаешь. Убиты хозяева двух предприятий. Предприятия перешли к Глинскому – оба. За символическую сумму. Что еще надо?

– Это не факты. Это агентурная информация, которую к делу не подклеишь. Да если бы и не агентурная, все равно это не более чем косвенные улики. Не основание для обыска. У тебя напарник следователь прокуратуры, спроси у него, если мне не веришь.

– Что? – вздрогнул Иван.

– Этот лопух хочет провести обыск на даче Глинского. Каково!

– Да, хорошо бы... – отстраненно кивнул Гирин, не задумываясь о сути разговора.

– Михалыч, пойми, мне очень нужно! – настаивал Васин. – Да, я знаю, что оснований для получения санкции нет, но на то ты и начальник, чтобы устроить все без оснований. Я же знаю, у тебя нормальные отношения с прокурором. Неужели ради такого дела он нам не поможет?

– А если не поможет? Это, между прочим, незаконно, и ему придется отвечать. И потом, что ты собираешься там найти? Склад оружия? Или воспоминания «Как я убирал конкурентов»?

– Не знаю. Что-то должно быть. Я чувствую.

– Чувствую... – презрительно повторил Михалыч. – Ладно. Зайди после обеда. Может, что-то придумаем.

– Михалыч, это нужно немедленно!

– Ничего не выйдет. Прокурор сейчас на совещании в городской Управе вместе с заместителем.

– Значит, нужно достать его с совещания.

– Ну, хорошо. Я тебе позвоню, если получу согласие на обыск.

– В машину, – добавил Васин.

– Что?

– Ты позвонишь нам в машину. Мы прямо сейчас едем в Красный Городок, встанем возле дачи и будем ждать звонка. А когда дождемся – сразу начнем действовать.

– Какая машина? – насторожился начальник.

– Твоя, Михалыч, твоя. В других ведь телефонов нет. А рация туда не добьет.

– Черт бы тебя побрал, Васин, – пробормотал Михалыч. – Твоя наглость не имеет предела.

– А разве не за это меня здесь до сих пор держат?

– Бери машину и убирайся. Видеть тебя не могу.

* * *

Водителя Васин нашел, конечно, в кабинете у Тотошки.

– Собирайся, Жора. Едем в Красный Городок.

Тот с неудовольствием слез со стула, загремел ключами в кармане.

– Александр Николаевич, а что за дело вы сейчас ведете? – спросила вдруг Тотошка. – Все говорят, что-то очень такое...

– Очень дурацкое?

– Нет-нет. Скорее, очень странное...

– Очень странное, – согласился Васин. – Я уже точно узнал, что убийство совершили инопланетяне. И теперь они готовят вторжение на Землю.

– Как?! – ахнула секретарша.

– Да-да! Завтра еду на космодром и вылетаю вместе с ОМОНОм им навстречу. Будем задерживать.

– Да кого ты слушаешь! – вскричал Жора. – Врет, как всегда!

* * *

В машине Иван, наконец «проснулся» и начал крутить головой.

– Куда едем-то?

– Ты еще не понял?

– Я прослушал.

– В женское общежитие.

– Я так и знал.

Добравшись до Красного Городка, они заехали сначала в местное отделение милиции и на всякий случай взяли с собой участкового – немолодого уже старлея по фамилии Сбруев.

– Фуражечку снимите, – сразу попросил его Васин. – Ни к чему нам показывать наше милицмейское происхождение.

– Может, заедем ко мне, я в штатское переоденусь?

– Да ладно уж, не надо.

Дача Глинского представляла собой не слишком большой, но симпатичный двухэтажный домик из облицовочного кирпича. Красный Городок был не совсем дачным поселком. Дома здесь стояли основательные, с газом, водой, светом. Некоторые хозяева жили тут постоянно, другие приезжали только на лето. Но всех их объединяло одно: поселок считался в городе престижным местом, и дома в нем принадлежали не самым бедным людям.

Васин велел Жоре остановиться в ста метрах от дачи, возле магазина.

– Все, – сказал он. – Теперь только наблюдаем и ждем.

– Чего ждем? – поинтересовался Иван.

– Михалыч в эту минуту добивается санкции на обыск дачи Глинского. Как только добьется – позвонит сюда. Тогда берем ноги в руки и переворачиваем здесь все вверх дном.

– Что будем искать?

– Все. Оружие, наркотики, взрывчатку, порнуху – все, что наказуемо. Нам бы только взять этого Глинского за ягодицу, а там уж мы его раскрутим.

Иван вдруг начал ерзать на месте.

– Чего тебе не сидится? – спросил Васин.

– Думаю, может, в магазин сходить? Булочку купить или шоколадку. Что-то есть хочется.

– Сиди. Тебя Юлька разве плохо накормила?

Иван смутился и успокоился.

– Помню, раз выезжали мы на кражу в магазине, – подал голос Жора. – Тоже все есть хотели – дело перед обедом было. Сделали осмотр, опись, все как полагается. А время идет, желудок поджимает... Так вот, все, что воры не унесли, – мы же и доели.

– Повезло вам, – вздохнул Васин и повернулся к Ивану. – Слышь, что тебе человек говорит? Будем делать обыск, не забудь заглянуть в холодильник. Может, чего и перепадет.

– Да ну... – сморщился Иван. – Там небось только икра да осетрина. У меня от этих деликатесов животик пучит.

– Видать, зажрался...

– Это как в анекдоте, – включился в разговор участковый Сбруев. – Приходит депутат к врачу и говорит: доктор, помогите, я ем красную икру и какаю красной икрой. А тот ему: вы попробуйте, как все, – ешьте дерьмо и какать будете дерьмом.

Все кисло улыбнулись. Васин вдруг заметил, что за забором дачи кто-то зашевелился.

– Это еще кто? Насколько я знаю, хозяин сейчас в Москве.

– Охранник, – ответил участковый, зевнув. – Он тут почти живет. Через неделю сменится – приедет другой.

– Ну-ка... – Васин полез в бардачок, где, как он знал, у Михалыча всегда лежал бинокль.

– Что видно? – спросил Иван.

– Действительно, охранник, – начал комментировать Васин. – Одет в камуфляж. На ремне кобура. Зубы золотые... Лицо дебильное. Безнадежно дебильное. Глазки злые, но не очень.

– Дай посмотрю, – Иван потянулся за биноклем.

Из-за угла выкатилась машина – УАЗ-«буханка» с глубокомысленной надписью «Специальная» на боку. Она остановилась рядом с дачей, загордив калитку.

– Еду привезли, – пояснил участковый и опять зевнул. – Она к ним раз в три дня приезжает.

– Черт... – проворчал Гирин. – Весь обзор закрыла.

– А там и смотреть нечего. Коробки носят – вот и все.

– Сколько же они жрут, – возмутился Иван, – если у них целая машина с коробками!

– Так ведь машина не только для них. У нее свой маршрут – здесь много домов на обслуживании из города.

– Дай-ка номер запишу. Вернемся – проверим, чья машина.

Вскоре фургон уехал. Охранник долго глядел ему вслед через прутья решетки, затем ушел в дом.

Иван открыл рот, чтобы что-то сказать, но его оборвало блекотание радиотелефона. Васин схватил трубку, едва не оторвав шнур.

– Да! Я слушаю! Михалыч, ну что?

Лицо Васина вдруг стало скучным.

– Да? – вяло сказал он. – Понятно... Ну, ладно... Буду думать.

– Облом? – догадался Иван. – Я так и знал.

Васин вздохнул. Михалыч сказал ему «нет». Не было смысла спрашивать, почему. Если Михалыч говорил нет, значит – нет. Значит, он использовал все свои возможности, влияние и аргументы. Нет – значит нет, и ничего уже не поделаешь.

– Ну, что, по домам? – подал голос Жора, потягиваясь.

– Подожди, – Васин сосредоточился. – Охранник был в камуфляже, так? А охранным агентствам сейчас запрещено носить камуфляж, они должны иметь свою форму. Значит, он работает сам по себе. Это хорошо...

– Почему хорошо?

– Потому что он наверняка не знает своих прав. С профессионалами такие штучки не проходят, а с этим барбосом можно попробовать.

– Какие штучки-то? – всполошился Иван.

– Такие. Обыск нам делать не разрешили, значит сделаем досмотр. Имеем полное право.

Через две минуты, после того, как Жора подрулил прямо к даче и посигналил, во дворе снова мелькнула пятнистая шкура охранника. Он подошел к калитке и, взявшись обеими руками за прутья, подозрительно посмотрел на гостей сквозь решетку.

Васин опустил стекло, высунул голову.

– Эй, охрана! У меня две новости – одна хорошая, другая плохая.

– Чего? – охранник нервно пошевелил ноздрями.

– Начну с плохой. Ты в этой клетке очень похож на орангутанга.

– Чего?

– А теперь хорошая новость: можешь полчаса отдохнуть, пока мы здесь, – Васин помахал удостоверением. – Мы из милиции, нам нужно осмотреть дом.

Он быстро вылез из машины, потянув за собой Ивана.

– Зачем? – Охранник еще сильнее вцепился в прутья калитки, и его бульдожьих глазки беспокойно забегали.

– Вопросы задаем мы! – Васин постарался сразу пресечь возможные возражения. – Итак, во-первых, ваша фамилия, во-вторых, ваше разрешение на оружие, в-третьих, ваша лицензия на охранную деятельность. Ну?

– Газовый, – проговорил охранник, сбитый с толку столь стремительным натиском.

– Что?

– Пистолет. И разрешение есть.

– И в-четвертых, – продолжал гнуть свое Васин, – у нас есть информация, что в этом доме прячется лицо, находящееся в розыске. Мы думаем, оно только что подъехало на автомобиле УАЗ.

– Да здесь нет никого! – изумился охранник. – Только я. А на машине хавку привезли.

– А вот мы сейчас и посмотрим. Открывай ворота, если не хочешь, чтобы через полчаса здесь был ОМОН.

Это был, конечно, блеф. Никто не имел права вламываться на дачу без санкции прокурора или разрешения хозяина. Охранник мог запросто послать визитеров куда полагается и идти себе спать дальше. Но Васин знал – богатые платят большие деньги телохранителям, но

экономят на сторожах. Дешевые, взятые с улицы сторожа редко разбирались в тонкостях юридических процедур. И слово «ОМОН» зачастую действовало на них, как свист кнута.

Охранник поколебался еще несколько секунд и загремел засовом. Он сам пустил гостей в свои владения, даже не записав их фамилий и должностей. Все законно. А то, что охранник дурак, – так это проблемы его хозяина.

Досмотр производили по методике «Баба с возу – кобыла к деду». Пока участковый на первом этаже беспокоил охранника вопросами типа «нет ли кого в этой тумбочке», Васин с Гириным быстро проверяли верхние комнаты, открывали шкафы, заглядывали в антресоли.

Домик был обставлен достаточно богато, хотя и без лишней роскоши. Мебели было много, и пришлось повозиться. Приятно удивляло отсутствие всякого старья, которое обычно складывают на дачах владельцы. Вещи были новые, еще вполне носимые, посуда чистая, иногда даже в нетронутой упаковке. Из аппаратуры – только телевизор и недорогой музыкальный центр.

Однако ничего криминального найти не удалось. Похоже, дачу использовали просто как нейтральную территорию для встреч и отдыха. Васин старался не думать о последствиях их бесшабашного вторжения, хотя последствия были ясны: сегодня же Глинскому станет известно, что им интересуется милиция. И он ляжет на дно – спрячет все и всех, кто может его компрометировать, обезопасит себя любыми мыслимыми методами.

Когда участковый увел охранника на второй этаж, Иван продолжил поиск на первом, а Васин отправился осматривать хозяйственный сарайчик. Он прошел по дорожке, мощенной большими металлическими дисками, и распахнул дверь. Из полумрака начали вырисовываться очертания банок с краской и садовыми химикатами, стопки штакетника, справа белел пластиковый корпус биотуалета. На полу тяжелой грудой лежали железные диски – такие же, как и на дорожке. Васин заметил, что с одной стороны каждый диск имел ручку наподобие дверной. Похоже, это были крышки каких-то люков, добытые по случаю и используемые для подсобных нужд.

Васин отодвинул ногой грудой садового инструмента, проверяя, не прячется ли там хотя бы хреновенький обрез. Увы, все было чисто и законно. Васин поздравил себя с блестящим провалом и собрался было идти вон, но взгляд его случайно переместился в угол, где на гвозде болталась старая одежда.

Сверху висел пиджак. Это был очень странный пиджак – и по покрою, и по ткани. Он казался то ли затертым до блеска, то ли заведомо блестящим. Такой одежде было место в костюмерной фокусника или конферансье, но не в дачном сарае.

Васин тронул ткань кончиками пальцев. Материя оказалась скользкой и прохладной на ощупь. Он провел по ней рукой и тут же нащупал что-то твердое.

Воровато оглянувшись Васин запустил пальцы в карман. Там лежал небольшой пластиковый фотоальбом с двойными прозрачными страницами – такие продаются в любом магазине «Кодак». Васин открыл его и повернул к свету.

Это была победа. Он наконец нашел нечто, заслуживающее внимания. Ради этой находки стоило устраивать спектакль с осмотром дома.

«Спокойно, – сказал он себе, засовывая альбом под рубашку. – Разберемся с этим позже. А теперь пора убираться».

Он позвал Гирина и участкового, сказав им, что пора домой. Про альбом он пока помалкивал, следовало все хорошо обдумать.

На обратной дороге Васин сидел тихо, лишь иногда трогал свою находку под рубашкой, чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

На первой же странице он видел фотографию Софьи Курской. Васин не стал листать дальше, но и этого было вполне достаточно. Сам факт обнаружения фотографии девушки на даче Глинского говорил об их связи, пусть даже односторонней. Альбом казался Васину тем

самым оружием, которым можно было припереть к стенке обоих подозреваемых. Как знать, может, на других страницах их ждут новые сюрпризы. Например, снимок, где Софья и Глинский сидят обнявшись на каком-нибудь пикнике. А что, может, девчонка также отходит в наследство Глинского?

Васина не волновало даже, что альбом изъят без понятых и протокола. В конце концов, его можно тайком вернуть обратно, а затем разыграть новый спектакль с изъятием. Сейчас самым верным было поработать с каждой фотографией, скопировать, провести некоторые закулисные мероприятия, подстраховаться от неожиданностей.

Гнетущую тишину в машине вдруг нарушил Сбруев.

– У меня есть одна мысль, – робко сказал он.

– Ну?

– Вы видели, там на террасе в коробке стоят пять бутылок водки. Водочка-то московская – самая дешевая и дрянная. Местные господа такую не пьют.

– Так, может, она для охранника?

– Охранник тоже не дурак насчет выпить. Дело тут в другом. В каждом дачном поселке есть свои бомжи. Господа или приказчики их время от времени привлекают на общественные работы – копать, полоть и так далее. И этой водкой с ними расплачиваются.

– Предлагаешь нам пошпионить там под видом бомжа? – спросил Гирин.

– Нет. Предлагаю найти одного из этих бомжей и потолковать. Они много видят и много знают.

– А где их искать?

– Тут недалеко есть бомжатник. Правда, мы это место уже проехали, придется возвращаться.

– Если надо – вернемся, – сказал Васин. – Жора, разворачивайся.

Они съехали с дороги и некоторое время продвигались по полузаросшей стежке в зарослях, где ветви били по лобовому стеклу, а машина едва ли не впритирку проходила между деревьями.

Скоро деревья сдвинулись еще плотнее, побеспокоенная желтая листва слетала с веток и липла на капот. Неожиданно впереди появилась кирпичная стена.

Это была простая постройка, очень старая, треснувшая, но обитаемая. Вряд ли кто мог догадаться, зачем ее воздвигли в лесу, но она стояла здесь, слепо глядя квадратными окнами, заделанными картоном и полиэтиленом.

Участковый отважился войти первым.

– Хозяева! – крикнул он и откинул грязный брезент, заменявший дверь.

Васин шагнул вслед за ним. Внутри оказалось достаточно света, чтобы разглядеть изготовленный Бог знает из чего стол и сидящего перед ним человека – небритого, но довольно пристойно одетого и чистого. Он был похож скорее не на опустившегося бомжа, а на замученного женой и работой пролетария.

– О, знакомые все лица! – воскликнул Сбруев. – Здравствуй, Тюлень. Завтракаешь?

– Ага, – растерянно ответил Тюлень и кивнул на стол, где на газетке зеленела кучка мелких, на вид невкусных яблок и стояла трехлитровая банка с водой.

Васин окинул быстрым взглядом жилище. Он увидел ржавую печку, найденную, вероятно, где-то на помойке, три матраса на полу, груды разного случайного хлама – от прохудившегося ведра до разбитого радиоприемника. Вдоль одной из стен тянулись импровизированные полки, на которых стояло неисчислимое множество всяких баночек, пузырьков, бутылочек – как в аптеке.

Хозяин этого помойного богатства растерянно смотрел на гостей, не понимая, за что ему оказана такая честь.

– Допрыгался, Тюленев, – сказал участковый. – Из уголовного розыска за тобой приехали. Собирайся.

– П-п-почему? – выдавил хозяин «квартиры».

Васин хотел было объяснить, что участковый шутит, и им нужно просто поговорить, но Сбруев тактичным жестом попросил его молчать. Видимо, знал, как нужно разговаривать с местной публикой.

– Не хочешь? – продолжал Сбруев.

– Не-ет. – Тюленев встал, подался назад.

– Мы можем и здесь поговорить, но только если будешь хорошо отвечать на вопросы.

Начнешь темнить – поедешь с нами.

– А что рассказывать-то?

– Сейчас поймешь. Дачку двухэтажную на Гагарина знаешь?

– Возле магазина? Как не знать!

– Значит, бывал там?

– Часто. Только позавчера ботву косил, забор выправлял.

– Вот и расскажи товарищам, что ты там делал и что видел.

– Постой, – тихо сказал Васин участковому и шагнул вперед. – Я сам с ним поговорю.

Он достал фоторобот «цыгана».

– Вопрос первый: это лицо знакомо?

Тюленев прищурился.

– Видел, – сказал он, наконец. – Кажется, видел. Лицо не совсем похоже, но глаза один в один запомнил.

Васин молча протянул Гирину папку, и тот, быстро обо всем догадавшись, достал чистый бланк протокола и авторучку.

– Рассказывай, – продолжал Васин. – Кто он такой, что тут делал и откуда появился.

Напористый тон Васина испугал бомжа не меньше, чем ведение протокола. Он попытался было отпираться:

– Да я только один раз видел...

– Рассказывай, – настоял Васин.

– Рассказывай, – повторил Сбруев и многозначительно покачал головой.

– Чего рассказывать-то?

– Тебя спросили – что он тут делал?

– Ну, что... Поел, поспал... Потом уехал на машине куда-то.

– Когда это было? Что у него было в руках, как он был одет?

– Да не помню я, как одет. Он только разок на крыльцо вышел и сразу обратно. А было это... Может, с месяц назад.

– Кто его сюда привез, на чем? Откуда он вообще взялся.

Тюленев вдруг побледнел и растерянно захлопал глазами.

– Это... Взятся он... Из этого... Из сарая вышел! – он развел руками, как будто извиняясь, что сказал такую глупость.

– Тюленев, я предупреждал... – напомнил участковый.

– Да я и сам... Смотрю через деревья – идет какой-то мужик из сарая. Я хотел Валеру – охранника кликнуть, а тот и сам ему навстречу. Поздоровались, пошушукались – и в дом.

Гирин в замешательстве посмотрел на Васина. Тот махнул рукой – пиши.

– Так может, он через калитку зашел? – предположил Васин. – Потом забежал в сарай по нужде, а ты и не заметил.

– Нет. Я бы заметил. Мне калитку оттуда хорошо видно. Да и скрипит она.

– Слушай, а ты трезвый был? – поинтересовался Сбруев.

– Ни в одном глазу! – Тюленев неистово постучал кулаком в грудь. Потом он нагнулся вперед и заговорил шепотом. – А еще раз было, приехал один мужик. Посидел в доме и в сарай пошел. И все! А уже вечер был, мне закрывать надо. Я ждал, ждал, потом стучусь, говорю, извините, мол, товарищ, выходит пора. Открываю – а там никого.

– Так ты небось отвернулся, а он тем временем и вышел, – сказал Васин.

– Не выходил! Ей-Богу, не выходил! Я же сидел, ждал его, мне закрывать надо было и ключ Валере отдать.

Сбруев шумно вздохнул.

– Нет, Тюлень, тебе определенно пить пора бросать.

– Не пил, ни грамма в рот не брал! – еще больше распалился бомж. Затем снова повернулся к Васину. – Ну так вот. Они тут все про какие-то переноски толковали. Я сначала не слушал – что, думаю, мне за дело. А потом понял – это они про такие круглые железки с ручками. Их в сарае много скопилось, я Валере и говорю – давай дорожки ими укладем, чтоб культурно было. Он мне – надо хозяина спросить. Потом говорит – делай, что хочешь, они уже ненужные. Я иду в сарай, открываю – а там... – Тюлень испуганно покосился на участкового, потом очень тихо сказал Васину, – там переноска в воздухе летает!

Васин слушал, не затрудняя себя комментариями. Сначала всегда нужно внимательно выслушать. Обсудить и посмеяться можно потом.

– Висит в воздухе, честное слово! А под ней – другая на полу лежит. А между ними – свет! Во всем сарае светло. Я оробел и бегом оттуда. Потом тихо подхожу, глянул, дверь открывается и выходит – поп! Вот чем хочешь забожусь – поп! В рясе, с крестом, ну, правда, без бороды и молодой какой-то. Посмотрел на меня, ничего не сказал и дальше пошел, в дом. Дверь не закрыл, и мне видно – переноска еще висит, а света уже мало. Потом свет совсем потух, и она на пол свалилась. Я потрогал – тепленькая.

– Определенно, Тюленев, ты и сам тепленький был, – не унимался участковый.

– Трезвый!

– Да ладно...

Васин обернулся к Гирину.

– Ты все записал?

Иван с легкой улыбкой покачал головой.

– Как он дорожки железом мостил – написал. А дальше не стал.

Правильно, подумал Васин. Пусть в протоколе будет только одно – «цыгана» видели на даче Глинского. Еще одна улика – остальное пока неважно.

– Возьми с этого парня данные, – сказал он, – и пусть распишется. Я пока выйду на воздух. Что-то у меня в желудке заурчало от этих басен.

Васин выбрался из будки, поспешно полез за сигаретами. Весь бред, что он услышал от Тюленева, был передан так неподдельно искренне, что ему стало не по себе.

Участковый прикурил от его зажигалки, сплюнул на усыпанную хвоей и мусором землю.

– Вот чудило! – сказал он. – Надо ж такого наговорить!

– Да, – вяло согласился Васин и поправил под рубашкой альбом, чтоб ненароком не потерять.

Через пару минут вышел Иван.

– Странные у вас бомжи, – сказал он участковому, – с паспортом и даже с местной пропиской.

– Да они не совсем бомжи. Одного жена из дому выгнала, другой просто свободы захотел, третий еще что-то... Тут раз даже два хиппи какие-то ночевали. А сейчас по осени они все по домам разбегутся. Здесь скоро холодно станет...

* * *

- Нашли что-нибудь? – строго спросил Михалыч, когда Васин предстал перед его очами.
- Ничего! – гордо отрапортовал Васин.
- Поздравляю. Как собираешься отмазываться, если хозяин поднимет шум?
- Да никак. Ты начальник – ты и отмазывай.
- Черт бы тебя побрал, Васин. Ну, неужели совсем ничего?
- Не совсем. Мы нашли человека, который видел «цыгана» на даче Глинского. Это зафиксировано в протоколе его подписью. И он готов подтвердить это на опознании.
- Уже кое-что, – заинтересовался Михалыч. – Еще?
- Больше ничего, – уверенно ответил Васин, хотя заветный альбом по-прежнему согрел его под рубашкой.
- Иди, пообедай, потом приходи. Подумаем, как действовать дальше.

* * *

Однако в этот момент обед Васина не интересовал. Он прошел в свой кабинет и заперся там – почему-то никого не было, и прятаться в буфете не пришлось.

Затем он медленно, спокойно, стараясь не суетиться, сел за стол, закурил, и открыл альбом.

В следующую секунду его лоб покрылся испариной. На фотографии была не Софья! Там, в полумраке сарайчика, у него не было возможности разглядывать детали, но сейчас он ясно видел – женщина на снимке была просто очень похожа на Софью, но не более того. Она была красивей, эффектней, а главное – старше Софьи. Васин допускал даже, что это ее мать, потому что сходство не казалось случайным.

Снимок был сделан где-то за границей. Васин скользнул взглядом по огромным зеркальным витринам, блиставшим за спиной женщины, по висящим в небе ярким аэростатам и вертолетам. Женщина стояла на большом возвышении – холме или эстакаде, одной рукой она держалась за металлические перила, другой – за невысокий разрисованный ящик, похожий на автомат для продажи сигарет или напитков.

Васин перевернул страницу. На следующей фотографии он снова увидел эту женщину, и опять его будто кольнуло поразительное сходство с Софьей. Теперь она была в обществе молодого приземистого мужчины с брюшком и лысинкой. На нем были только шорты и футболка, он смущенно улыбался и обнимал женщину за талию. За их спинами Васин увидел двухэтажный дом причудливой архитектуры, с огромными окнами и параболической антенной. У стены стояла какая-то ультрасовременная иномарка, больше похожая на летающую тарелку, чем на автомобиль.

На следующей фотографии они снова были вместе – на этот раз в купальных костюмах. Они стояли взявшись за руки на многолюдном песчаном пляже, их лица светились счастьем и радостью. Васин несколько секунд любовался фигурой женщины, затем переключился на созерцание окрестностей пляжа. Вероятно, это тоже снимали где-то за границей – все было подозрительно чистенькое, яркое, праздничное, по волнам носились водные мотоциклы и катера, над ними – снова вертолеты и аэростаты. Какая-то солнечная курортная страна, такая далекая, что напоминала другой мир...

В углу Васин заметил небольшую продавленность, как будто кто-то писал, сильно нажимая на карандаш. Он осторожно извлек фотографию из прозрачной обложки и перевернул. Действительно, он увидел подпись. Две короткие строчки, выведенные синей ручкой: «Родику на память. Ялта, август, 2198 г.»

Васин замер, тупо уставившись на эти бесхитростные слова. «Что за шутки?» – подумал он и вновь повернул фото лицевой стороной. Он долго и внимательно изучал изображение, однако ничего подозрительного не заметил. Сам Васин никогда не был в Ялте, поэтому сравнивать ему было не с чем.

Следующая страница была пуста. В альбоме оказалось всего три снимка. Васин вернулся к первому – тому, на котором женщина была одна на фоне заграничного города. Одного внимательного взгляда хватило, чтобы понять – черта с два это была заграница! Потому что среди огромных зданий Васин без труда рассмотрел золотые купола храма Христа Спасителя, одну из московских высоток, кажется, на Смоленской, узнал и знакомый изгиб Москвы-реки, и даже стадион «Лужники», хотя тот сильно изменился – его накрыли раздвижным стеклянным куполом.

Без сомнения это была Москва, женщина стояла на Ленинских горах, у перил, откуда туристы так любят разглядывать виды столицы, взяв бинокль здесь же на прокат по сходной цене.

Это была Москва, но... другая. Васин почувствовал, как закружилась голова. Фотография, конечно, могла быть компьютерным монтажом, подделкой, но... Он не имел права так думать, потому что было таинственное оружие, которым убили Малютина, и нелепый рассказ Тюленева, мало походивший на бред спившегося бродяги. Всем этим странным фактам можно было бы подыскать простое, реальное объяснение, если бы они не сошлись в одной точке. Более того, в одном уголовном деле. Теперь невозможно списать их на выдумки и совпадения.

Васин еще раз взглянул на второй снимок – в интерьере коттеджа и машины. Может, это тоже окажется не заграница, а какая-нибудь Балашиха или Переделкино?

Он почти угадал. На капоте автомобиля он увидел знакомый значок – стилизованное изображение древней ладьи. Эта сверхсовременная машина, это чудо инженерной и дизайнерской мысли, в котором было больше стекла, чем металла, оказалась... обыкновенными «Жигулями»! Нет, не обыкновенными, но все же... Чему удивляться, если фотография подписана 2198 годом?

Васин встал, подошел к окну. Небо над городом потемнело, где-то на окраинах, наверно, уже шел дождь. Краски мира померкли в ожидании дождя. Вместе с ними меркли все прежние заветные тайны осени. Теперь отсчет велся уже в другом измерении. Васин столкнулся с великой, настоящей Тайной. Все прочее – пустяк, шелуха, которую носит ветер.

Ему вдруг захотелось стать маленьким клерком в какой-нибудь малозначительной конторе, где все предсказуемо, все известно наперед и ничего не случается. Захотелось подать рапорт об увольнении из милиции, или хотя бы отстранении от этого дела. Его подсознание протестовало, оно не желало иметь ничего общего с великой Тайной. Для обыкновенного неподготовленного человека Тайна была равносильна оголенному высоковольтному проводу – безопасному издали, но таящему в себе страшную разрушительную силу.

2198 год... Может, эта красивая дама на фотографии – не мать Софьи, а... внучка! Праправнучка! Праправнучка!

Нужно уйти от этого, скорее, пока разум не взорвался от чудовищной нагрузки, нужно уснуть летаргическим сном, забыть, выбросить из себя...

В замке заскрежетал ключ – кто-то пытался войти в кабинет. Васин быстро вернулся за стол и спрятал альбом в карман куртки.

В дверях показался Сливко.

– Ты чего закрылся? Никиты нет? Я принес ему журнал, он не верит что у нашего «ПП-93» скорострельность не хуже, чем у израильского «УЗИ».

Это было невыносимо. Васин понял, что не сможет сегодня разговаривать с людьми, писать бумажки, звонить, выполнять поручения. Нужно пойти домой и уснуть. Нет, уснуть не

получится. Значит, нужно выпить, а потом уже спать. Если не получится – снова выпить. И еще – это очень важно – нельзя оставаться одному.

Он вышел в коридор, толкнул дверь начальника.

– Михалыч, мне что-то нездоровится. Пойду домой, подлечусь.

Тот удивленно поднял брови.

– Что с тобой?

– Не знаю... – пробормотал Васин. – Голова что-то... И вообще.

– Завтра придешь?

– Приду. Может, чуть опоздаю.

Васин сбежал по лестнице, уклоняясь от разговоров со знакомыми, и вышел из здания. В лицо ударил холодный мокрый ветер. Осень все теснее обступала город.

Собственные ноги показались тяжелыми и трухлявыми, идти было неприятно. Васин доплелся до троллейбусной остановки, тяжело опустился на скамейку.

«Ерунда, – успокаивал он себя. – Все это полная чепуха. Сегодня напьюсь и лягу спать. А завтра взгляну на мир другими глазами, разберусь, и наверняка все окажется полной чепухой. Так не бывает. Просто не может быть».

Подошел троллейбус, к счастью, полупустой. Васин сел у окна и уставился на улицу, где прохожие боролись с ветром, который так и норовил вырвать или, на худой конец, поломать их зонтики.

Напротив сели две пожилые женщины. Одна – с большим букетом пышных хризантем и корзинкой – похоже, возвращалась с дачи. Другая была одета и причесана по-городскому. Она, прежде чем сесть, задвинула окошко, в которое летела водяная пыль с улицы. Васин смотрел на них и чувствовал, что теперь между ним и другими людьми невидимой, но прочной стеной встала Тайна. Он уже не принадлежал этому миру. Может, это был минутный порыв. Никто не подозревал, какую кошмарную Тайну везет он в кармане, в дешевом фотоальбоме. Страшную Тайну. Человеку опасно быть с ней рядом.

По букету расплозились большие черные муравьи. Один упал на юбку женщины-горожанки. Та поймала его в щепотку, отодвинула стекло и выбросила на улицу.

Господи, какая нелепость! Стоило ли беспокоиться из-за ничтожного насекомого, когда рядом – самая страшная Тайна человечества?

Васин ощутил прикосновение к плечу.

– Билет брать будете? – спросил его пожилой кондуктор.

Ему захотелось достать альбом и крикнуть: вот мой билет! Билет туда, где никто из вас не был и никогда не будет. Посмотрите на него, потрогайте, запомните, и больше не приставайте ко мне никогда...

Но он не стал этого делать. Он просто показал удостоверение, и кондуктор прошел мимо.

Дома Васин спрятал альбом под матрас, переоделся, умылся и пошел к своему соседу по коммуналке – старому тихому алкоголику. Они выпили на двоих бутылку водки, потом Васин сбежал за второй. Он пил, наспех заедая водку растаявшим салом, и говорил, говорил...

Он рассказывал про армию, про соликамскую тайгу, колючую проволоку вокруг заснеженных зон, обледеневшую вышку, на которой провел без малого два года. Он вспоминал Осетию, бэтээры на улицах Владикавказа, пылающие одноэтажки в жилых кварталах, запах масла и железа – запах войны. Он клеймил свою бывшую жену, о которой до сих пор тоскует и которая бросила его потому, что устала каждый вечер слышать по телефону «солнышко, я сегодня чуть задержусь». Это «чуть» затягивалось иногда на полночи, и он неделями не видел сына, потому что тот спал, когда он приходил и еще не просыпался, когда уходил...

Сосед слушал, кивал, сокрушенно вздыхал, не забывая следить, чтобы рюмки не стояли пустыми. Он был профессиональным выпивохой, а профессионалы этого профиля умеют быть хорошими слушателями и зрителями чужих пьяных слез.

Васин не запомнил, в котором часу он наконец отключился.

* * *

На работу он, конечно, опоздал. Михалыч с неприязнью посмотрел на его отекавшее лицо и сказал:

– Не похоже, что лечение пошло тебе на пользу. Может, ты продолжишь его в каком-нибудь пивбаре?

– Нет, – сказал Васин. – К черту лечение. Есть дела поважнее.

Он пошел в буфет и там медленно, с наслаждением и истомой вылил в себя две бутылки минеральной воды.

Одновременно он обдумал план первоочередных мероприятий. Во-первых, Васин понял, почему «цыган» так нагло расхаживал на виду у всего двора. Еще бы – зачем прятаться, если в любой момент можешь включить эту чертову «переноску» и исчезнуть, раствориться во времени. Значит, нужно еще раз прочесать двор и отыскать там большой железный диск с ручкой. Дай Бог, чтобы его не утащили куда-нибудь вездесущие мальчишки.

Далее нужно повидаться с бомжем Тюленевым и предложить – нет, заставить! – осторожно вернуть на прежнее место альбом. А уж затем устроить официальное изъятие. И пусть тогда Глинский сам объяснит, откуда у него эти странные картинки.

Голова после вчерашнего работала слабо, но Васин старался использовать ее на максимальную мощность. Нужно будет еще показать Глинскому фотографию «цыгана» и прямо спросить, кто это такой. А если будет кочевряжиться, устроить очную ставку с бомжем Тюленевым. Хотя он все равно, конечно, отбрешется...

Когда в бутылках не оставалось уже ни капли нарзана, Васин понял наконец, что весь его план – полная чушь с начала и до конца. Нужно просто закрыть дело и поскорее все забыть. И не мучить себя мыслями, которые легко могут довести до психиатра.

И все-таки, чертовски умно придумано! Один выстрел – и дело сделано. На месте преступления не остается ни пуль, ни гильз. И будь ты трижды Пинкертон, ты не найдешь убийцу, потому что его нет в природе, он еще не родился, он тихонько посмеивается из двадцать второго века над твоими тщетными попытками постигнуть непостижимое.

Васин шел в свой кабинет, и с каждым шагом собственная жизнь, а особенно работа казались ему все более бестолковой и отвратительной. Хорошо бы сменить обстановку. Жаль, до следующего отпуска еще почти год.

Никита все так же строчил на компьютере, Сливко все так же рассуждал о тактико-технических характеристиках чего-то там... Почему-то у него всегда находилось время торчать в кабинете и болтать о разной ерунде, когда у других часто не оказывалось свободной минуты даже пообедать. Впрочем, что ему терять – три года до пенсии...

Сливко вдруг замолчал и посмотрел на Васина с интересом и даже подозрением.

– А скажи-ка, друг Васин, с какой стати тобой интересуется господин Успенцев?

– Какой, к черту, Успенцев? – пробормотал Васин.

– Что значит «какой»? Стыдно не знать самых богатых людей города.

– Так это тот самый Успенцев?!

– Именно.

Успенцева Васин знал. Это был владелец Строительного банка – человек, может, и не самый богатый в городе, но один из таковых.

– И что ему надо?

– Тебе лучше знать. Прямо с утра пришел какой-то хмырь и объявил: его светлость приглашают оперуполномоченного Васина в свои апартаменты. Пойдешь?

– Да пошел он! – разозлился Васин. – Нашел мальчика бегать к нему. Если надо – сам придет.

– Зря ты так грубо, – заметил Никита. – Он прислал за тобой машину, и она стоит ждет, пока ты где-то гуляешь.

– Машину? – тупо переспросил Васин.

– Ну что, пойдешь?

– Не знаю...

– Иди, раз приглашают, – посоветовал Никита. – Если будут предлагать взятку – бери обязательно. Говорят, в этом месяце зарплату опять задержат.

– Иди-иди, – поддержал его Сливко. – Потом расскажешь, как встречают гостей миллионеры.

Васина разобрало любопытство. Через секунду он уже точно решил, что поедет. Тем более, никаких архисрочных дел пока не было.

– Да, и еще! – вспомнил Сливко. – Звонил этот твой Гирич из прокуратуры. Сказал, что его сегодня не будет, он уезжает на один день в командировку.

– Ясно, – сказал Васин и вышел из кабинета.

На улице он повертел головой, ожидая увидеть вблизи какой-нибудь навороченный «Мерседес» или хотя бы джип «Чероки». Но он увидел всего лишь скромную белую «девятку», из которой тут же вылез молодой парень в фиолетовом клубном пиджаке и помахал ему рукой.

– Вы Васин? – спросил он. – Я вас сразу узнал.

«Интересно, откуда?»

– Вам уже передали, что Степан Сергеевич хочет с вами переговорить?

– О чем?

– Не знаю, это не в моей компетенции. Если вы сейчас заняты, то назначьте другое время. Хотя это ненадолго.

Васин, нахмурившись, уселся на переднее сиденье. Ему не нравилась эта недосказанность, однако он по-прежнему был во власти любопытства. Хуже всего, что он даже приблизительно не мог предположить, что надо этому Успенцеву. По делу Малютина он вроде не проходил. Может, какие-то старые дела?

Молодой человек лихо и довольно рискованно провел машину через городской центр, затем обогнул сквер и свернул на набережную. Через минуту Васин понял, что его везут за город. Он забеспокоился, но виду не подал, лишь незаметно расстегнул кнопку на кобуре.

– Куда едем-то?

– В Воскресенское, – немедленно ответил водитель. – Степан Сергеевич сегодня отдыхает там в своем коттедже.

Васин начал жалеть, что ввязался в эту историю. Когда впереди показался пост ГАИ, он хотел было потребовать остановить машину, но постеснялся. А через пять минут они свернули на проселочную дорогу.

Впереди сквозь редкие молодые березы сверкнули серебристые крыши новеньких коттеджей. Место было живописное. Васин глазел по сторонам, прикидывая, сколько денег было вложено, например, в тот трехэтажный домик с двумя башенками и мансардой.

Они проехали мимо коттеджа с башенками, мимо десятка других таких же дорогих домиков, и наконец остановились возле одного из них. Не самого, впрочем, большого и экзотического.

Водитель нажал на кнопку пульта, и ворота медленно расползлись в стороны.

Внутри дома Васин увидел то, что и ожидал увидеть. Сдержанная, «дачная» роскошь не раздражала, ни к чему не обязывала, не заставляла чувствовать себя трубочистом, свалившимся из камина прямо в царскую опочивальню. В убранстве проявлялся женский вкус.

Васин с облегчением понял, что убивать с налета его, кажется, не собираются. В худшем случае будут предварительные переговоры.

Через минуту появился хозяин. Васин сразу узнал его – Успенцев часто мелькал по местному телевидению, становясь то спонсором благотворительных мероприятий, то кандидатом в депутаты, то членом какого-нибудь очередного союза предпринимателей. Сегодня он был одет в бархатный халат. Васину показалось, что Успенцев пытается подражать кинематографическим английским лордам – мудрым и неторопливым.

Он подошел, приветливо улыбнулся, представился и пригласил Васина присесть.

– Рад познакомиться с вами, Саша, – сказал банкир. – Я наводил о вас справки, и вы понравились мне, даже заочно.

– Очень приятно, – промямлил Васин. Ему и в самом деле было приятно, что банкир сразу не начал ему «тыкать» и относиться, как к только что купленной вещи.

– Вам, наверно, интересна причина нашего... э-э... нашей встречи.

– Да уж конечно.

– Понимаю. Насколько мне известно, именно вы ведете дело об убийстве Эдика Малютина.

– Веду, – Васин равнодушно пожал плечами, как будто хотел сказать – «мало ли, что я веду».

– Видите ли, в чем дело... У меня нет детей, а Эдик был мне почти сыном. Вы понимаете, какие чувства я сейчас испытываю... Я не так давно знаю его, но тем не менее... Я сам привез его из Баку, когда там начались разборки из-за Нагорного Карабаха. Я встретил его случайно и сразу понял, что этого парня нужно спасать. Он был просто большим ребенком и сам не понимал, чего хотел. Он то угонял машины, то торговал марихуаной, то собирался записываться в наемники и идти воевать за кого угодно.

В гостинную вошла очень красивая женщина примерно одного с Васиним возраста. Она несла расписной поднос с бокалами, бутылками и коробкой сигар. Васин вновь почувствовал себя героем детектива в стиле Агаты Кристи.

Успенцев поспешно встал, ласково прикоснулся к женщине.

– Познакомьтесь, Саша, это моя жена Галина.

Васин встал, попытался что-то сказать, но Успенцев остановил его.

– Я должен вас предупредить, Саша. Моя жена ничего не слышит. Она глухая. Однако этот брак у меня самый счастливый, хотя уже и третий.

Он поцеловал жене руку, и та, улыбнувшись, вышла из комнаты.

– Выпьете что-нибудь?

Васин вздохнул. Он бы с удовольствием попил сейчас пивка или хотя бы шампанского – после вчерашнего это было бы очень кстати. Но не хотелось ронять честь мундира. Поэтому он ответил:

– Нет, спасибо. Я на работе.

– Как угодно. Может быть, кофе? Сейчас принесут. Итак, я говорил про нашего Эдика. Галина, кстати, тоже знала его. Я привез его из республики и сразу попытался поставить на ноги. Я давал ему деньги, сводил с нужными людьми, оказывал всевозможную помощь... При этом я не афишировал нашу дружбу. Чтоб у него не возникало комплексов «мальчика по проекции»...

«Вот она – тайная «крыша» Малютина», – запоздало догадался Васин.

– Не сразу у него все получалось, – продолжал Успенцев, – но худо-бедно он начал становиться человеком. Несколько недель назад он принес мне деньги, сказал, что хочет отдать долги. И знаете, я взял. Нет, не из корысти, а... Понимаете, это был как будто символ... Как сказать? Знак того, что человек вырос и уже может отдавать долги. Поверьте, я не потратил эти деньги, они и сейчас лежат в конверте. А вчера он должен был познакомить нас со своей

девушкой. Он нарочно не говорил ей, что мы с ним близко знакомы. Мы вернулись с похорон, и... Ужасно, ужасно...

Васин с нетерпением ждал, когда мэтр наконец приступит к делу. Тот отпил вина из бокала и продолжил.

– Саша, я хочу, чтобы люди, погубившие Эдика, были наказаны. И если что-то зависит от меня, я готов сделать все возможное.

– А почему же вы не делаете? Вы наверняка уже все знаете.

– Да, мне кое-что известно. Но далеко не все. И я не сторонник бандитских разборок, хотя иногда их не избежать. На этот раз все должно быть по закону, я так хочу. Саша, скажите, что нужно, чтобы довести расследование до конца? Я готов оказать вам помощь. Могу дать вам на время хороший автомобиль, могу закупить в Москве самые лучшие системы наблюдения и прослушивания, могу оплатить услуги осведомителей. Но только я должен быть уверен, что моя помощь пойдет по назначению. Скажите, какая помощь вам нужна?

Васин растерялся.

– Понимаете, я работаю по своему плану, и он не предусматривает никаких благотворительных вливаний. Помощь, конечно, нужна, но я не готов ответить сразу, какая. Я должен подумать.

– Хорошо. Уверен, вы уже знаете имя убийц Эдика. Теперь вам нужны доказательства, верно? Звоните мне в любое время, и сразу получите помощь. Ближайшие два дня я буду отдыхать здесь. Если не застанете – просто представьтесь, меня разыщут в течение получаса. Вот моя визитная карточка.

Васин взял карточку, хотя его раздирали противоречия. Многолетняя служба в уголовном розыске научила с подозрением относиться к неожиданным благодетелям. Но, что говорить, Успенцев сумел расположить к себе. К тому же, надо отдать должное, он ни разу не попытался выудить у Васина какую-нибудь информацию.

– Более того, я готов поощрить вас лично, – продолжал банкир. – Хочу, чтоб вы знали, что работаете не напрасно. Не спорьте, я в курсе, что милиция неохотно занимается делами такого рода. Вы считаете, что чем чаще бизнесмены стреляют друг в друга, тем чище становится город. Для вас это что-то вроде естественного отбора, так?

– Не так. Лично для меня вопрос в том, кто хозяин в городе – мы или они. И мне не нравится, когда они берут на себя право вершить суд и исполнять приговор. Поэтому не нужно оплачивать мою работу. Я привык жить на зарплату.

– Рад, что вы так думаете. Я тоже считаю, что это право должно принадлежать только законной власти.

Васин с сомнением покачал головой.

– Мне странно слышать это от вас. Насколько я понимаю, вы из тех людей, которые сами хотят быть второй, а то и первой властью.

– Вы преувеличиваете, – ответил Успенцев и оценивающе оглядел Васина с ног до головы. – Знаете, что... Никак не решусь у вас спросить одну вещь. Что заставляет вас заниматься этой работой? Чего ради вы убиваетесь, рискуете? Что вы с этого имеете?

– Немного, – усмехнулся Васин. – Одну звезду на погоне, одну комнату в коммуналке, одну язву на желудке. Один развод с женой.

Банкир покачал головой.

– Одну звезду, говорите? Вы молодо выглядите для майора.

– Я получил досрочное звание за... В общем, за «горячую точку».

– И все-таки, я не понимаю. Вы что – фанатик? Не сомневаюсь, это трудная работа, хотя и дармовая. Неужели вы не можете найти другую? Я, например, готов дать вам место в своей службе безопасности.

– Спасибо за доверие. Но быть барбосом на цепи – не для меня.

– Боже мой, а разве вы сейчас не на цепи?

– Возможно. Но я на своем месте. Я делаю то, что умею. У меня есть определенный авторитет, не только на работе, но и в преступном мире. Меня считают профессионалом, и я могу гордиться своим положением. И потом, это просто интересно. Мы все азартны, а в моей работе хватает места и для этого. Я всегда в поиске, всегда в напряжении – кто кого, у кого крепче нервы, воля – у меня или у той суки, которая украла, убила, изнасиловала. Разве это так плохо?

– Может, хорошо. Вы так романтично мне все расписали, но я знаю, как все обстоит на самом деле. Вы говорите, «азарт»... Это же не игра, это унылая, изнурительная... Нет, даже не работа, я не знаю, как это назвать. И в этой игре часто приходится придумывать правила, недостойные цивилизованного человека, разве не так?

– Иногда, – сказал Васин и встал, давая понять, что ему пора.

– Подождите, – сказал Успенцев. – Я, пожалуй, вас подвезу, мне тоже нужно в город.

Он вышел и вернулся через минуту, переодевшись в легкомысленные джинсы и футболку.

– Знаете что, Саша, – сказал он, садясь в темно-синий двухместный «Форд», – все же вы мне понравились. Я хочу сделать вам подарок.

– Не надо, я не люблю авансов, – сразу ответил Васин.

– Нет-нет, это не плата за усердие. Просто подарок человеку, который мне симпатичен. Возьмите...

Он протянул ламинированный картонный прямоугольник, похожий на визитную карточку.

– Это золотая карточка ночного клуба «Меркурий». Днем и вечером там неплохой ресторан. Я перестал туда ходить, потому что тамошняя публика несколько обмельчала.

– Вы считаете, мелкая публика – подходящая кампания для меня?

Успенцев рассмеялся, плавно выруливая на шоссе.

– Я не хотел вас обидеть, Саша. Уверен, вам понравится. По крайней мере, там не стреляют по лампочкам и не занимаются любовью на столиках, как в других заведениях. Можете ни в чем себе не отказывать, когда принесут счет – отдайте карточку официанту, я все оплачу. Если хотите, можете пойти с девушкой. Есть у вас девушка?

Васин пожал плечами. Девушки, конечно, были, но ему в голову не приходило, что кого-то из них можно повести в ресторан.

К тому же он не любил бесплатных удовольствий – за них приходилось расплачиваться позже. Васин не хотел быть должником и решительно положил карточку на панель.

– Нет. Спасибо, я не люблю ресторанов.

Успенцев покачал головой, но ничего не сказал.

Васин подумал, что будет нескромно вылезать из этой дорогой машины на виду у всего УВД, поэтому попросил высадить его за два квартала. Банкир даже вылез из-за руля, чтобы попрощаться.

– Ну, что ж, – сказал он, взяв руку Васина в свою, – сказать честно, не люблю я вашу организацию. И народ у вас там мутный работает, и людей на допросах бьете, и вообще... Но вот стоит передо мной майор Васин – умный, интеллигентный и даже, кажется, честный человек, которому я искренне желаю успеха и в работе, и в личной жизни.

Васин не захотел оставаться в долгу.

– Знаете, у меня та же история. Стоит передо мной уважаемый в городе человек, вежливый, образованный, щедрый. Хотя знаю, что в наше время богатство и честность рядом не живут. Догадываюсь и о том, что половина ваших помощников – бандиты. И как кредиты вы возвращаете, тоже известно. А все равно, приятно было с вами познакомиться.

В глазах Успенцева на мгновение блеснул лед. Но только на мгновение. Затем он улыбнулся и вложил Васину в руку карточку клуба «Меркурий».

– Это не взятка, не подкуп, просто подарок. Возьмите, сделайте мне приятное.

Он дружески обнял Васина, потом быстро отвернулся и сел в машину.

– Кстати, предложение насчет работы остается в силе.

– Спасибо, я подумаю, – пробормотал Васин, провожая «Форд» глазами.

Он постоял еще несколько секунд, раздумывая, затем повернулся, чтобы перейти улицу, но тут же застыл на месте.

На другой стороне стояла, глядя на него, Софья Курская. Это была не та Софья, которую он видел в квартире на площади Маркса. Перед Васиным стоял как будто другой, более удачный, вариант того же человека. Короткая юбка, просторная блузка, длинный серый плащ превратили костлявость в хрупкость. Красивое каре заставило изящную головку держаться гордо, и в то же время очень мило. Дорогая, но умеренная косметика сделала бледность аристократичной. Но самое главное – глаза. Какие-то неуловимые штрихи вдруг добавили в них ту каплю порочности, которая заставляет мужчин терять контроль над собой, забывая про дом, жену и работу. Они как будто звали к себе, несмотря на общий неприступный вид. Всего лишь капля порочности в гордом облике женщины-аристократки...

И вот теперь это умопомрачительное создание стояло напротив Васина и глядело на него с изумлением и явным интересом.

Васин быстро все понял. Она видела в нем уже не ту загнанную ищейку, прибежавшую к ней с ворохом бумажек для допроса. Мент, которого подвозит на своей машине сам Успенцев, – уже не просто мент. Это мент, к которому надо держаться поближе.

Васин, наконец, понял, с кем он пойдет сегодня в клуб «Меркурий».

Он небрежно сунул руку в карман, улыбнулся и направился прямо к Софье...

* * *

Вечером он заехал за девушкой на новеньком «Ниссан-Патроле». Машину ему выделил Успенцев, когда Васин сообщил, что нашел удачное применение для его золотой карточки.

Софья заигрывала, кокетничала, Васин с удовольствием поддерживал ее настроение, хотя не сомневался, что это просто актерская игра. Ему не составило труда уговорить ее прогуляться с ним в ресторан «Меркурий». А точнее, ему вообще не пришлось ее уговаривать. Она была готова на все. Установить с ней дружеские отношения удалось легко и непринужденно.

По дороге они болтали о погоде, о фильмах, автомобилях. Васин искал момент, чтобы невзначай перейти к интересующей его теме.

Клуб располагался в главном флигеле бывшего Дома культуры железнодорожников. Сквозь щели в шторах проскакивали вспышки цветомузыки, доносились вздохи бас-гитары.

– Сумочку можете оставить в гардеробе, – посоветовал Васину на входе квадратный парень – то ли швейцар, то ли вышибала.

– Нет-нет! – запротестовал Васин. – У меня там радиотелефон.

Заведение и в самом деле оказалось уютным. Васин провел Софью через пустой холл, и они окунулись в полумрак банкетного зала с кожаными диванами, резными деревянными панелями на стенах и сияющей стойкой бара.

Васин быстро оглядел публику и понял, что народ здесь собирается, действительно, мелковатый. По одежде, прическам, отдельным фразам было видно, что это в основном мелкие оптовики, шоферы, охранники, а также «кидалы», «бомбилы» и прочее жулье. Некоторые лица оказались знакомы Васину по картотеке.

Они вполне могли бы проводить досуг со своими вульгарными подругами в заведениях подешевле, но, видимо, здесь, на кожаных диванах по-особому чувствовали свою значимость.

Потом Васин начал замечать и другие признаки обмельчания. Слишком сильно пахло чем-то жареным из кухни. Слишком громко и пошло играла музыка – аккуратные мальчики из ансамбля печально пели о том, что «любовь – обман», надрывно завывая.

Васин усадил Софью за столик в центре зала и оглянулся в поисках официанта.

– Сейчас придет, – сказала девушка и помахала кому-то рукой. Потом еще кому-то. Васин понял: Малютин водил ее сюда неоднократно и познакомил с постоянными клиентами.

Не укрылось от его внимания и то, что «братва» осторожно косится в его сторону. Он взял из вазы яблоко и с независимым видом принялся грызть его. Софья улыбнулась. Васин признался себе, что гордиться обществом этой дамы перед «братками». Пожалуй, она была здесь самой красивой. Неизвестно, правда, какая у нее репутация...

– Ты часто сюда заходишь? – спросила Софья.

– Нет. Почти никогда.

– Я тебя раньше здесь не видела. А что у тебя за дела с Успенцевым?

– Первый раз вижу, чтобы хорошенькая девушка интересовалась делами двух скучных мужчин.

– А почему нет?

Она продолжала улыбаться, вертеть хвостом и всячески очаровывать Васина. Причем делала это так великолепно, что порой его сердечко начинало стучать в учащенном ритме. В другой ситуации он с удовольствием поддался бы, но не сейчас. Только не сейчас...

Это просто сделка, говорил он себе. Девочка предлагает свою благосклонность, а взамен хочет получить кусочек покровительства Успенцева – только и всего.

Несчастливая, она не знала, что Васин вовсе не тот, за кого она его принимает.

– А ты с ним знакома? – как бы невзначай спросил Васин.

– С Успенским? Надеюсь, ты познакомишься, – загадочно улыбнулась Софья.

Что и требовалось доказать. Вот все, что ей нужно.

Васин сунул руку в карман, включил диктофон и начал закидывать удочку.

– Ты с Эдиком часто здесь бывала?

– Да так... – нехотя ответила девушка. – Иногда.

– А куда вы еще ходили?

Софья пристально посмотрела на Васина, потом опустила глаза.

– Ты меня привел, чтобы про Эдика расспрашивать?

Разговор окончен, понял Васин. Видимо, это запретная тема. Ну, ничего. Он был готов к такой реакции. Теперь главное не переборщить...

Подождал официант. С небрежной вежливостью он положил на столик меню в зеленой папке и застыл рядом, распространяя вокруг запах мятной жевательной резинки.

Васин открыл меню и присвистнул.

– Ого! Ну и цены у вас тут!

– Цены ниже, чем в среднем по городу, – скороговоркой ответил официант, не удивляясь и не насмехаясь. Ему было все равно, что говорили клиенты, лишь бы платили по счету и не просили сдачу.

– Ну, вот что, – сказал Васин, захлопнув папку, – принеси-ка нам минералки. И стаканчики.

Официант записал в блокнот: «1.Минеральн.вод.»

– Что еще?

– Пока все.

На этот раз парень удивился.

– Все? – переспросил он.

– Да-да, пока все. Поскорее, пожалуйста.

Официант закатил глаза и пошел на кухню за заказом.

– Ты чего? – недоверчиво спросила Софья, не понимая, удивляться ей или улыбаться.

– Ничего. За такие деньги можно месяц прилично питаться. У меня тут с собой кое-что есть – сальце, огурчики...

Софья засмеялась, принимая это за шутку. Но Васин не шутил. Он достал из своей сумки кусок сала, завернутый в газету, несколько вареных картофелин, хлеб. Затем вытащил перочинный нож и начал невозмутимо нарезать ломтики.

Улыбка медленно сползла с лица девушки.

– Ты че, сдурел? – в ужасе зашептала она.

Васин не отвечал. Он нетерпеливо посмотрел, не идет ли официант, и снова полез в сумку. На свет показалась недопитая бутылка водки, заткнутая тряпчочкой.

– Пока дождешься... – проворчал он, вытряхивая из пластмассового стаканчика салфетки и наполняя его водкой.

– На, ты первая пей.

По залу быстро распространилось беспокойство. «Братки» озабоченно посматривали на их столик, не понимая – то ли это окончательный псих, то ли какой-то совсем «крутой», решивший почудить.

– Ты че делаешь? – прошептала побледневшая Софья.

– А че? Нормально сидим. Ты пьешь или нет?

Наконец подошел официант с графином минеральной воды. Он заметил разложенные по столу припасы и изумленно раскрыл рот. В глазах его читался один вопрос: кто пустил сюда этого кретина с картошкой?

– О, братан! – обрадовался Васин. – Давай водичку скорее, а то, видишь, даме запивать нечем. Стаканчики принес?

– Нет, – совсем ошалел официант, развернулся и пошел. Наверно, за стаканчиками.

– Я сейчас уйду, – проговорила Софья.

– А вот и нет, – Васин быстро поймал под столом ее руку и крепко сжал пальцами. Она попыталась вырваться, но потом смутилась. На нее смотрели со всех сторон.

– Ты уйдешь, как только ответишь на мой вопрос, – сказал Васин и широко улыбнулся.

– Да пошел ты!

Страсти вокруг накалялись. «Братки» уже, не скрываясь, рассматривали их и начинали посмеиваться. Васин поймал взгляд квадратного кучерявого детины с золотыми зубами и невинно спросил:

– Простите, вы салатик будете доедать? Если нет, передайте нам, мы доедим.

Детина переглянулся с товарищами, встал и принес тарелку с остатками салата.

– Кушайте на здоровье, – сказал он и захохотал.

– Что ты делаешь, козел! – простонала Софья. – Знакомые ведь смотрят. Пусти меня! Слышишь, пусти!

Она уже была на грани истерики. Васин понял, что пора останавливаться. Он чуть ослабил хватку.

– Говори.

– Что тебе нужно?

– Отвечай, почему ты ушла из машины Малютина в тот вечер? Ты знала, что его убьют?

– Ничего я не знала! Меня Родион Терентьевич вызвал.

– Какой еще Родион? Как вызвал?

– По пейджеру. Передал, что б я срочно к нему ехала.

– Кто это? Откуда ты его знаешь?

Воля девушки была сломлена. Она готова была рассказать все, лишь бы ее выпустили из этого кошмара. Но ей мешала публика, хохотавшая вокруг и показывавшая на них пальцами.

Васин поднял ее и вывел в холл, где никого не было.

– Продолжай. Кто такой Родион Терентьевич? Откуда ты его знаешь?

– Ниоткуда. Он сам к нам с Эдиком в ресторане подсел.

Софья была похожа на куклу. Она уже не вырывалась, только чуть дрожала.

– И что дальше?

– Ничего. Он иногда ко мне заходил, приносил цветы. Между прочим, очень вежливый и культурный.

– Так, дальше. Зачем он тебя вызвал?

– Не знаю. Просто так. Эдик меня подвезти хотел, но он пьяный был, а ехать надо было через весь город. Я на такси доехала. Потом мы с Родионом Терентьевичем немножко посидели и он меня отвез домой.

– И все? Значит, он знал, что Малютина убьют?

Софья широко открыла глаза.

– Почему? Ты что говоришь?!

– Ладно, пошутил. Как его фамилия, где он живет?

– Не знаю фамилию. Живет... А зачем, – она вдруг испугалась.

– Отвечай.

Она поспешно полезла в сумку, вытащила записную книжку, зашелестела страницами. Васин впился глазами в нужное место, запоминая адрес. Вдруг его кольнула неожиданная мысль.

Он выхватил альбом, открыл его на том месте, где женщина и ее пузатый спутник грелись на ялтинском пляже.

– Это он?

– Он, – удивленно проговорила Софья. – А откуда?..

– Кто эта женщина рядом? Ты ее знаешь? Это твоя мать?

– Нет, я ее не знаю.

– Ясно. Все, ты свободна. Пошли.

Они спустились по лестнице, но внизу наперерез Васину вдруг бросился швейцар-вышибала.

– Стоять! – крикнул Васин, хватаясь за кобуру, – Я из милиции.

– Не волнует! – бесстрашно ответил вышибала. – За минералку заплати.

– Ах, да... – смутился Васин, заметив краем глаза официанта. – Вот, возьми.

Перед тем, как выйти на улицу, он успел увидеть, как у официанта и вышибалы полезли на лоб глаза при виде золотой карточки клуба «Меркурий».

Как было договорено, в джипе сидел человек Успенцева – тот самый парень, что подвозил Васина сегодня утром. Пред тем, как посадить к нему Софью, Васин шепнул ему:

– Отвези ее домой и постарайся добираться не меньше чем полчаса. Заблудись или сломайся по дороге – как хочешь. Проследи, чтоб за это время она никуда не звонила.

– Понял, – водитель искоса посмотрел на плачущую Софью и повернул ключ зажигания.

Васин остался один на мокром асфальте, отражающем пестрые рекламные огни клуба «Меркурий». Теперь главное – не терять времени.

Он нашел телефон-автомат, набрал номер начальника.

– Михалыч, у меня срочное дело. Направь людей по адресу... – Он продиктовал прочитанное в блокноте девушки. – Там должен быть один человек, он наверняка без документов. Или с фальшивыми. Его нужно кровь из носу задержать до выяснения личности...

– Так быстро не получится, – ответил Михалыч. – Во-первых, это на другом конце города, а во-вторых, у меня сейчас ни одной свободной машины. Что ты там опять придумал?

– Михалыч, срочно нужно! – умолял Васин. – Передай через дежурку, пусть направят туда ближайший патруль или участкового – как угодно. Иначе его предупредят.

– Ладно, ладно, – успокоил его начальник, – сделаем. Ты сам-то где?

– Я выезжаю туда своим ходом. Пусть меня дождутся.

Васин бросил трубку, перевел дыхание. Кажется, сегодня есть шанс увидеть живого пришельца из будущего. И не только увидеть, но и потрогать, поговорить и даже дать в морду при желании. Но только если ничего не сорвется, если этот человек окажется дома, если у него нет при себе переноски, если патрульные не зазеваются и не дадут ему уйти. Слишком много «если»...

Васин подхватил свою сумку и побежал догонять троллейбус, однако опоздал. Троллейбус уехал, а Васин остался стоять на остановке, нервно переступая с ноги на ногу и слишком часто поглядывая на часы.

Ждать пришлось нестерпимо долго. Нужный номер никак не приезжал, зато косяком шли другие: двенадцатый, потом восьмой, потом – один за другим сразу два двенадцатых. Васин был весь на нервах. Казалось, он уже полночи торчит на проклятой остановке. Хотя на самом деле – не больше двадцати минут.

Наконец появился долгожданный шестой. Васин сел на свободное сиденье и заставил себя быть терпеливым – ехать предстояло не меньше получаса. Если, конечно, не стать над водителем с пистолетом и не потребовать гнать без остановок.

Впрочем, троллейбус и без того ехал быстро. На вечерних улицах попадалось все меньше машин, и ничто не мешало водителю реализовать национальное пристрастие к быстрой езде.

Грязные окна, заплеванные дождем и жижей из-под колес, позволяли видеть лишь светящиеся очертания кварталов. Сначала огней было много – центр города. Потом огни стали меркнуть и редеть, дорога проходила через жилые районы. В промышленной зоне света стало совсем мало, и вдруг впереди разгорелось электрическое зарево нового пригородного микрорайона. Того самого, в который и направлялся Васин. Два раза троллейбус обгоняли милицеевские машины с включенными сиренами.

Он выскочил на остановке и, подняв воротник куртки, чтобы не затекал дождь, и отправился на поиски. Район был распланирован прямолинейно и незатейливо, поэтому без труда удалось найти нужный дом.

И тут у Васина екнуло сердце. Двор озарялся сиянием милицеевских мигалок. Он побежал к подъезду и скоро завяз в толпе зевак, на почтительном расстоянии окруживших подъезд. Внутри живого кольца стояло несколько машин, автобус, прогуливались, покуривая, бойцы отряда быстрого реагирования.

Васин стер с лица дождевую воду и рванулся через толпу. Дорогу ему преградили двое в пятнистой форме с нашивками ОМОНа.

– Я по делу, ребята! – поспешно сообщил Васин, доставая удостоверение. – Что происходит, где начальство?

Омоновец указал антенной рации на автобус.

– Там все старшие.

В автобусе было накурено, зато светло и сухо. Здесь собрался импровизированный штаб, руководил которым полковник Щеглов – начальник криминальной милиции города. Были и другие знакомые лица.

– Наконец-то, явился, – сказал Щеглов. – Где тебя носило?

– У меня персональной «Волги» нет, – ответил Васин. Впрочем, никто не обратил внимание на его хамоватый тон. – Что происходит?

– Сам не видишь?

– Нет.

– Лучше ты нам расскажи, что там за черт засел и чего от него ожидать?

– Я знаю только, что зовут его Родион Терентьевич.

– А я другое знаю! – заорал Щеглов. – Когда патрульные постучались и представились, он без разговоров начал стрелять прямо через дверь и одного парня ранил!

– Ранил?! – опешил Васин.

– Да, ранил! Какого черта ты не предупредил, что он может быть вооружен?

– Я не знал! Я вообще ничего не знал.

– Должен знать! Ты все должен знать, ты опер, а не хрен собачий!

Васина ничуть не смутил тон Щеглова. Было ясно, что полковник просто срывает злость. И причина этой злости не в недостатках работы Васина, а в самой ситуации.

– Ладно, садись, – сказал Щеглов. – У тебя есть, что сказать по делу?

– Сначала хотелось бы узнать, что происходит.

– Твой клиент заперся в квартире на седьмом этаже с какой-то девкой и обещает ее грохнуть, если мы не уберемся. В переговоры не вступает, на все предложения отвечает стрельбой.

– С девкой? – переспросил Васин. Он сразу подумал про Софью. Хотя она вряд ли могла успеть... – А чего он вообще хочет?

– Ничего он не хочет! Похоже, у него психоз, все время орет: уходите, а то убью ее. Боюсь, он может. Как сам думаешь?

– Я ничего про него не знаю, – сказал Васин. – Собирался узнать сегодня, но...

– Но хоть что-то ты должен знать? От кого ты получил информацию, кто может на него повлиять?

– Я узнал про него от подруги убитого Малютина. Он, похоже, знал, что на Малютина заказан киллер и в тот вечер успел предупредить девушку. Я узнал это буквально час назад.

– И где сейчас эта девушка?

– Не исключено, что там, – Васин кивнул на подъезд.

– А как это точно проверить?

– Можно послать людей к ней домой, у меня есть адрес.

– Подожди, я свяжусь со снайперами, – Щеглов взял радиостанцию. – Глаз-один, Глаз-два, доложите обстановку.

Васин понял – Щеглов хочет, чтобы он опознал заложницу из снайперского укрытия через бинокль или прицел.

– Я Глаз-один, – раздалось из рации несколько секунд спустя, – на окнах шторы, объект и заложник не просматриваются. Видны только силуэты.

– Какая разница, кто там в заложниках? – сказал Васин. – Его никто сейчас не убедит. Сами говорите, психоз. И еще – не пытайтесь установить его личность, он по нашим данным не проходит. Он издалека.

– Откуда?

– Не знаю.

– Сдается мне, темнишь ты, Васин. Что ты еще про него знаешь.

– Его необходимо взять живым.

– Как ты себе это представляешь? – вмешался в разговор Славин – командир СОБРа.

– Не знаю... Есть же какие-то усыпляющие газы, или еще что-то...

– Есть. Но не у нас.

– Переговорщики идут, – сказал кто-то, выглянув в окно.

В автобус залезли трое – майор и два подполковника. Васин узнал их – один был психологом из отдела воспитательной работы, остальные работники штаба.

– Бесполезно, – объявил майор, стряхивая воду с фуражки. – Раньше хоть стрелял, теперь вообще молчит. Может, патроны кончились?

– Соседей вывели? – спросил Щеглов.

– Да, убрали помаленьку. Не хотели уходить...

– Что соседи говорят?

– Говорят, живет там какой-то мужик, водку носит потихоньку, девок водит. Никто с ним не разговаривал, он мутный какой-то. Полгода уже здесь.

– А на кого оформлена квартира? – спросил Васин.
– Уже пробовали, – махнул рукой Щеглов. – Хозяина установили, но искать его бесполезно. Он в отъезде.

– Хозяин – Глинский?

– Нет, какой-то... Не помню фамилию. Тебе это очень важно?

– Не очень.

– Ладно... – Щеглов задумался, прикусив губу. – Черт! Если бы не эти шторы – сняли бы его снайпером и делу конец. Ну, что... Придется штурмовать.

– Мы готовы, – не задумываясь ответил командир СОБРа.

Васин внутренне содрогнулся. Он понимал, что если «объект» начнет отстреливаться, его просто убьют. И правильно сделают, потому что жизнь любого из бойцов штурмовой группы и заложницы дороже, чем жизнь полусумасшедшего бандита.

С другой стороны, Васин страстно желал, чтобы Родиона Терентьевича оставили живым. Как бы ему хотелось поговорить с ним, полистать вместе фотоальбом, дать послушать запись последнего разговора с Софьей. Как много тайн мог бы раскрыть этот человек!

Щеглов уже раздавал команды начальникам групп оцепления, блокирования, связи, конвоирования, сидевшим здесь же в автобусе и ждавшим своего часа.

Славин выслушал свою долю указаний и вышел на улицу. Васин скользнул за ним.

– Слушай... – сказал он. – Умоляю, постарайся без пальбы. Если можно, не стреляйте. Он мне очень нужен. Без него никак.

– Саша, – спокойно сказал Славин, – я никогда не стреляю без необходимости. Но если он начнет палить по моим ребятам – я его жалеть не буду. Пойми меня правильно.

– Понимаю. Но все равно, постарайся аккуратно.

ОМОН получил команду и теперь увеличивал кольцо оцепления, отгоняя зевак подальше. Васин заметил, что полицейских машин стало больше, каждую минуту подъезжали новые. Неподалеку стоял и автомобиль Михалыча, но Васин решил не подходить.

СОБР уже готовился к штурму. Бойцы застегивали бронежилеты, приклеивали пластырем к ушам миниатюрные динамики радиостанций, вытаскивали и разматывали альпинистское снаряжение.

Штурмовать было решено с трех точек. Основная группа во главе со Славиным должна была взорвать дверь, еще четверо бойцов собирались одновременно проникнуть в квартиру через окна, прыгнув с крыши на веревках.

После очередного доклада о готовности поступил приказ начать операцию. Славин повел своих бойцов в подъезд. Васин, не колеблясь, шмыгнул за ним.

– Только не путайся под ногами, – предупредил командир.

На шестом этаже группа остановилась, дальше пошел один сапер. Прислушавшись к шумам за продырявленной дверью, он начал осторожно набивать в щель пластиковую взрывчатку, прикреплять детонатор.

– Ноль-третий готов, – прошептал он в прицепленный к воротнику микрофон, когда приготовления были закончены.

В эфире воцарилась тишина, предшествующая команде «штурм». У каждого было несколько секунд, чтобы подготовиться и последний раз все проверить.

– Спустись-ка вниз от греха подальше, – тихо сказал Васину командир. – Сейчас рванет, мало ли что...

Васин не стал спорить и присоединился к компании двух врачей. Они должны были войти в квартиру сразу за штурмовой группой и оказать помощь пострадавшим, если таковые будут. Сейчас они тихо переговаривались и с тревогой поглядывали наверх.

– Штурм!!!

Взрывчатка грохнула так, что затряслись стены, а один из врачей уронил свой чемоданчик. Лестничный пролет окутался клубами цементной и известковой пыли, что-то затрещало и сломалось, затем раздался топот, крики, мат, женский визг. И тут же весь этот шум перекрыли три громких звука.

БАХ! БАХ! БАХ!

– Не стреляйте! – процедил Васин и бросился наверх.

На зубах сразу закричала пыль. Вход в квартиру выделялся темным рваным провалом. Васин влетел внутрь и убедился, что все уже кончено.

Ветер шевелил в разбитых окнах занавески, пахло порохом. У стены сидел совершенно бледный Славин, двое бойцов стаскивали с него бронежилет. На диване сжалась испачканная потекшей косметикой, зареванная девица. Не Софья. В центре комнаты под дулами двух автоматов лежал вниз лицом толстый человек в окровавленном спортивном костюме. Рядом валялся пистолет.

– Убит? – спросил Васин.

Ему никто не ответил. В комнату как-то робко пробрались врачи. Один подошел к окровавленному человеку, другой занялся Славиним. Сзади, на лестнице уже грохотали ботинки приближающегося начальства.

Девица тихо пискнула, затем зарыдала в полный голос. Славин отстранил врача и тяжело встал, держась за грудь.

– Живой пока, – сказал врач, склонившийся над пострадавшим. – Носилки нужны.

Комната заполнялась людьми, блеском звезд на погонах, шорохом радиостанций. Эксперт и следователь прокуратуры тщетно упрашивали всех выйти. Бронежилет Славина пошел по рукам. Все внимательно разглядывали его, хмыкали, удивленно поднимали брови, пытались выковырнуть две пистолетные пули, застрявшие в пластинах.

Когда раненого перекладывали на носилки, Васин посмотрел ему в лицо. Это был, конечно, он – человек с фотографии. Родион Терентьевич, обитатель третьего тысячелетия.

Эксперт и следователь прокуратуры продолжали делать попытки очистить квартиру, но никто не уходил, наоборот, людей становилось все больше. Всем хотелось посмотреть.

Васин увидел и Михалыча, но не стал к нему подходить, а только кивнул. Он растолкал людей и бросился за врачами, уносившими раненого.

– Что с ним? – спросил он на ходу. – Он будет жить?

– Посмотрим, – хмуро ответил врач.

– Я с вами поеду.

– Он ваш родственник?

– Нет, он подозреваемый. Я должен с ним поговорить.

– Тогда незачем вам ехать. У него прострелено легкое. Даже если выживет, вам не разрешат с ним говорить раньше, чем через двое-трое суток.

– А если разрешат?

– Не знаю, – пожал плечами врач. – Звоните в реанимацию.

Васин проследил, как Родиона Терентьевича погрузили в «скорую» и машина отъехала. Он уже знал, что сегодня ночью спать не придется.

* * *

Гора окурков в пепельнице медленно увеличивалась. От слишком частого курения уже болели легкие, но Васин не мог придумать себе другого занятия. Не спасали ни газеты, ни компьютерные игры. Васин посчитал, что за эти два часа он уже шесть раз позвонил в реанимацию и всякий раз ему отвечали, что пациент без сознания. А последний раз сказали – хватит звонить, мы сами сообщим, если что-то изменится.

В здании УВД витала тоскливая пустота. Только гудели неоновые лампы и капала вода в туалете. Половина третьего ночи...

Васин покосился на телефон и полез за новой сигаретой. Сделав две затяжки, он со злобью раздавил окурок в пепельнице – от курения уже стало тошно.

Васин взял газету, но тут же отложил ее, даже не взглянув на заголовки. Глаза слипались, тело ныло от усталости, но уснуть сейчас он не смог бы. Слишком уж нервничал.

Он положил голову на руки. Может, позвонить еще раз?

В коридоре послышались шаги, дверь открылась, и Васин с удивлением обнаружил, что пришел Иван.

– Я в курсе, – сразу объявил он.

– Я думал, ты уже спишь.

– Нет, я только что с поезда.

– А чего домой не поехал?

– Подумал, что тебе тут скучно, и решил составить кампанию.

– Мило с твоей стороны. Куда ездил-то?

– В Тулу.

– Ну и как там?

– Нормально. На вокзале для сотрудников милиции туалет бесплатный. Очень трогательно. У тебя сигареты есть?

Васин подвинул к нему пачку и снова взялся за телефон.

– Реанимация.

– Извините, это снова из милиции. Как там?..

– Нет, еще без сознания. Мы вам позвоним...

– Спасибо, извините.

Он повесил трубку.

– Гляди, какую игрушку себе купил, – сказал Иван и бросил Васину ключи.

На кольце висел брелок – крошечный дуэльный пистолет, выполненный из бронзы с мельчайшими подробностями. Вещь смотрелась, как очень дорогая.

Васин покрутил брелок в руках, отложил в сторону.

– Когда же они его откачают? – вздохнул он.

– А что ты так торопишься? – спросил Иван. – Пошел бы, поспал, а утром поехал.

– Да какой теперь сон... Этот человек знал, что Малютин будет убит. Представляешь, в какой заднице мы окажемся, если он умрет?

– А что он за человек-то?

– Очень сложный человек.

Они помолчали несколько минут.

– Слышь, Иван, – тихо позвал Васин. – А что б ты делал, если бы узнал, что убийство совершил человек из будущего?

– В каком смысле?

– В прямом. Прилетел на машине времени человек из будущего и убил Малютина из какого-то ужасного оружия.

– Ты что, охренел? – сказал Иван и зевнул. – Такого не бывает. Все на самом деле очень скучно. Я и сам не знал, что все так скучно на этой работе.

– А ты что хотел?

– Не знаю... Думал, поживее как-то будет. Спрашивается, чего ради я спортом занимался, приемы учил, места на соревнованиях занимал? Кому это здесь нужно?

– Никому. Разве что изредка.

– То-то и оно. А вообще, чудно у вас тут, до сих пор не могу привыкнуть. По званиям никто друг друга не называет, лейтенанты с подполковниками пьют, форму кто хочет, тот и носит. В армии построже.

– Может быть...

Иван снова зевнул.

– О-ох... Чем же заняться-то?

– Почитай.

– Да ну... У вас в компьютере игрушки есть?

– Есть. Включить?

– Давай.

Иван уселся перед монитором, а Васин снова положил голову на руки и прикрыл веки. Перед глазами плавали причудливые цветные пятна, но их невозможно было рассмотреть: как только Васин начинал вглядываться, пятно сразу же уходило из поля зрения.

Несколько раз ему снилось, как звонит телефон. Он приподнимал голову, но видел все тот же спокойный кабинет, Гирина перед компьютером, слышал убаюкивающий шелест клавиатуры... и снова проваливался в сон.

Теперь Васин лежал кверху пузом на соломенном плоту, над ним нависали пушистые сосновые лапы, ветви ив касались лица. Вода мягко журчала, унося его в прекрасные неведомые места, и он готов был вечно наслаждаться этим плавным движением в никуда, но где-то звонил телефон, кто-то толкал в бок, говорил, просыпайся...

Васин вскочил. Иван протягивал ему трубку.

– На, из больницы звонят.

– Что?! – Он судорожно прижал трубку к уху, как оказалось, не тем концом. Перевернул. – Что? Я слушаю!

– Пациент пришел в сознание, – сообщил ему дежурный врач. – Но положение нестабильно, поэтому торопитесь. Учтите, долго разговаривать с ним я вам не позволю.

– Едем!

Васин выскочил из коридора, потащив за собой Ивана, забежал в дежурную часть:

– Ребята, дайте машину до горбольницы. Позарез нужно!

Ехали на максимальной скорости. Водитель по требованию Васина включил сирену и гнал, не глядя на светофоры. Город только просыпался и с изумлением глядел на мчащийся по пустынным улицам ревущий милицейский автомобиль.

Возле больницы шофер выключил звук, чтобы не беспокоить пациентов.

Васин выскочил из кабины и, поторапливая Ивана, побежал по лестнице, не дожидаясь лифта. Дежурный врач встретил их на площадке и повел по коридору.

– У него перебиты крупные кровеносные сосуды в легком, – объяснял он по дороге. – Мы всю ночь делали ему прямое переливание крови, к счастью, нашлись доноры. Давление было катастрофически низкое, но сейчас, кажется, дело пошло на поправку, у него очень живучий организм. Вам, можно сказать, повезло, обычно положение не стабилизируется так быстро.

Они вошли в палату, где стояли три кровати, окруженные аппаратурой. Две из них были свободны. Возле третьей сидела молодая сестра – высокая и угловатая.

– Можете сказать спасибо Зинаиде Андреевне, – продолжал врач, – она всю ночь не отходила от него, следила за давлением.

Васин медленно подошел к кровати, сел рядом, достал диктофон.

– Здравствуйте, Родион Терентьевич. Мы из милиции.

Он открыл глаза и очень тихо прохрипел:

– Вы уже здесь?

У него изо рта выходила прозрачная трубка, она мешала ему говорить, и он шевелил губами, чтобы избавиться от нее.

- Что вы знаете? – спросил он.
- Почти все, – ответил Васин.
- Я так и думал. Что вам от меня нужно?
- Назовите фамилию, имя, год рождения, место жительства, – Васин молился, чтобы в этот момент в диктофоне не сели батарейки.
- Родион Коржиков, сорок семь лет, жил в Москве.
- Год рождения, – напомнил Васин.
- Вы и это знаете... Ну, хорошо. Год рождения – две тысячи сто пятьдесят первый.
- Иван тихо хмыкнул.
- Ваши взаимоотношения с Петром Глинским?
- Петр Николаевич давал мне работу.
- Какую?
- Вы же все знаете! Да и не хочу я его впутывать – он единственный человек, который меня здесь понял и принял. Вы – дикие...
- Отвечайте.
- Хорошо. Я расскажу вам все. Не думал, что придется исповедываться именно вам, но что поделать... Боюсь, не смогу быть кратким...
- Ничего, мы внимательно вас слушаем, – успокоил его Васин.
- Там, где я жил, мне уже нет места. Я потерял все. У меня был хороший пост в Институте магнетизма, я имел все, о чем можно мечтать в жизни. Но оказалось, не все. Я встретил женщину. Ту женщину, которую ждал всю жизнь. Это было нечто такое, что затмило все прежние радости. Она... Не знаю, вы, наверно, не сможете понять...
- Эта? – Васин раскрыл альбом.
- Коржиков скосил глаза.
- Откуда он у вас? Я думал, что потерял альбом.
- Вы забыли его в пиджаке на даче Глинского.
- Да... Может быть. Одним словом, в моей жизни произошло самое ужасное и самое счастливое потрясение. Не считайте меня сентиментальным дураком, вы все поймете сами. Я мог умереть ради этой женщины, я делал для нее все самое лучшее, я хотел подарить ей весь мир. И вдруг понял, что мои возможности на самом деле не так уж велики. Мне пришлось влезть в долги, продать дом, самолет... Мне ничего не было жаль, она с такой легкостью принимала мои жертвы, что я чувствовал лишь счастливую истому. Но, к несчастью, мир жил не по моим законам. Когда исчерпались все мои возможности, я подумал: ничего страшного, если я переведу некоторую сумму с одного счета на другой. Ведь я делал это не ради корысти, а ради любви. Странно, но моя совесть оставалась чистой. Я делал так несколько раз, а потом меня поймали за руку. Это было ужасно...
- Вы хотите сказать, что воровали эти деньги?
- Не говорите таких слов, прошу вас. Я в тот момент смотрел на все иначе. Но это было страшным унижением. Влиятельные друзья могли спасти меня от тюрьмы, но куда деться от позора? У меня был один запасной путь – полуразобранная установка, стоящая в подвале института. С ее помощью я смог исчезнуть, убежать от всех...
- Вы имеете в виду... – начал было Васин.
- Да. Я имею в виду аппарат для перемещения во времени.
- Иван снова хмыкнул, а сестра с тревогой посмотрела на Коржикова.
- Это тоже было преступлением – пользоваться установкой строго запрещено, но мне нечего было терять. Я восстановил ее, привел в действие. Это было несложно, ведь все зависит лишь от числа витков и частоты тока... И вот я здесь. Очень трудно было прижиться, вы совсем другие. Я понял одно: достойно здесь живут только преступники. А я как раз и был им.
- Сестра подошла к Васину и тихо сказала:

- Мне кажется, пора остановиться. Похоже, у него невроз. Я позову врача.
- Ни в коем случае! – ответил Васин. – Он говорит именно то, что нужно.
- Я должна позвать врача, – настойчиво повторила сестра и вышла.
- Что случилось? – забеспокоился Коржиков.
- Ничего. Продолжайте.
- Да, конечно. Первые недели я жил здесь, как бродяга. Потом начал знакомиться с разными людьми. Нашел и тех, что мне были нужны. Я говорил, что у меня есть нечто такое, что может сделать их по-настоящему сильными. Я ведь и сейчас могу пользоваться установкой.
- С помощью переноски? – уточник Васин.
- Вы действительно много знаете, – проговорил Коржиков. – Пусть так. Меня понял только Петр Николаевич Глинский. Но и он использовал мои возможности крайне примитивно. Хотя я подозреваю, что он делал что-то за моей спиной. При мне же он только думал, как извлечь максимальную выгоду. Заставлял меня убивать людей...
- Вы убили двоих?
- Нет, это не я! Я лишь находил исполнителя, он делал свое дело и исчезал... там.
- Где «там»?
- Вы же сами понимаете.
- Я просто хотел убедиться.
- Да, я подтверждаю. И не пытайтесь найти настоящего убийцу, он вам не по зубам. Он очень надежно спрятан.
- Васин достал фоторобот.
- Это он?
- Да, – сказал Коржиков, присмотревшись. – Глаза очень похожи.
- Появился врач. Он жестом попросил Васина помолчать и склонился над Коржиковым.
- Вы нормально себя чувствуете?
- Не очень.
- Тогда давайте прекратим.
- Не беспокойтесь обо мне, доктор. Я все равно скоро умру. Но я должен рассказать им все. Прошу вас, дайте нам закончить разговор.
- Ну... Еще несколько минут... – с сомнением проговорил врач. – Если вам станет хуже – немедленно дайте знать.
- Он ушел. Коржиков помолчал, собираясь с силами, потом продолжил.
- Я должен сказать самое важное. Установка... Она работает. Ее нужно остановить. Но она там. Наверняка вас будут искать люди оттуда... Скажите им – территория Института магнетизма, сорок второй сектор, подвал, восьмой бокс...
- Ему становилось все труднее говорить.
- Возможно, вы и сами попадете туда, хотя вряд ли... Запомните, как добираться...
- Скажите адрес, мы доберемся.
- Ни черта вы не доберетесь. Это вам не современная Москва. Запоминайте: от станции «Метро-центральная» четыре остановки по Второй Арбатской линии. Выходите из вагона налево и сразу поворачиваете во второй или четвертый сектор. Оттуда спускаетесь на «Нижне-Измайловскую» и едете на дополнительном поезде до станции «Спортивная-кольцевая». Поднимаетесь на наземную линию...
- Васин украдкой посмотрел на Ивана. Тот выглядел растерянным и нервно крутил в руках ключи с крошечным бронзовым пистолетом.
- Вы запомнили? – спросил Коржиков.
- Да, – ответил Васин, убедившись, что диктофон исправно работает и фиксирует каждое слово.

– По этому адресу находится магазин подержанных термодиванов. Не обращайтесь внимания, это просто прикрытие. Продавец – офицер секретного департамента. Скажите ему мою фамилию, и далее с вами поговорят компетентные люди. Объясните, что установку необходимо отключить.

Он перевел дыхание. Казалось, ему стало легче, голос начал звучать ровнее.

– Что вы собираетесь делать дальше?

– Видимо, закрывать дело, – ответил Васин. – Вы же сами сказали, что нам оно не по зубам. Лично я не хочу раздражать начальство разговорами о машинах времени.

– То есть вы хотите сказать, что, кроме вас, никто ничего не знает?

– Может быть...

– В одном вы правы. Убийцу вам не достать. Глинский держал меня для того, чтобы я мог организовать идеальное убийство. Такое, которое невозможно раскрыть.

– У меня есть еще один вопрос, Родион Терентьевич. Какое отношение имеет к вам Софья Курская?

– Вы и это знаете... Софья – прапрабабушка той женщины, о которой я вам говорил. Я специально искал ее и именно поэтому поселился в вашем городе. Я хотел быть ближе к ней, раз уж мне не судьба больше быть рядом с любимой женщиной. Вы заметили, как они похожи? Это поразительно. Я боготворю Софью, я переношу на эту девушку все свои лучшие чувства. И вдруг я узнаю, что она будет замешана в том же деле, что и я. В грязном деле об убийстве. Я хотел обезопасить ее, оградить от всего плохого, поэтому и предупредил. Трагическая случайность в том, что Глинскому понадобилось убивать именно того человека, с которым была близка Софья. Я предупредил ее. Видимо, на этом я и погорел. Верно?

– Почти. Скажите, Родион Терентьевич, зачем вы стреляли в милицию? Вы же сделали только хуже себе.

– Не знаю, – чуть помедлив ответил Коржиков. – Я запутался. Я так и не прижился здесь, мне плохо. Я много пью, у меня пропали все прежние желания. Я конченный человек. Я начал стрелять потому, что... Может это один из способов самоубийства.

Медсестра встала, решительно подошла к Васину.

– Достаточно, – сказала она. – Вы и так уже долго говорили. Приходите, если нужно, завтра, а сегодня он еще в тяжелом состоянии.

Гирич вдруг хлопнул Васина по плечу.

– Смотри!

Васин взглянул вверх и увидел, что пластиковый корпус кардиографа морщится и сминается, как пластилин на горячей плите, а стенка позади него чернеет и потрескивает. В следующую секунду раздался тихий хлопок, и прибор разлетелся вдребезги, загремело разбитое оконное стекло.

– На пол! – заорал Гирич и первым сбил с ног медсестру.

– Это он! – прохрипел Коржиков, пытаясь подняться, – Это он!

И вдруг раздался новый хлопок, и кровать, на которой он лежал, превратилась в клубок огня и дыма. Коржиков даже не успел крикнуть.

Гирич подскочил к окну и осторожно выглянул.

– Стреляет с крыши! – сообщил он. – Вон с того дома.

Он опустил на корточки и перебрался к двери.

– Помогите людям и догоняй, – сказал он Васину. – Я постараюсь его перехватить.

Комната моментально наполнилась дымом и запахом паленой пластмассы. Медсестра, похоже, находилась в обмороке. Васин взял ее на руки, выбежал в коридор и положил там на пол.

Он быстро вернулся в комнату и убедился, что Коржикову уже не помочь. Несчастный превратился в скрюченную почерневшую куклу. Больше здесь никого не было. Васин схва-

тил свою сумку, затем нашел красную коробочку пожарной сигнализации и ударил по кнопке. Взыла сирена.

Васин побежал по коридору догонять Гирина. Навстречу ему уже неслись врач и двое пациентов в пижамах, один тащил огнетушитель.

Дом с плоской крышей был совсем рядом – буквально через двор. Васин увидел два подъезда. В какой бежать, чтобы взять убийцу в клещи?

– Вы за кем-то гонитесь? – спросила Васина белокурая девочка со школьной сумкой. – Сейчас какой-то дядя вон туда побежал.

И она указала на левый подъезд. Значит, нужно брать на себя правый. Васин взлетел по лестнице, ударом открыл люк и выбрался на мокрый рубероид крыши.

Крыша была пуста. Васин достал пистолет и медленно прошел по ней, заглядывая за все вентиляционные стойки. Уже на противоположном краю он наткнулся на две переноски. Одна лежала на рубероиде, другая висела в воздухе прямо над ней. Между ними клубился загадочный желтый свет.

Васин испуганно отпрянул и вдруг заметил, что у его ног валяется нечто очень знакомое. Он нагнулся.

Это была связка ключей, а на ней – крошечный бронзовый брелок-пистолет.

– Господи... – прошептал Васин. – Господи, Иван!

Он закрыл глаза и шагнул в столб желтого света.

* * *

Первая мысль была трусливой.

«Может, не работает?» – где-то в глубине души еще теплилась жалкая надежда. Но тут Васин почувствовал, как кожа покрывается мурашками. Его передернуло.

Было страшно открыть глаза, казалось, что тогда и они покроются мурашками. Ему захотелось немедленно шагнуть назад, но вдруг что-то ударило по голове. Не сильно, но предмет был тяжелым, и от неожиданности Васин упал, рефлекторно закрыв голову руками.

Нового удара не последовало. По телу разливалось приятное тепло. Васин решился наконец приподняться и открыть глаза.

Он сидел совершенно один на краю зеленой поляны, залитой солнечным светом. Щебетали птицы. Воздух был живой, свежий, как будто в радиусе ста километров не было ни городов, ни заводов, а только трава и лес...

«Сработало...» – с досадой подумал Васин.

Рядом валялись два диска с рукоятками. Васин догадался, что получил по голове одним из них, когда переноска перестала действовать. Путь назад был отрезан.

Мысли наконец вернулись к самому главному – где Иван?

Васин вскочил и посмотрел по сторонам. На поляне было пусто и тихо. Ни шума голосов, ни треска ветвей под ногами, ни следов борьбы или бегства.

Васин начал постепенно осознать, в какую дрянную историю он попал.

«Какого черта я сломя голову бросился в эту переноску! – подумал он, негодуя на самого себя. – Наверняка Иван остался там, на крыше, вместе с «цыганом»! Нужно было просто получше их поискать!»

Ругать себя было поздно. Васин растерянно посмотрел на пистолет, который все еще держал в руке, и вложил его в кобуру. Он нагнулся, поднял один из дисков и внимательно оглядел со всех сторон, надеясь, что его можно опять как-нибудь включить. Увы, на диске не оказалось никаких кнопок и переключателей, он был гладкий и примитивный, как крышка от кастрюли.

Теперь следовало определить для себя, куда он все-таки попал. Сомневаться в том, что произошло нечто необычное, было глупо. Но и в истории про путешествия во времени пока еще верилось с трудом – особенно применительно к самому себе.

Поляна выглядела обыкновенно. По ней нельзя было определить, какой сейчас век. Это могла быть и Рязанская область конца двадцатого, и Измайловский парк начала двадцать третьего. Первое было бы, конечно, предпочтительнее.

Сверху раздался тихий рокот. Васин отступил под крону ближайшего дерева и посмотрел вверх. Его худшие опасения, кажется, подтвердились. В небе медленно плыло нечто напоминающее обрывок гигантской пулеметной ленты – несколько продолговатых заостренных корпусов, соединенных ажурными перемычками. Васин точно знал, что ни в Рязанской, ни в любой другой области в его время такие штуки не летали.

Его начала колотить дрожь. «Проклятая моя дурная голова! – продолжал он проклинать себя. – Какого черта я в это ввязался?! Что теперь будет?»

Однако торчать здесь и разражаться проклятиями больше не было смысла. Васин подождал еще немного – а вдруг что-нибудь произойдет? – а затем повесил на плечо сумку и пошел в лес. Просто так, наугад. Первые сотню шагов его еще мучили сомнения: может, стоит вернуться и подождать еще немного возле переноски? Может, она еще заработает?

Но мысли эти были откровенно утопическими. Васин отлично понимал, что лучшее лекарство против паники – действие. И самое главное, он почти знал, как ему действовать. Во-первых, существует работающая установка в Институте магнетизма. Во-вторых, есть длинный и непонятный адрес, записанный на кассету диктофона – адрес какого-то секретного Департамента, где, по словам покойного Коржикова, находятся компетентные люди.

Все предельно просто. Добраться до Москвы, найти Департамент, рассказать, где спрятана установка, которую долго и безуспешно ищут. А в знак благодарности «компетентные люди» отправят его домой. Вот и все!

«А дома я в первую очередь хорошо напьюсь, – подумал он, – а затем приложу максимум усилий, чтобы закрыть это чертово дело и закинуть его в самый пыльный архив».

От таких мыслей у него даже поднялось настроение. Прошагав бодрым шагом минут пятнадцать, он наткнулся на широкую утоптанную тропу, и, не задумываясь, пошел по ней. В небе еще пару раз раздавалось низкое гудение, но листва мешала рассмотреть, что там пролетает на этот раз. Зато Васину удалось увидеть круглые серебристые предметы, висящие на деревьях на всем протяжении тропы. Видимо, это были фонари.

Других следов человеческой деятельности ему почему-то не попадалось. Возможно, переноска забросила его в очень глухое место. Это плохо – труднее будет добираться до Москвы.

Неожиданно деревья поредели. Васин сразу сбавил скорость, опасаясь наткнуться на что-нибудь неизвестное и неприятное. Пройдя еще несколько десятков шагов, он вдруг увидел людей.

Васин сразу попятился назад, спрятался за кустом орешника и принялся наблюдать.

Люди сидели или лежали на чистенькой зеленой поляне. Их было человек пятнадцать, возможно, чуть больше. А рядом, прямо по зеленой траве, проходили рельсы. Никогой насыпи, мазута, грязной щебенки – только трава и рельсы. Это выглядело очень необычно. Тем более, что и перрона здесь не было, и кассы тоже. Правда, неподалеку стояла небольшая ротонда с православным крестом на куполе, а возле нее пристроились два блестящих, ярко раскрашенных шкафчика. Время от времени люди поднимались, подходили к ним и что-то там делали, Васин никак не мог разглядеть, что именно.

Впрочем, это его сейчас и не интересовало. Главным было другое: можно ли ему показаться перед этими людьми? Не будет ли он выглядеть подозрительно в своей затертой джинсовой куртке?

Люди были одеты просто. Однотонные штаны и рубашки или футболки безо всяких сложных деталей и украшений. Пожалуй, если снять куртку, можно сойти за своего, тем более, что джинсы – одежда всех времен и народов.

Впрочем, Васин знал, что в любой ситуации чужого выдает не столько одежда, сколько выражение лица. Но издалека, к сожалению, трудно было разглядеть их лица.

Теперь предстояло решить вопрос: показаться ли перед людьми сейчас или дождаться поезда, а затем прыгнуть в вагон в последний момент. А может даже, вообще обойтись без поезда? Может, просто пойти по рельсам – куда-нибудь, да выведут.

В конце концов Васин решил набраться наглости и выйти. Если он почувствует враждебные взгляды, то всегда сможет удрать. А вот из поезда не убежишь...

Нет, определенно, нужно выходить. Все равно вечно прятаться он не сможет, лучше сразу показаться перед людьми и определить по их реакции, как вести себя дальше.

Он сложил куртку в сумку, снял кобуру и упаковал ее туда же. Пистолет вытащил и положил сверху, чтоб можно было достать его без задержек в экстренном случае. Дай Бог, чтоб их не было, этих случаев.

Васин еще раз осмотрел себя с ног до головы, перевел дыхание – и вышел на поляну. Вышел, пожалуй, даже более решительно, чем следовало.

Люди равнодушно посмотрели на него и отвернулись. Никто не задержал на нем взгляда больше секунды. Это было хорошим знаком.

Они сидели группами по три-четыре человека и разговаривали, делая глотки из маленьких черных стаканчиков. Абсолютно у всех были эти стаканчики, и Васин понял, что и ему во что бы то ни стало нужно раздобыть такой же, чтобы не выделяться. Только вот где его взять? Скорее всего в одном из блестящих шкафчиков рядом с ротондой...

Васин сел под деревом. Первым делом следовало разобраться, как заполнить стаканчик. Конечно, без местных денег это вряд ли удастся, но все-таки...

Мучительно хотелось занять чем-то руки. Лучше всего бы закурить, но никто не курил. А стаканчик пока недоступен.

К счастью, мучиться долго не пришлось. Всего через несколько минут из зарослей послышалось шипение и на поляну выскочил поезд из четырех вагонов. Он был в точности таким, каким и можно представить себе поезд будущего: чистенький, яркий, причудливой обтекаемой формы, с большими окнами.

Быстро, но плавно раскрылись скорлупки-двери, народ неторопливо потянулся внутрь. Васин тоже старался быть неторопливым и безразличным, как будто каждый день путешествует во времени и катается по лесам на шипящем поезде.

«А если потребуют билет? – мелькнула первая паническая мысль. – А впрочем, пусть требуют. Не расстреляют же меня. В худшем случае просто высадят».

Внутри вагонов было светло, чисто и красиво. Точь-в-точь, как в каком-нибудь американском фантастическом телесериале.

Тонированные большие стекла пропускали нежный желто-коричневый свет, играла тихая музыка. Главное, здесь было немногочленно. Васин быстро нашел свободное кресло, сел и уставился в окно. А когда поезд тронулся, начал украдкой оглядываться.

Кресла, как и в старые добрые времена, были установлены друг против друга, образуя уютные секции-купе. Одна из таких секций в конце вагона была целиком занята набором сложных приспособлений, наводящих на мысль не то о стоматологе, не то о парикмахере. В кресле сидел человек в белоснежном комбинезоне и читал журнал.

«Удобно, – подумал Васин. – Можно в поезде время не терять – и постричься, и зубы полечить. Жаль, у нас до такого еще не додумались...»

Впрочем, он тут же понял, что в дачных электричках по ряду причин нельзя ни постричь человека, ни поставить пломбу, а можно только изуродовать.

Возле самых дверей стоял точно такой же шкафчик, как и там, на травке. Все так же к нему подходили люди и возвращались на свои места со стаканчиками. Это начинало нервировать.

«А если это какое-то обязательное лекарство? – думал Васин. – Если здесь такая экология, что без этого стаканчика я и дня не протяну?»

Продолжая украдкой разглядывать пассажиров, Васин вдруг встретил взгляд, адресованный, вне всякого сомнения, ему. Он тут же отвернулся, однако не прошло и минуты, как к нему подсел один из пассажиров. Это был сухощавый человечек неопределенного возраста с быстрыми глазками и приклеенной улыбкой. Он был похож на угря. Или на глиста. В руках он держал два черных стаканчика.

Васин мельком взглянул на него и снова отвернулся к окну. Незнакомец поерзал на месте, потом заговорил.

– Я на вас смотрю еще с остановки, – сообщил он. – Думаю, почему вы не пьете шоколадное пиво? Возьмите, я вам принес.

Васин занервничал.

– Спасибо, – ответил он. – Что-то не хочется.

– Помилуйте! – рассмеялся человек. – Всего раз в месяц компания угощает нас бесплатно. В такой день все должны пить, даже те, кому не хочется. Выпейте, прошу вас!

Васин с сомнением посмотрел в стаканчик и взял его. Осторожно попробовал. Это и в самом деле оказалось пиво. И действительно, какое-то шоколадное.

Светские правила требовали в такой ситуации завязать непринужденный разговор. Но Васин определенно не знал, с чего начать.

Незнакомца, впрочем, не смущала молчаливость попутчика. Он все так же улыбался, отхлебывал пиво и поглядывал в окно.

– Еду в город, – наконец сказал он. – Буду искать себе работу. Можете меня поздравить – неделю назад получил лицензию частного священнослужителя. Так что можете называть меня батюшкой.

Он рассмеялся, радуясь этой, видимо, чудесной перемене в жизни.

– Поздравляю, – сказал Васин, даже не пытаясь улыбнуться.

– Да... Дело это живое. И надежное. Венчания на дому, крещения, исповеди, отпевания, благословения – ни в какие времена люди не обходились без этого. Работы много, без куска хлеба не останешься. Правда, в нашем поселке дела идут неважно. Вот еду в город. Там наверняка что-то получится. В большом городе всегда можно найти себе место. У вас ничего нет на примете?

Васин с сожалением покачал головой.

– Жаль, – сказал батюшка. – А то я смог бы бесплатно оказать вам кое-какие ритуальные услуги. Ну, ничего. Главное, что теперь я – батюшка. Батюшка никогда без куска хлеба не оставался. Знаете, мечтаю поднакопить на собственную церквушку. Найду хороших оформителей, поставлю игровые автоматы, чтобы молодежь почаще заглядывала. Хорошо! А вас как зовут?

Застанутый этим вопросом врасплох Васин вынужден был сказать правду:

– Саша.

– Саша?! – батюшка просветлел. – Это прекрасно! Это просто прекрасно, что сейчас людей начали вновь называть старыми русскими именами. А то, куда не сунься, везде то Мартиньян, то Бенедикт. Я вот, например, Лука – чего хорошего?

– Действительно, – искренне согласился Васину.

– А вы, Саша, тоже, как я понимаю, в город? И чем же вы зарабатываете свой кусок хлеба?

Васин моментально вспотел, попытавшись с ходу придумать что-нибудь нейтральное. Но в голове, как назло, вертелось только дурацкое «домохозяйка».

– Я тоже ищу работу, – наконец выдавил он.

– И какую же работу вы бы хотели получить?

Это уже походило на допрос. Воцарилась совершенно неприличная пауза.

Батюшка вдруг приблизился и хитро сощурил глаза.

– Вы – тромп, да? – тихо спросил он. – Я сразу так и подумал.

– Ну... – пролепетал Васин. – Не совсем.

– Ничего-ничего! Можете не беспокоиться. Я на этот счет без предрассудков. Лес за окном неожиданно кончился, и глазам предстала совершенно удивительная картина. Как будто в огромной песочнице дети построили из цветных кубиков большой сказочный город. Однако город был не игрушечный и состоял не из кубиков, а из настоящих зданий – высоких и ярких. Повсюду виднелись шпили, купола. Огромное количество золотых крестов на крышах заливало все фантастическим, волшебным светом.

– Игнатовка, – сказал батюшка и зевнул. – Скоро пересадка.

Поезд мягко остановился, потом поехал, а затем снова остановился. Люди поднимались, выходили, на их место садились другие. Музыка в радиосети вдруг стихла, и раздался мягкий женский голос.

– Пассажиров московского направления просим перейти в третий вагон.

Васин невольно дернулся, но батюшка остановил его жестом.

– Не волнуйтесь, это и есть третий вагон. Вы, видимо, первый раз на этом направлении?

– Первый, – согласился Васин. Это была суцая правда.

– Как видите, даже вам, тромпам, полезно иногда знать грамоту, – добродушно усмехнулся батюшка.

Женский голос в динамике продолжал распределять по вагонам пассажиров новгородского, владимирского, ногинского, петербургского и прочих направлений. Народу в вагоне заметно прибавилось. Васин вдруг понял, что отличает этот поезд от электричек эпохи криминального капитализма. Не мягкие кресла, не тонированные стекла, а лица пассажиров. На них исчезло наконец выражение вечной натуги, ожидания внезапной подлости с любой стороны, груза будущих и настоящих проблем. Люди здесь определенно чувствовали себя комфортно.

Они садились в кресла и сразу начинали разговаривать друг с другом, как старые знакомые. Так что зря Васин с таким подозрением отнесся к дружеским жестам батюшки. Это была не провокация, а просто привычка.

В это время в вагон зашли два очень примечательных пассажира: молодые ребята, почти школьники, одетые в длинные черные рубашки навывпуск, перехваченные широкими кожаными ремнями. На шее у каждого висел большой серебряный крест, а на боку – как ни нелепо это выглядело – большие пистолеты угрожающего вида. Сочетание креста и пистолета вызвало у Васина замешательство, он с трудом удержался и не задал батюшке невинный уточняющий вопрос.

Сам батюшка лишь что-то недовольно пробурчал и уставился в окно, сделав вид, что его здесь нет. Его улыбка где-то потерялась.

Мальчики с крестами были очень надутые, серьезные, будто находились при исполнении жутко секретного, сверхважного задания. Казалось, что от их присутствия в вагоне сразу стало тише.

Вагон тронулся – без качки и грохота. Городок из кубиков плавно ушел назад, вновь потянулась лесная гуща. Сначала она была отчетливо различима, а потом вдруг размылась в сплошную изумрудную полосу, потому что поезд набрал такую скорость, что Васин начал опасаться, не слетят ли они с рельсов.

– Скажите, – вкрадчиво проговорил батюшка, – как у вас, тромпов, считается, индекс «пи» человеку обязателен, или он может себе любой другой взять?

Васин вновь покрылся испариной. Знать бы, что такое «тромп», не говоря уж про индекс «пи»...

– Ну.. – очень тихо сказал он, чтобы в случае глупого ответа его никто больше не услышал, – у всех ведь по-разному...

Его перебил голос в динамике:

– Магнитопоезд идет до станции Москва-Киевская-добавочная со всеми остановками, кроме Очакова...

После этих слов по вагону вдруг пронесся сдержанный ропот, пассажиры посерьезнели и сразу заговорили вполголоса. Батюшка покачал головой и тяжело вздохнул.

– Ужасно, – сказал он. – Это просто ужасно.

Васину осталось только вяло сказать «да».

Однако разговор про индекс «пи», к счастью, не возобновился.

В вагон зашла девушка – молоденькая, хрупкая, в легком белом платице – и с большим серебряным крестом на шее. На плече у нее висел довольно объемный ящик серо-стального цвета, похожий на какой-нибудь электронный прибор. Васин не обратил бы на нее особого внимания – мало ли хорошеньких девушек с ящиками на боку – но она остановилась у дверей и деловито объявила:

– Сбор пожертвований на восстановление православной Очаковской видеотеки. Все жертвующие получают приглашение на бесплатную исповедь в женском христианском центре «Мадонна».

Васин понял, что пришло время притвориться спящим. Один глаз он на всякий случай оставил полуоткрытым. Девушка медленно двигалась вперед и все – все без исключения! – что-то бросали в ящик. Впрочем, это сначала Васину казалось, что бросали. Когда сборщица подошла ближе, он смог разглядеть, что пассажиры достают из карманов небольшие белые или серые карточки, засовывают их в щель ящика, а затем прячут обратно в карманы. После этого из ящика вываливались другие карточки – ярко желтые, и девушка с улыбкой дарила их всем жертвующим.

Нетрудно было догадаться, что серый ящик – просто аппарат для «считывания» денег с магнитных карточек. Похоже, наличные средства здесь были уже не в ходу.

Васин немедленно привалился к окну и закрыл глаза, неистово надеясь, что сборщица пройдет мимо. Однако не прошло и трех минут, как его тронули за плечо.

Пришлось открыть глаза. Девушка пристально и требовательно смотрела ему в лицо.

– А ты? – спросила она.

– Что? – спросил в ответ Васин.

– Ты не хочешь пожертвовать на видеотеку?

– Я? Хочу, но... – он попытался сказать что-то вроде «нет мелочи», но получилось лишь жалкое бормотание. Васин покраснел.

– Не ожидала от тебя, – с презрением и неприязнью сказала девушка.

Васин виновато развел руками. Потом искоса взглянул на соседа. Тот равнодушно глядел в окно, перебирая пальцами желтую карточку, выданную юной вымогательницей.

– стыдно, – сказала девушка и пошла дальше.

Васин робко повел глазами по сторонам. Никто не тыкал в него пальцем, никто не обсуждал его «скупердяйское» поведение, никто даже не смотрел в его сторону.

– Возьмите, – сказал вдруг батюшка и протянул ему свою желтую карточку. – Мне это ни к чему, я сам себе исповедь. А вам пригодиться.

В его голосе не было осуждения, и Васину стало легче. До этого ему казалось, что отказ пожертвовать на видеотеку столь ужасен и безнравственен, что никто не захочет с ним разговаривать. Оказалось, все не так ужасно.

Он посмотрел на карточку. Изумрудно-зеленые замысловатые буквы на желтом фоне глаголили: «ФЕДОСИЯ. ПОМОЩЬ ЗАБЛУДШИМ ДУШАМ». Ниже стоял набор цифр – очевидно, телефонный номер. И еще – темный квадратик с цифрой «1».

Народ в вагоне вдруг оживился. «Очаково... Очаково... Оча...» – пронеслось над рядами кресел. Васин оторвался от карточки и выглянул в окно.

То, что он увидел, сильно потрясло его, и он так и застыл с открытым ртом.

– Ужасно, – вздохнул сосед. – Просто ужасно.

С первого взгляда казалось, что за окном простирается огромная свалка. Но это была не свалка. Это были остатки городских кварталов. Груды камня, искореженное железо, горелый пластик, пылающие газовые факелы, струи воды, бьющие из разорванных водопроводов. Это было похоже на последствия бомбежки или землетрясения. Но в Москве не бывает землетрясений...

По развалинам ползали небольшие аккуратные машины на широких гусеницах, выкрашенные в яркие цвета. Людей было немного, они работали с какими-то механизмами, разбирая развалины. На расчищенном участке стоял большой полупрозрачный купол, чуть дальше виднелся еще один.

Вдруг Васин почувствовал, что на него кто-то напряженно смотрит. Он повернул голову. Юная сборщица пожертвований снова была рядом и снова презрительно разглядывала его.

– Ну, что, так ничего и не дашь?

«Когда же ты уберешься, детка?» – мысленно взмолился Васин.

– Эх ты... А еще вырядился, как тропп.

Девушка хотела прибавить еще что-то, видимо, обидное, но ее неожиданно перебил один из парней с крестом и пистолетом.

– Эй! Отстань от гражданина, – грубо потребовал он. Пожалуй, даже слишком грубо.

– Имею право! – с достоинством ответила девушка.

Тут произошло то, чего Васин больше всего боялся: пассажиры начали медленно переключать на него свое внимание. Еще бы! Маленький скандальчик лучше любого развлечения в скучной поездке. Даже стоматолог-парикмахер приподнялся, чтоб лучше видеть.

– Какое еще право?! – продолжал хамовато разбираться «крестоносец». – А ну покажи лицензию.

– Я тебе не обязана ничего показывать.

Васин чувствовал себя хуже некуда. Он все-таки не смог не вляпаться в историю. А история была неизбежна. В этой совершенно незнакомой обстановке Васин узнал знакомые интонации. Тон, которым разговаривал юнец с пистолетом, был тоном людей, желающих скандала. Этим тоном провоцируют групповые драки на дискотеках. Этим тоном сбивают спесь с прохожего, который осмелился ходить один в позднее время. Одним словом, в чистеньком, красивеньком вагончике, среди беззаботных улыбчивых людей, потягивающих халявное пиво, вдруг зазвучала музыка подворотен.

– Покажи лицензию, тебе сказали! – рявкнул второй юнец.

– Я не обязана! У нас некоммерческая организация, я могу и без лицензии... – девушка уже не огрызалась, а оправдывалась.

Васину вдруг стало жаль ее. В конце концов, когда двое наглых, да еще и вооруженных молодчиков насаждают на незащитную женщину, это противно. Даже если она и стерва.

Почти все пассажиры, видимо, почувствовали назревающие неприятности и дипломатично отвернулись, занялись своими разговорами и стаканчиками с пивом. Но все равно, ощущать себя причиной скандала было невыносимо.

А между тем у девчонки выступили слезы. Один из «крестоносцев» уже стоял рядом с ней и пытался отобрать ящик-копилку.

Нужно было что-то делать. Пионерскую привычку заступаться за девочек Васину так и не удалось вытравить, хотя ничего, кроме физического ущерба, это ему никогда не приносило.

– Не лезьте, – тихо посоветовал ему батюшка, почувствовав порыв соседа к движению, – никогда не лезьте в разборки между сектантами. У них конкуренция, они рады любому поводу поругаться.

– Ничего, – пробормотал Васин вставая, и попытался нарисовать на лице побольше миролюбия.

– Ребята, – сказал он, стараясь, чтобы в голосе ненароком не прозвучала агрессия, – да не трожьте вы ее. Спасибо, конечно, что заступились, но я сам разберусь.

– Уйди, троп, – отрезал молодчик, даже не глядя в его сторону.

За этим последовал удар. Хлесткий и безжалостный удар по лицу девушки. Это было уже слишком. Она покачнулась, но удержалась на ногах. И быстро обвела взглядом замкнутый мир вагона. Это был обреченный, затравленный взгляд человека, которому уже не на что надеяться, не от кого ждать помощи.

Васин вышел вперед и попытался встать между противниками. В следующую секунду у него перехватило дыхание от жесткого удара под ребра. Потеряв самоконтроль, он размахнулся и врубил кулаком в нахальное лицо парня. Тот отлетел, ударившись затылком об пол.

Секунды вдруг растянулись тонкими резиновыми нитями. Парень медленно-медленно заковырялся на полу, его товарищ отступил, протягивая руку к пистолету...

Однако Васин оказался шустрее.

– Не двигаться! – заорал он, крепко сжимая свой пистолет.

Поезд шел совсем медленно. За окном уже не было мрачных очаковских развалин, они уступили место зеленому массиву со спасительно мягкой травой. Васин, не отрывая взгляда от противников, повернул руку с пистолетом к окну и дважды выстрелил. Затем выбил остатки стекла ногой и, недолго думая, прыгнул.

Земля мягко, но тяжело ударила по ступням, потом по спине и затылку. Поезд шел, оказывается, не так уж и медленно.

Васин перекувырнулся, вскочил и бросился в заросли кустарника. Пробежав метров тридцать, он замер, прислушиваясь. Сзади раздавался треск и топот – его преследовали.

Васин снова помчался, не чуя под собой ног. За зеленой листвой вдруг запестрели развалины. Васин не остановился – руины были нагромождены столь замысловато, что прятаться среди них было легче, чем в лесу. Хотя, бежать здесь было, конечно, трудно.

* * *

Организм быстро взмолился о перерыве. Васин нырнул в щель между покосившимися стенами маленькой бетонной будки и замер, выглянув наружу. Убежище было удобным, но не особенно надежным. Васин вовсе не был уверен, что растрескавшиеся бетонные глыбы не рухнут от первого же выстрела. К тому же здесь почему-то сильно воняло пивом, и это мешало сосредоточиться.

Наконец Васин увидел своих врагов. Они были довольно далеко – очень осторожно прыгали с камня на камень, помогая друг другу. Кажется, они не видели, где он спрятался – они озирались, и вообще, шли не в том направлении.

Хуже всего было то, что Васин не знал, как себя вести. Кто он здесь – преступник или наоборот? Те двое своими манерами сильно смахивали на бандитов, но они открыто носили оружие! Не говоря уж про кресты... Васину совершенно не хотелось ссориться с властями в первый же день. Хорошо бы узнать сначала свои права – в частности, по применению оружия, – а уж потом действовать.

Однако спросить про оружие было не у кого. Оставалось решать самому – отстреливаться или сдаваться. Только вот берут ли они пленных?..

И тут сзади послышался шорох. Васин особенно не испугался – мало ли там что – крыса или газета на ветру...

Но, оборачиваясь, он заметил краем глаза, что позади откуда-то взялось нечто большое. Он ошарашенно отпрянул, да так резво, что рассадил себе бровь о камень, висящий на куске арматуры.

Это была машина на широких гусеницах. Непонятно, как ей удалось бесшумно подобраться, но факт оставался фактом. Она стояла позади Васина и шевелила блестящими проволочками на бампере, выдавая с головой его убежище.

У Васина хватило выдержки отметить про себя, что в машине не было водителя. Ему бы просто не нашлось там места – она состояла, казалось, только из гусениц и кузова.

Васин вновь посмотрел на своих противников. Те со всех ног – насколько это удавалось на камнях – бежали к нему.

– Способны ли вы передвигаться самостоятельно? – спросила машина участливым девичьим голосом.

Однако Васин не был настроен сейчас болтать о пустяках. Его положение становилось серьезнее, чем он ожидал.

– Если вы не способны передвигаться самостоятельно, – продолжала ворковать самоходная тележка, – то по истечении десяти секунд будет отправлен сигнал диспетчеру и за вами вышлют медицинский кар. Если вы ограничены в передвижении, постарайтесь переместиться на платформу, и вы будете немедленно доставлены в медицинский центр для оказания помощи.

Машина вздрогнула и с едва слышным скрипом повернулась к Васину боком. Ярко-оранжевый борт кузова наклонился и пополз вниз, превращаясь в лебедку.

Васин понял, что другого шанса не будет. Он не заставил машину ждать себя целых десять секунд, а без промедления прыгнул в кузов. Борт остановил свое движение и незамедлительно вернулся на место. После этого машина плавно и бесшумно набрала скорость.

Васин распластался на дне кузова. Машина шла удивительно ровно и мягко, хотя двигалась по обломкам, ямам и ухабам. Слышался только шорох камней под гусеницами и легкое поскрипывание механизмов. Но вот в этот фон вплелись новые звуки – резкие щелчки, как будто камушки стучат по железу. Васин понял значение этих звуков, лишь когда увидел в кузове, совсем рядом со своей ногой, две маленькие аккуратные дырочки.

По машине стреляли. Васина перестали волновать юридические и моральные аспекты применения оружия сотрудником милиции. Он высунулся из кузова и, не целясь, узким веером выпустил оставшиеся шесть пуль. А затем упал на дно и поменял обойму.

Он стрелял не для того, чтобы убить кого-то. Он хотел просто заставить врагов остановиться и спрятаться. А тем временем быстрая машина унесет его из зоны поражения. Хотя кто знает, какая у их оружия зона поражения...

Но машина поступила несколько иначе. «Фиксируется повышение степени опасности» – сообщила она и начала лязгать и вздрагивать. Откуда-то выдвинулись широкие пластины, увеличились, еще раз выдвинулись, защелкнули, и через несколько секунд Васин оказался под глухим колпаком. Машина создала вокруг него непроницаемую защиту, даже звук ударяющихся об нее пуль был не слышен. А может, они просто перестали стрелять.

«А вдруг застрянет? – подумал Васин. – Из этой скорлупы ведь и не выберешься. Осталась одна обойма...»

Но время шло, а тележка продолжала мягко нести его неизвестно куда. Васину было не по себе в темноте, он хотел посветить спичкой, но передумал – мало ли что тут может загореться.

Наконец что-то щелкнуло, купол разорвался, показав полоску неба, а затем сложился и исчез без следа.

Васин поднялся и соскочил на землю. Оказывается, пока он путешествовал, небо потемнело, да и воздух стал прохладнее. Близился вечер.

Машина принесла его к одному из тех прозрачных куполов, что он видел из окна поезда. Сейчас освещенный изнутри купол был похож на рыбачий электропоплавок. За матовыми стенами передвигались неясные тени, вспыхивали какие-то лампы.

– Как вы себя чувствуете?

Васин обернулся. Рядом стояла взрослая и очень красивая женщина в оранжевой куртке.

– Нормально, – неуверенно ответил Васин.

– Долго вы пролежали в развалинах?

– Э-э... Не помню.

– Удивительно! Уже столько дней прошло, а мы продолжаем находить в развалинах живых людей. Что у вас с головой?

– А что у меня с головой?

– У вас кровь. Вы сильно поранились?

Васин хотел коснуться лица, и только тут понял, что до сих пор держит в руке пистолет. Он спрятал его в кобуру, взялся покрепче за ремень сумки.

– Ничего страшного, – сказал он.

– Идемте со мной, – женщина повернулась и пошла в сторону купола.

Васин медленно двинулся за ней. Он радовался, что так здорово вышел из трудной ситуации и избежал нежелательных расспросов. Никто теперь не удивится – мало ли, получил человек камнем по голове и все забыл.

Входя внутрь дома-полушария, Васин коснулся стены. Купол был не стеклянный, а либо резиновый, либо пластмассовый. Стена пружинила под ладонью, как воздушный шарик.

Его завели внутрь, усадили на надувное кресло. Сквозь прозрачные стены были видны ряды пустых кроватей в соседнем помещении.

Женщина подошла, нежно положила руку ему на плечо и вытерла кровь с лица влажным холодным тампоном. Откуда-то возник сонный сухопарый человек с водянистыми стариковскими глазами, сел рядом. Посидел с минуту, вздохнул, достал из кармана оранжевой куртки плоскую коробку в кожаном футляре и, тыкая в нее блестящей палочкой, начал задавать вопросы.

– Как ваше имя?

– Не помню, – уверенно ответил Васин.

– Не помните?! – удивился доктор. – Ладно, узнаем. А где вы работаете?

– Ничего не помню, – упрямо повторил Васин.

– Хм... У вас голова не болит?

– Нет-нет. Все нормально.

– Нормально, – повторил доктор. – Ну, все равно вам придется пройти диагностическое тестирование. А тем временем мы установим ваше имя и все остальное. Вам есть где сегодня переночевать?

«Нет», – подумал Васин.

– Есть, – ответил он, чуть помедлив. – А вообще, не помню...

– Если есть проблемы, говорите, не стесняйтесь. Для жертв катастрофы уже выделен резервный жилой фонд.

Жилой фонд – это хорошо. Но то, что они собирались проверять его имя, не устраивало никак. К тому же Васин понял, что зря расслабился. Только идиот не мог бы догадаться, куда отвезла его самоходная тележка. И теперь он с опаской поглядывал на вход, ожидая скорого появления молодчиков к крестами и пистолетами в руках.

– Я сейчас приду, посидите здесь, – сказал врач и скрылся за перегородкой. Васин остался один.

«Наверно, ничего страшного, если я выйду на улицу, – подумал он. – Если что, скажу, стало плохо, захотелось на воздух».

Он поднялся и вышел. Никто не попытался его остановить. На улице все было залито синим вечерним полумраком. Где-то в гуще развалин лязгали невидимые спасательные механизмы. Несколько гусеничных тележек отдыхали у стен купола.

Васин разглядел впереди цепочку огней, похожих на придорожные фонари. Его раздирали сомнения. С одной стороны – гостеприимный медицинский купол, тепло, ласковая красивая женщина, наверняка будет ужин. Но ко всему этому – проверка личности. Мало ли что они там напроверяют! Да еще и риск встретиться с «крестоносцами».

Тепло, ужин – это, конечно, замечательно. Но впереди цепочкой огней тянулась дорога. Дорога, которая куда-нибудь да приведет.

Васин воровато оглянулся, поправил сумку на плече и быстро пошел в сторону искорок-фонарей...

* * *

Однако это была не дорога. Просто фонари, расставленные на развалинах, как вешки. Впереди виднелась еще одна цепочка таких же, за ней еще, и еще...

Возвращаться было поздно. Васин решил идти, хотя представления не имел, куда уведут его эти светящиеся точки.

Становилось прохладно. Он надел куртку, не забыв пристегнуть под мышку кобуру. Достал мятую пачку сигарет – там оставалось всего три штуки. Васин долго думал, что с ними делать, потом решил потерпеть. Курить на ходу не хотелось, потому что это была не ходьба, а сплошное карабкание, медленное и утомительное. Лучше куда-нибудь прийти, а уж потом со спокойной совестью покурить и извлечь из сигареты максимум удовольствия.

Беспокоила Васина и еще одна проблема. Последнее, чем он перекусил, была вареная картофелина и соленый огурец, съеденные в ночном клубе. Чувство голода еще никому не прибавляло уверенности в себе, а возможности подкрепиться пока не предвиделось. Сигареты же в подобных случаях помогают слабо.

Он медленно продирался сквозь завалы камня и сплетение стальных прутьев, ноги то цеплялись за невидимые выступы, то скользили на чем-то влажном. С каждой минутой темнело, уже отчетливо были видны звезды. Мертвое поле расцветивалось пылающими тут и там газовыми факелами из разорванных газопроводов. Пару раз попадались блуждающие спасательные тележки, которые непременно пытались завести нехитрый разговор, но Васин упрямо шел дальше, не вступая ни в какие диалоги. Им двигала не какая-то цель, а одно только отчаяние. Лишь бы куда-нибудь дойти, лишь бы где-нибудь остановиться. Но только не на этих камнях.

Свалка, оставшаяся от цветущего города, казалась бесконечной. Однако Васин стал замечать, что передвижение дается ему все легче. Хаоса становилось меньше, начали обозначаться улицы, появились первые уцелевшие дома. Разрушения здесь сказались меньше. Васин начал подумывать, не завалиться ли ему на ночлег в одном из этих пустых домов. Засыпать на голодный желудок неприятно, но что делать?

Огибая очередное перекошенное здание, Васин увидел впереди большое зарево. Он подумал было, что это газовый факел, но, подойдя ближе, понял, что это костер. Его развели прямо посреди улицы, между темными громадами пустых домов. Пламя колыхалось, расцветивая лица стоящих вокруг костра людей. Их было примерно человек десять.

Васин приблизился, встал между ними и с удовольствием вдохнул нагретый дымный воздух. Люди потеснились. Одеты они были неважно. Будь Васин сейчас в привычной обстановке, он назвал бы их бомжами. Хотя, как знать, может, и сам он здесь кажется бомжем. Ведь из-за одежды его называли странным термином «тромп».

В конце улицы раздался хруст побеспокоенных камней. Вскоре к костру подъехал небольшой угловатый автобус на гусеничном ходу.

– До метро кто поедет? – спросили из открывшейся дверцы.

Несколько человек вышли из круга и скрылись в темноте салона. Васин подумал, подумал – и шмыгнул вслед за ними. Оставшиеся проводили их равнодушными взглядами.

Васин опустил на мягкое сиденье и прикрыл глаза, слушая уютное поскрипывание гусениц. Хорошо бы ехать так долго-долго и знать, что в конце пути тебя ожидает дом, добрые товарищи, ужин. Рюмка водки тоже сейчас бы не помешала.

Но, увы, ничего не ждало его впереди. Только чужой город, равнодушные незнакомые люди и неизвестность. Все-таки надо было оставаться в медицинском корпусе и ломать там комедию до конца. Все равно в итоге придется сознаваться и открывать кому-то правду о себе.

Васин едва не уснул. Он очнулся, только когда по салону зашаркали его попутчики, направляясь к выходу. За окнами пестрела миллионами огней городская ночь. Никаких развалин больше не было и в помине.

Васин встал и нос к носу столкнулся с врачом, тем самым, который собирался устанавливать его личность. Старик посмотрел на него, узнал и приветливо кивнул.

На улице пассажиры сразу потянулись к дверям застекленного светящегося здания с большой вывеской «ОЧАКОВСКАЯ-КОЛЬЦЕВАЯ». Васин старался не отставать. Он лишь бегло взглянул на окружающий мир, но у него тут же закружилась голова от исполинских размеров стоящих вокруг домов и бешеной круговерти электрических огней.

Он миновал двери стеклянного здания, вошел в просторный зал с пластиковыми колоннами. На этом его путешествие закончилось. Потому что дальше стояли турникеты. Все его попутчики достали кредитки, вставили их в стойки и спокойно пошли дальше. А Васин остался стоять, уворачиваясь от людей, которые несколькими потоками пересекали зал в разных направлениях и исчезали за турникетами.

Стоять здесь и дальше не было ни смысла, ни возможности. Васин бочком отошел к стенке и сделал вид, что подтягивает шнурки – просто так, чтоб занять руки.

Мимо шли люди. У всех были кредитные карточки. Никаких жетонов, никаких проездных, никаких бабулек с красными повязками, стоящих в будках. Только кредитки и безмозглые шкафы-турникеты. С ними не договоришься, не попросишь пропустить бесплатно, не покажешь удостоверение. Видимо, метро отпадает.

Васин украдкой осмотрелся и заметил, что не он один торчит у стенки. Слева маялся бездельем какой-то гражданин с совершенно лысой головой, одетый в грязно-белый плащ без застежек и пуговиц. Чуть дальше прямо на полу расположились двое подростков, очень увлеченно евших цветные шарики из большой коробки. А между дверями, привалившись спиной к стенке, дремал одетый в кожу молодой человек с синеватыми после бритья щеками. Перед ним стоял ящик, вроде того, с которым ходила по вагонам юная сборщица пожертвований.

Васин довольно долго наблюдал за ним, пока не догадался, что этот человек – нищий! Он собирал электронную милостыню в свой ящик: проходящие люди иногда касались его своими кредитками.

Васин попытался собраться с мыслями. Что делать? Собирать милостыню – нет ящика. Идти сдаваться в милицию – но где она? Если те уроды с крестами, что гнали его по развалинам, и есть милиция, то лучше уж сразу застрелиться...

Один из проходящих мимо людей вдруг замедлил шаг и направился прямо к Васину.

– Разрешите? – улыбнулся он.

– Что? – испуганно переспросил Васин.

– Разрешите, я посмотрю, – и он сделал жест, приглашающий Васина отойти в сторону.

Васин отошел. Прохожий провел пальцем по нарисованному на стене узору, и вдруг узор начал усложняться, возникла целая мешанина цветных светящихся линий, которые начали вспухать, становиться объемными, и наконец выдвинулись из стены, зависнув в воздухе.

«Голограмма...» – догадался Васин. Еще через секунду он понял что это, должно быть, трехмерная схема метро. Да, так и есть...

Человек изучил схему и пошел себе дальше. Изображение побледнело и исчезло. Васин воровато оглянулся и потыкал в стену пальцем. Вновь перед ним повисла путаница цветных линий, точек, пунктиров, букв и цифр. Интересно, как здесь разобраться, не вывихнув мозги? Может, сначала послушать запись разговора с Коржиковым? Кажется, он все очень подробно объяснял. Васин полез в сумку, потом вспомнил, что диктофон так и остался лежать в куртке. Он сунул руку в карман и наткнулся там на карточку, которую передал ему в вагоне частный батюшка.

Некоторое время он задумчиво рассматривал ее. «ФЕДОСИЯ. ПОМОЩЬ ЗАБЛУДШИМ ДУШАМ». Может, рискнуть? Он ведь и есть заблудшая душа. Позвонить, сказать, что требуется помощь или совет. Если это действительно, настоящая церковь, то очень даже можно рассчитывать на помощь. Церковь всем помогает – хоть пришельцу из прошлого, хоть марсианину, лишь бы человек был хороший. Можно будет даже раскрыть себя для простоты общения – тайна исповеди все-таки...

Васин пошарил глазами по залу и довольно быстро нашел нечто напоминающее телефон-автомат. Конечно, это мог быть и автомат для раздачи религиозных наставлений, но уж очень похоже именно на телефон.

К сожалению, и там люди расплачивались чертовыми кредитками. Тоже называется, люди будущего... Не могли бесплатную связь сделать.

Никаких шансов. Разве что попросить кого-то оплатить один разговор? Больше ничего не остается.

Васин долго не мог решиться, затем выбрал немолодую женщину с добрым лицом и, виновато улыбаясь, спросил:

– Простите, к сожалению забыл дома деньги, а мне позарез нужно один раз позвонить. Вы не могли бы расплатиться за меня?

Добрые глаза женщины стали изумленными, затем испуганными.

– А может, тебе видеоразговор оплатить?! – визгливо возразила она. – Да еще и международный, а? Совсем уже обнаглели, нигде от вас житья нет!

Она возмущенно развернулась и растворилась в потоке людей.

Васин сокрушенно вздохнул. Ну и народец стал! Он хотел вернуться на свое место, но тут заметил нищего.

Нищий разговаривал по радиотелефону. Вне всякого сомнения, эта серебристая, изящно изогнутая штучка у него в руке была радиотелефоном. Вот так удача. Нищий не откажет в помощи, нищие просто органически не могут быть жадными.

Дождавшись, пока молодой человек договорит, Васин ринулся к нему.

– Брат, помоги! – воскликнул он. – Срочно нужно позвонить, и ни копейки денег с собой, как назло.

Для убедительности он помахал желтой карточкой. Нищий несколько раз перевел взгляд с карточки на умоляющее лицо Васина, при этом глаза его не выражали никакого братания.

– Не морочь мне голову, чертов трюмп, – сказал он наконец, – у тебя визитная карточка с магнитной отметкой на один звонок.

– Да? – растерянно сказал Васин. – А я и не заметил.

Он нерешительно подошел к одному из автоматов, нашел нужную щель, выделенную светящейся стрелкой, сунул туда карточку. Тут же на корпусе зажегся оранжевый экран с двумя простыми строчками:

«ОПЛАЧЕНА ОДНА МИНУТА АУДИОРАЗГОВОРА.
СОЕДИНЯТЬ ПО УКАЗАННОМУ НОМЕРУ?»

– О, Господи... – пробормотал Васин.

«ДИРЕКТИВА НЕ ОПРЕДЕЛЕНА, – ответил экран. – СОЕДИНЯТЬ ПО УКАЗАННОМУ НОМЕРУ?»

– Да, – сказал Васин, чувствуя себя полным идиотом.

«СОЕДИНЕНИЕ...»

Экран быстро разделился на клеточки, в каждой из которых помещалась цифра или буква. Нетрудно было понять, что он превратился в клавиатуру. Васин поднял было руку, но клеточки сами начали подмигивать и окрашиваться в разные цвета. Номер набирался автоматически, следуя магнитной отметке на карточке.

После того, как техника сделала за Васина всю рутинную работу, ему осталось только прижать трубку к уху.

– Да, – услышал он ласковый девичий голос.

– Здравствуйте, – ответил Васин. – Я по поводу помощи заблудшим...

– Какого рода помощь вам нужна? – быстренько поинтересовалась невидимая собеседница. – Консультативная, ритуальная, богоугодная, платная, нелегальная?

– Э-э...

– Если вы не готовы ответить, мы квалифицируем вашу потребность на месте. Запишите наш адрес...

– Минуточку. Я не смогу никуда приехать, у меня совсем нет денег.

– Тогда вам нужно обратиться в комитет материальной помощи, туда ходят бесплатные турбовагоны.

– Я не могу никуда обратиться, я впервые у вас, приехал издалека и ничего здесь не знаю, а кроме того, я три дня провалялся в очаковских развалинах, получил кирпичом по голове и ничего не помню. Пожалуйста, помогите.

– Понятно. Где вы находитесь?

– Э-э... – Васин завертел головой и нашел табло над турникетами. – Я на станции метро «Очаково-кольцевая».

– Хорошо. Я выезжаю. Выходите на поверхность, ждите машину.

– А как я ее узнаю? – спросил Васин, но там уже повесили трубку.

«А ведь это та самая девчонка, которая была в вагоне, – подумал он. – Хорошо, что разговор не видеотелефонный, а то узнала бы меня и послала куда подальше...»

Васин вздохнул и повернулся к выходу. Он сразу же заметил, что несколько человек стоят рядом и с нахальным любопытством разглядывают его. Наверное, они подслушали его разговор. Впрочем, как только Васин зыркнул глазами в их сторону, они поспешно пошли своей дорогой.

Он вышел на улицу и автоматически полез за сигаретами. Однако сразу остановил себя – по-прежнему вокруг не видно было ни одного курящего. Неширокая площадь перед входом в метро была заполнена праздными людьми. Здесь находилось множество торговых автоматов, удобные, не по-уличному роскошные скамейки, причудливо постриженные деревья, и еще какие-то развлекательные приспособления. Особенно Васину понравилась выкрашенная в черное будка со светящейся вывеской. «Кибер-исповедник. Выдача разовых индульгенций».

Он сел на скамейку и почувствовал себя очень несчастным. Сказалась и бессонная ночь, и круговорот сумасшедших событий, и неопределенность будущего. И хотя ему обещали помочь, разве можно предугадать, что это будет за помощь?

Наконец Васин плюнул на всех, открыто вынул пачку сигарет и закурил. Несколько раз на него бросали косые взгляды, но этим все и ограничилось.

Он смотрел на проезжающие мимо машины, на дома, на гуляющих людей. У него осталось слишком мало сил, чтобы чему-то удивляться. Ну, подумаешь, попал человек в будущее... Ничего волшебного, никакой мистики, одна голая наука. Все объяснимо... Сам виноват, что встрял в эту историю. Теперь нужно не удивляться, не рот разевать, а действовать. Тем более, что есть цель, хотя и условная – некий секретный Департамент, где сидят «компетентные люди», которым можно будет, наконец, рассказать правду о себе.

Васин докурил сигарету, задушил об ботинок и спрятал под скамейку, потому что урны не наблюдалось, а тротуар был вызывающе чистым.

И в этот момент он увидел машину «крестоносцев».

Почему-то он сразу понял, что это именно их машина. Большая и очень мощная, выкрашенная черным лаком, блистая золотым крестом на капоте, она медленно ехала вдоль пешеходной зоны. Васин хотел было отвернуться, но было уже поздно.

Машина с плотоядным урчанием остановилась напротив. Лакированная дверь отползла в сторону. Сначала в глубине кабины блеснул серебряный крест, затем появился тот, на чьей груди он висел, – стриженный юнец в черной рубашке с пистолетом на поясе. Вслед за ним вылезли еще двое. Вылезли и пошли прямо на Васина. Пошли неторопливо, лениво, как усталый дачник, догоняющий колорадского жука – мол, все равно никуда не денется...

В их неторопливости было столько презрения, что Васин просто возмутился – да неужели эти сопляки будут гонять его, Васина, майора милиции, старого опера, которого уже давно боятся даже матерые уголовники...

Но возмущение быстро прошло, уступив место здравому смыслу. Васин лениво встал и пошел, стараясь не оборачиваться. Но нервы не выдержали, и он все-таки обернулся. Юнцы шли за ним, кажется, ухмыляясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.